

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Й
А К А Д Е М И И
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й
С Л У Ж Б Ы

Научный журнал

№ 2 (27)
2011

Саратов

Научный журнал

Учредитель

**Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина**

Главный редактор – профессор **С.Ю. Наумов**
Зам. главного редактора – профессор **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь – **С.Г. Сергеев**

Редакционный совет:

С.Ю. Наумов – председатель (доктор исторических наук, профессор, ректор ПАГС),
Л.В. Гильченко (заместитель полномочного представителя Президента РФ
в Приволжском федеральном округе),
П.Л. Ипатов (губернатор Саратовской области),
В.В. Артяков (губернатор Самарской области),
О.И. Бетин (глава администрации Тамбовской области),
В.К. Бочкарёв (губернатор Пензенской области),
С.И. Морозов (губернатор Ульяновской области),
Ю.З. Камалтынов (руководитель Аппарата Президента Республики Татарстан)

Редакционная коллегия:

В.Н. Гасилин, д-р филос. наук; **В.В. Герасимова**, д-р экон. наук;
Л.В. Константинова, д-р социол. наук; **Э.Г. Липатов**, д-р юрид. наук;
О.И. Марченко, канд. экон. наук; **Е.В. Масленникова**, канд. социол. наук;
И.В. Ракевич, канд. экон. наук; **А.Н. Романцов**, д-р экон. наук;
Н.В. Тельтевская, д-р пед. наук; **Ю.И. Тарский**, д-р социол. наук;
Т.П. Фокина, канд. филос. наук; **О.И. Цыбулевская**, д-р юрид. наук;
В.Л. Чепляев, канд. социол. наук; **Т.И. Черняева**, д-р социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжской академии государственной службы» ПИ № ФС77-35069 от 23 января 2009 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция – февраль 2011 г.), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>

© ФГОУ ВПО «Поволжская академия
государственной службы им. П.А. Столыпина», 2011

№ 2 (27)
2011

B U L L E T I N
OF THE VOLGA REGION ACADEMY
FOR CIVIL SERVICE

Science journal

Founder:

**Volga Region Academy for Civil Service
named after P.A. Stolypin**

Editor-in-chief: Professor **S.Yu. Naumov**
Deputy editor-in-chief: Professor **O.N. Fomin**
Executive secretary: **S.G. Sergeev**

Editorial council:

S.Yu. Naumov – Chairman (Doctor of History, Professor, Rector of PAGES),
L.V. Gilchenko (Vice of the Plenipotentiary of the President in the Volga Federal District),
P.L. Ipatov (Governor of the Saratov Region),
V.V. Artiakov (Governor of the Samara Region),
O.I. Betin (Head of the Administration of the Tambov Region),
V.K. Bochkarev (Governor of the Penza Region),
S.I. Morozov (Governor of the Ulyanovsk Region),
Yu.Z. Kamaltynov (Head of the Executive Office of the President
of the Republic of Tatarstan)

Editorial board:

V.N. Gasilin, Doctor of Philosophic Sciences; **V.V. Gerasimova**,
Doctor of Economic Sciences; **L.V. Konstantinova**, Doctor of Sociological Sciences;
E.G. Lipatov, Doctor of Law Sciences; **O.I. Marchenko**, Candidate of Sciences (Economy);
E.V. Maslennikova, Candidate of Sciences (Sociology); **I.V. Rackevich**,
Candidate of Sciences (Economy); **A.N. Romantsov**, Doctor of Economic Sciences;
N.V. Teltevszkaya, Doctor of Pedagogic Sciences; **Yu.I. Tarsky**, Doctor
of Sociological Sciences; **T.P. Fokina**, Candidate of Sciences (Philosophy);
O.I. Tsibylevskaya, Doctor of Law Sciences; **V.L. Chepliaev**, Candidate
of Sciences (Sociology); **T.I. Cherniaeva**, Doctor of Sociological Sciences

© Volga Region Academy
for Civil Service named after P.A. Stolypin, 2011

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

A.R. Sadykov
**The Role of Administrative Elite
in the Local Community
Consolidation**

The role of administrative elite in the local community management is revealed. The municipal elites' development trends in the Russian Federation are studied.

Key words and word-combinations: local government, local community, administrative elite, political process, political development, political participation.

Показана роль административной элиты в управлении местным сообществом. Исследованы тенденции развития муниципальных элит в Российской Федерации.

Ключевые слова и словосочетания: местное самоуправление, местное сообщество, административная элита, политический процесс, политическое развитие, политическое участие.

УДК 316.334.3:352/353
ББК 60.561.3:66.3(0).124

А.Р. Садыков

РОЛЬ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЭЛИТЫ В КОНСОЛИДАЦИИ МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА

Тенденции развития политической системы современного российского общества отражают специфику трансформационных процессов, представляя собой сложный комплекс качественных изменений в структуре, функционировании и способах взаимодействия политической системы с социальной средой. Трансформация социально-политических отношений в России в целом и на муниципальном уровне в частности включает в качестве важных условий публичность и открытость социально-управленческих процессов. Осуществление этих условий во многом зависит от качества административной элиты, от возможности выполнения ею консолидирующих функций, предопределяющих как характер властеотношений, так и возможности раскрытия потенциала местного сообщества в политическом управлении.

Местное самоуправление, составляя одну из основ демократического строя и одновременно будучи атрибутом современной государственности, выступает необходимым элементом демократической организации государственной власти и самоорганизации общественной жизни. Ключевой особенностью местного самоуправления является двойственность его природы, так как местное самоуправление связано в равной мере с организацией системы местной власти, управлением организацией жизнедеятельности и развитием местного сообщества.

В соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» [1] местное самоуправление – это форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией РФ, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов РФ, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций. Оно признается, гарантируется и осуществляется на всей территории Российской Федерации. Муниципальный уровень играет ключевую роль в инфраструктуре политической демократии, так как служит в качестве одного из важных механизмов, обеспечивающих связь граждан с государством, сокращение административной дистанции между органом, принимающим решение, и сферой действия этого решения.

Рассмотрение феномена местного самоуправления требует его понимания как специфического общественного (гражданского) института, в то время как работа по организации жизнедеятельности и развития данной территории (места) требует понимания специфических особенностей муниципального управления как особой области профессиональной управленческой деятельности. Понимание особенностей местного самоуправления как института власти связано с такими вопросами, как демократические отношения на местном уровне, обеспечение участия граждан в принятии решений, распределение полномочий и ответственности по разным уровням и институтам власти, построение отношений между этими институтами.

Специфика системной организации политической власти состоит в сосуществовании разнородных и противоречивых структур и механизмов. Развитие местного самоуправления в России происходит не в условиях полностью подготовленного, переструктурированного применительно к демократии политического пространства, а в процессе подготовки и адаптации этого пространства к восприятию феномена реального местного самоуправления и обеспечению его эффективного функционирования, что, в свою очередь, обуславливает и переходный характер самого самоуправления.

Местное самоуправление включает в себя различные типы политических отношений. С одной стороны, местное самоуправление является элементом государственной системы, выражая основные установки и приоритеты внутренней политики государства; с другой – является самостоятельным уровнем публичной (общественной) власти и профессионального управления, связанно-

го с таким специфическим объектом, как муниципальное образование, а также с формой и способом самоорганизации людей.

Широкомасштабные реформы повышают доминанту определения оптимальных параметров эффективности муниципального управления в условиях социально-политических изменений; актуализируют необходимость определения на местном уровне энтропийных и антиэнтропийных тенденций, обуславливающих правила политических отношений, механизмы влияния административной элиты на политические процессы на муниципальном уровне. В настоящее время происходят радикальные изменения в процессах элитообразования на муниципальном уровне; меняются каналы, характер как внешних, так и внутриэлитных взаимодействий, влияющих на содержание и направленность политических процессов в местном сообществе. В связи с этим актуализируется потребность концептуального осмысления роли муниципальной административной элиты в обеспечении конструктивного взаимодействия, реализации консолидирующих функций в контексте устойчивого политического развития.

Ограниченная социальная база реформирования местного самоуправления обуславливает неустойчивость демократических институтов и высокий уровень инверсионности политических процессов, способствует делегитимации власти. Показателем успешности политических изменений выступает глубина многоуровневого интеграционного процесса, направленного на повышение легитимности решений и консолидацию местного сообщества. При этом пространство политического взаимодействия на муниципальном уровне характеризуется сочетанием качественно различных источников и механизмов коммуникации наряду с низкой институализацией.

В контексте политической науки именно во взаимодействии политики и управления обеспечивается реализация базовой функции поддержания ее целостности для общественной системы. Она состоит в воспроизводстве уже существующей системы отношений и деятельности на основе регулирования общественных процессов. При этом сохранение баланса изменчивости и устойчивости, традиций и инноваций – главное предназначение системы управления, способной обеспечить целостность общества. Необходимо учитывать, что трансформация института местного самоуправления, его структурных компонентов, способов функционирования и легитимации происходит в форме нелинейных процессов. Они основаны не столько на сосуществовании старого и нового, сколько на формировании качественно иных структур и связей, возникновение и функционирование которых стало возможным благодаря развитию как самой политической системы, так и окружающей ее внешней среды.

Исследование местного самоуправления следует связывать с оценкой устойчивости моделей взаимодействия политических субъектов.

В политологии термин «устойчивость» употребляется в общесистемном значении – как «характеристика системной способности системы адаптироваться к внутренним и внешним влияниям и к органическим, ненасильственным изменениям в составе политической элиты, в распределении материальных и

информационных ресурсов» [2]. По нашему мнению, отсутствие свойства устойчивости местного самоуправления (как и любой другой системы) равносильно отсутствию в ней политического смысла.

Формирование политическими акторами устойчивой системы норм и процедур, обеспечивающих и регулирующих взаимодействия между властью и обществом, образует институциональную составляющую трансформационного процесса. Проблема устойчивости имеет не только теоретический, но и актуальный практический характер, так как принципиальным становится принятие решения в режиме реального времени и, как правило, в условиях дефицита усвоенной информации. В таком случае сложно определить, какие свойства системы необходимо сохранить, какие возмущения системы и среды следует считать допустимыми.

Проблема консолидации российского общества напрямую связана с эффективностью функций административной элиты [3–5]. Консолидирующие функции административной элиты на местном уровне зависят от ряда факторов как объективного, так и субъективного характера. Административная элита выступает своего рода необходимым средством регулирования интеграции местного сообщества, обеспечивая тем самым его устойчивость. Вместе с тем муниципальная элита имеет неоднородную структуру; ее составными частями выступают правящая элита и контрэлита. Амбивалентность административной элиты, на наш взгляд, включает в себе как для консолидации потенциала местного сообщества, так и способность усиления конфликтности [6; 7]. На этом основании ключевое значение приобретает исследование мобильности административной элиты, определение репрезентативной картины изменения ее положения и внутриэлитной конкуренции в политическом пространстве на местном уровне.

Административная элита на муниципальном уровне представляет собой сложное образование, которое следует рассматривать не только в рамках предлагаемых западными мыслителями теорий элит. Необходима интеграция нескольких исследовательских подходов, что позволит соотнести самопрезентации административно-управленческой элиты с оценками в общественном мнении, определить механизмы взаимодействия элиты и местного сообщества, установить степень и уровень отчуждения местного сообщества от процесса принятия и реализации политических решений.

Сегодня муниципальная элита превратилась в одного из важных политических субъектов, генерирующих вариации социального развития и призванных выполнять системообразующую роль в укреплении социально-политических связей. В то же время низкий уровень ценностных ориентаций элит и индифферентное отношение населения к участию в политическом процессе в значительной мере препятствуют достижению базового консенсуса в обществе.

Не секрет, что ценностная консолидация общества как неременное условие повышения легитимности принятых политических решений достигается путем использования преимущественно мобилизационных механизмов, в результате чего солидаризация местного сообщества является крайне неустойчи-

вой и ослабевает по мере снижения актуальности события, используемого в качестве исходного импульса.

Реальный уровень востребованности различных каналов политического участия отражает неготовность значительной части граждан к систематической работе с властью в рамках имеющихся организационных форм. Об этом свидетельствуют фиксируемое социологическими методами недоверие органам власти, низкие оценки возможностей влияния на политические решения, доминирование негативных оценок деятельности властных структур, слабость легальной системы презентации организованных интересов [8]. Вместе с тем ценностное размежевание, отсутствие обратной связи во взаимоотношениях власти и местного сообщества детерминированы не только пассивностью населения, но и несформированностью у существенной доли представителей административной элиты политических установок на взаимодействие с институтами гражданского общества [9]. Наличие существенных противоречий в ценностных ориентациях и установках представителей муниципальной элиты и «рядовых» граждан усугубляется существенными расхождениями, имеющимися внутри самих элитных групп. Это препятствует внутриэлитному консенсусу, обнажает недостаток политической компетентности муниципальных управленцев.

Сегодня население, осваивая социально-политические механизмы функционирования сообщества, сталкивается с новой муниципальной бюрократией, скрывающейся за термином «местное самоуправление». На местном уровне особенно заметна острая необходимость в устойчивом равновесии между объектом и субъектом управления, обеспечиваемом разумным сочетанием методов управления и самоуправления. Перед муниципальной административной элитой в практической плоскости стоит задача обеспечить функционально-целевое согласие всего местного сообщества в сфере содержания и перспектив развития муниципального образования.

Библиографический список

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3820.
2. Категории политической науки. М., 2002.
3. Крыштановская О.В. Формирование региональной элиты: принципы и механизмы // Социс. 2003. № 11.
4. Понделков А.В. Российские элиты на рубеже XX–XXI вв.: особенности генезиса, взаимодействий и позиционирования во власти // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / отв. ред. В.Г. Игнатов [и др.]. Ростов н/Д, 2004.
5. Смирнов Д.С. Ценностные ориентации политической элиты как фактор ее эффективности // Власть. 2007. № 2.
6. Агеева Е.А. Консолидация общества как политический феномен // Политика и политология: актуальный ракурс. М.; Тула, 2005.
7. Лапкин В.В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности // Полис. 2008. № 3.
8. Левада Ю.А. Власть, элита и масса: параметры взаимоотношений в российских кризисах // Вестник общественного мнения. 2006. № 1.
9. Тарусина И.Г. Динамика политических установок региональных элит России // Полис. 2002. № 1.

V.V. Piunova
**Managerial Culture
of Municipal Employees:
Setting the Research Problem**

Managerial culture of municipal employees is considered as a condition for the effectiveness of municipal management. Basing on the analysis of the expert survey the essence, content, and structure of managerial culture of municipal employees are clarified.

Key words and word-combination: local government, municipal service, managerial culture of municipal employees.

Рассматривается управленческая культура муниципальных служащих как условие эффективности муниципального управления. Исходя из результатов проведенного экспертного опроса, уточняются сущность, содержание, структура управленческой культуры муниципальных служащих.

Ключевые слова и словосочетания: местное самоуправление, муниципальная служба, управленческая культура муниципальных служащих.

УДК 316.354:351/354
ББК 60.561.1:67.401.02

В.В. Пиунова

**УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
МУНИЦИПАЛЬНЫХ
СЛУЖАЩИХ:
ПОСТАНОВКА
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
ПРОБЛЕМЫ**

Становление и развитие современного местного самоуправления, на наш взгляд, в большой степени зависит от человеческого фактора. Несмотря на внешнюю формализованность муниципального управления, данный процесс осуществляют люди. Это делает его доступным для рассмотрения в плоскости социальных отношений, хотя долгое время муниципальное управление было только направлением административного права.

Проблемное поле современной российской муниципальной службы изучается главным образом в рамках трех подходов: институционального (анализ структур местного самоуправления, механизмов принятия решений), нормативного (поиск путей совершенствования организационно-правовых основ местного самоуправления) и социально-экономического (бюджетирование, вопросы финансового обеспечения муниципальной службы). Это косвенным образом свидетельствует о большом количестве проблем, возникающих перед муниципальными образованиями современной России. Однако, как отмечают специалисты, решение данных проблем связываются в основном с внешними факторами (политическими, экономическими, социокультурными), а не с интенсификацией внутренних ресурсов самой муниципальной службы, и в частности муниципальных служащих [1, с. 58].

Эффективность муниципального управления обусловливается, как правило, комплексным воздействием экономических, политических, правовых факторов. Однако не в меньшей степени она зависит от стиля и содержания мышления и поведения отдельных людей и социальных групп, участвующих в местном самоуправлении. Ключевая роль при этом принадлежит лицам, профессионально занятым в сфере управления муниципальными образованиями. По нашему мнению, успешность всех проводимых в указанной области общественных отношений преобразований в определяющей степени зависит от их способности выполнять конкретную управленческую работу в администрациях, мэриях, советах, других органах и структурах местного самоуправления. В свою очередь, данное качество определяется сложным комплексом личных профессиональных качеств и профессиональной *управленческой культуры* депутатов представительных органов, руководителей исполнительных органов местного самоуправления, муниципальных служащих.

Под управленческой культурой муниципального служащего следует понимать целостное личностное явление, включающее совокупность индивидуально-психологических, ценностно-мировоззренческих, профессиональных, коммуникативных качеств субъекта муниципального управления. Эти качества позволяют ему адекватно и своевременно реагировать на изменения в экономической, политической, социальной, культурной ситуации в обществе, что выступает неперенным условием обеспечения устойчивости управления муниципальным образованием. Управленческая культура муниципального служащего является базисным составным элементом культуры управления муниципальным образованием в целом.

Помимо того, к культуре управления муниципальным образованием относят также культуру процессов управления и условий труда, культуру работы с документацией. Однако личностный уровень управленческой культуры является определяющим, поскольку культура управления, как таковая, в первую очередь представляет собой культуру профессионального регулирования взаимодействия людей ради достижения ими намеченного результата.

Несмотря на важность управленческой культуры муниципальных служащих, конкретных социологических знаний о ней недостаточно. Впрочем, можно почерпнуть информацию из смежных исследований, проведенных в разные временные промежутки в различных регионах страны. Исследователями раскрываются такие темы, как восприятие и оценка гражданами муниципального управления и деятельности муниципальных служащих; социальный портрет и социальное самочувствие муниципальных служащих [2, с. 270–275]; готовность чиновников к самостоятельной реализации нового этапа реформы [3, с. 119–124]; общие и специальные проблемы муниципального управления [4, с. 3–12].

Анализ представленных в работах данных позволяет сформировать представление о состоянии и проблемах развития управленческой культуры муниципальных служащих. Систематизированные знания о состоянии управленческой культуры муниципальных служащих могут быть учтены при корректировке мероприятий плана социально-экономического развития муниципального образования в направлении активизации деятельности по решению наиболее острых проблем, волнующих жителей.

Представляется важным не только научное значение данного феномена, но и его социальный смысл. Недостаток или отсутствие информации о состоянии реформируемой системы могут создать риск неудачи реформы, вступившей в 2009 г. в новый этап. Изучение управленческой культуры муниципальных служащих и выработка рекомендаций по ее повышению призваны способствовать эффективности управления в данной области как на уровне отдельных муниципальных образований, так и на уровне страны в целом.

Управленческая культура муниципальных служащих рассматривалась нами посредством выделения групп качеств муниципальных служащих, в совокупности дающих представление о ее уровне.

Управленческая культура муниципальных служащих характеризуется тем, как муниципальный управляющий представляет себе суть местного самоуправления, насколько его представления соответствуют концепции и современным тенденциям развития муниципального управления. Управленческая культура муниципальных служащих включает внутреннее соответствие целям и задачам муниципальной службы, правовую, политическую, нравственную культуру, теоретические знания во многих областях и умение применять их на практике, коммуникативность, способность разрешать конфликтные ситуации, социальную компетентность и социальную ответственность, профессиональную служебную этику.

В целом по стране преобладает средний уровень управленческой культуры муниципальных служащих. Для него характерна достаточная компетентность, теоретическая осведомленность, информированность о проблемах своего района, средний уровень социальной ответственности. Однако инициативность, инновационность в среде муниципальных служащих не развита. Муниципальная служба воспринимается ими как рутинный, а не исследовательский / творческий / креативный процесс.

Причинами недостаточного развития управленческой культуры муниципальных служащих могут быть: низкий уровень управленческой компетентности руководителей муниципальных учреждений; отсутствие представления либо неадекватное представление муниципальных служащих о сущности управленческой культуры, ее функциях и роли в деятельности муниципальных органов; формализованность и регламентированность деятельности муниципальных служащих, с одной стороны, и недостаточность достижений теории и практики управления по таким вопросам, как требования к деловым и личностным качествам муниципального служащего, мотивация труда муниципальных служащих и т.п., – с другой.

В Российской Федерации наблюдается дефицит кадров, имеющих необходимую профессиональную подготовку по вопросам государственного и муниципального управления. Высокий уровень управленческой культуры муниципальных служащих имеет особую значимость, поскольку она налаживает деятельность администрации муниципального образования как на внутриорганизационном уровне, так и в процессе внешних отношений – с гражданами, их объединениями, группами и организациями, а также в процессе межмуниципального взаимодействия.

Данные, полученные в ходе проведенных нами экспертных опросов, позволяют уточнить структуру управленческой культуры муниципального служащего.

Во внимание брались реалии практической деятельности муниципальных управленцев. Опросы экспертов состоялись в марте – апреле 2011 г. в Саратове (администрация Заводского района) и Саратовском районе (администрация Соколовского муниципального образования). Всего было проведено пять постановочных интервью с экспертами, занимающими руководящие должности в исполнительных структурах муниципальных образований.

Эксперты выделили виды управленческой культуры. В частности, ими названы: культура взаимоотношений с вышестоящими инстанциями (администрации города, области, прокуратура, надзорные органы) и нижестоящими подчиненными (глава администрации – начальник отдела – специалисты администрации); культура расходования бюджетных средств; культура хозяйственной деятельности (поскольку муниципальное образование в первую очередь является хозяйствующим субъектом); культура общения с посетителями; культура принятия управленческих решений. На основании экспертных оценок можно заключить, что наглядными проявлениями управленческой культуры муниципальных служащих выступают высокий профессионализм и компетентность, позволяющие решать проблемы муниципального образования, располагающихся на его территории организаций, проживающего населения и отдельных граждан. Роль управленческой культуры в муниципальном управлении при этом оценивается крайне высоко.

Главной особенностью управленческой культуры муниципальных служащих, как отметили эксперты, можно назвать уникальный симбиоз жесткого административного подчинения по вертикали власти, строго очерченного законом круга обязанностей и полномочий и постоянного общения с социумом. Указывалось, что в большинстве своем рядовые граждане слабо представляют сущность и специфику муниципального управления, при этом требуя разрешения личных и общественных проблем, подчас не входящих в компетенцию муниципальных служащих.

Результаты опроса позволяют, на наш взгляд, выделить неразрешимое на сегодняшний день противоречие: самовосприятие муниципальных служащих неадекватно восприятию их населением. Однако, несмотря на изначально противоречивую и конфликтную особенность, уровень управленческой культуры муниципальных служащих, который эксперты оценивают как оперативно достаточный, позволяет управленцам гасить конфликты, решая проблемы отдельного человека, социальных групп, всего муниципального образования.

В ряду проблем, связанных с управленческой культурой, особое внимание экспертами было уделено взаимоотношениям с вышестоящим начальством, надзорными органами, прокуратурой. Отмечено, что недостаточное количество предупредительных шагов по отношению к ним со стороны муниципальных служащих приводит к излишним действиям оправдательного либо судебного порядка, отнимающим время от решения реальных проблем. Согласно предложениям экспертов необходимо оптимизировать процедуры надзора и наказаний, увеличив консультативные функции соответствующих органов для предотвращения конфликтных ситуаций.

Серьезной проблемой, способной снизить в глазах населения уровень управленческой культуры муниципальных служащих, является оставшееся с совет-

ского периода у большинства граждан негативно окрашенное представление о чиновничестве, так называемых «бюрократах». Причина этого кроется в некоторой черствости и хладнокровии муниципальных служащих при решении проблем населения. Эксперты, комментируя данное положение, отмечают при поиске наиболее эффективного пути решения данной проблемы необходимость для специалиста дистанцироваться, отделить проблему от самого человека и его личностных внутренних психологических переживаний. Однако ими признается существование муниципальных служащих с низким уровнем управленческой культуры, для которых черствость и хладнокровие не есть средство оптимального решения проблемы, а личное качество, влияющее на общее представление населения о персонале муниципальной службы.

Важной причиной недооценки населением уровня управленческой культуры муниципальных служащих является неверное понимание гражданами компетенции и полномочий местной администрации.

Эксперты указывают на изменившееся с советских времен законодательство, определяющее круг вопросов, решаемых органами местного самоуправления.

При предложении гражданам, обращающимся по вопросам, не входящим в область компетенции, обратиться в соответствующие организации, в большинстве случаев эксперты отмечают негативную реакцию, сопровождающуюся заявлениями о бесполезности власти. При высоком уровне управленческой культуры и социальной ответственности муниципальных служащих подобные ситуации разрешаются посредством межорганизационных взаимодействий. Особенно это касается малозащищенных слоев населения. В связи с этим отметим, что муниципальные служащие на профессиональном уровне должны владеть психологическими навыками, в частности верно понимать посетителей и работающих рядом сотрудников, непредвзято к ним относиться.

Систематизированное и планомерное повышение управленческой культуры муниципальных служащих невозможно без внесения изменений в процедуру повышения квалификации. Наряду с восприятием инноваций, имеющихся в законодательстве, теории и практике муниципального управления, следует особое внимание уделять развитию мировоззрения, культуре мышления и связанной с нею культуре чувств, а также морально-этическим нормам работы муниципального чиновника.

Поскольку управленческая культура представляет собой нематериальный, неведущий феномен, возникает проблема ее оценки и измерения. Говоря о положительном влиянии высокого уровня управленческой культуры на эффективность муниципального управления, мы имеем в виду высокие показатели по всем составляющим элементам комплекса индивидуально-психологических, профессиональных, социальных и коммуникативных качеств муниципального служащего.

Перечисленные проблемы и противоречия устранимы, на наш взгляд, длительным и целенаправленным повышением управленческой культуры муниципальных служащих, а также информированием граждан о сущности, компетенции и полномочиях муниципальной службы.

Необходимо единое направление двух противоположных на сегодняшний день в реальной практике полюсов – населения и муниципальных служащих.

Повышение управленческой культуры, формирование профессионально подготовленной и динамично развивающейся социально-профессиональной группы муниципальных чиновников, ликвидация правового нигилизма граждан, оптимизация муниципального законодательства – таковы условия повышения эффективности муниципального управления и кредита доверия населения к власти.

Библиографический список

1. Назарова У., Газизова Л. Образовательные инвестиции в человеческий капитал муниципальной службы // Власть. 2009. № 11.
2. Рочева Я.С. Социальный портрет муниципальных служащих в Санкт-Петербурге // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 118.
3. Арсеньева Т., Руденко А. Оценка готовности муниципальных образований к новому этапу муниципальной реформы // Власть. 2009. № 8.
4. Турчинов А.И., Магомедов К.О. Проблемы функционирования и развития местного самоуправления в Российской Федерации: материалы социологического исследования. М., 2004.

T.N. Klochkova
Additional Vocational Education
of Civil Servants:
Problems and Lines
of Development

The role of additional vocational education in the professional development of state civil and municipal employees is investigated.

Key words and word-combinations: professional development, additional vocational education, continuous vocational education.

Исследуется роль дополнительного профессионального образования в профессиональном развитии государственных гражданских и муниципальных служащих.

Ключевые слова и словосочетания: профессиональное развитие, дополнительное профессиональное образование, непрерывное профессиональное образование.

УДК 377
ББК 74.5

Т.Н. Клочкова

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ*

В современных условиях управленческие проблемы, встающие перед государственными гражданскими и муниципальными служащими, становятся все более сложными и

* Статья написана в ходе проведения НИР по проблеме «Развитие инновационной системы непрерывного профессионального образования государственных и муниципальных служащих России» в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

многоаспектными. Это побуждает к поиску системных методов выявления необходимых источников информации, освоению методических и технических приемов подготовки и принятия управленческих решений. Работающие в сфере государственного и муниципального управления люди стремятся повысить уровень своей профессиональной культуры, компетентности; они осознают необходимость непрерывного образования на всех должностных уровнях.

Наряду со средним специальным и высшим образованием сегодня все шире создаются и активно востребуются новые, относительно самостоятельные уровни профессионального образования – послевузовское и дополнительное профессиональное образование (ДПО), реализуемые в форме профессиональной переподготовки, повышения квалификации, стажировки. Исследования существующих проблем реализации непрерывного профессионального образования государственных и муниципальных служащих, его роли в их профессиональном развитии представляется более чем актуальным [1, с. 24–26; 2, с. 291–302].

В 2010 г. коллективом ученых Волго-Вятской академии государственной службы был проведен опрос среди государственных гражданских (республики Марий-Эл, Мордовия и Чувашия; Нижегородская и Кировская области; № = 667) и муниципальных (Нижегородская область; № = 465) служащих.

Целью исследования ставилось формирование инновационной модели системы непрерывного профессионального образования и профессионального развития государственных и муниципальных служащих. Основными задачами исследования были определены: диагностика текущего состояния системы непрерывного профессионального образования государственных и муниципальных служащих; оценка эффективности существующей модели, их профессиональной подготовки и профессионального развития; выявление факторов, снижающих социальную эффективность функционирования системы непрерывного профессионального образования.

Основная гипотеза исследования заключалась в следующем: традиционная модель профессиональной подготовки и профессионального развития государственных и муниципальных служащих по своей логике не исчерпала себя, но в современных условиях нуждается в инновационном переосмыслении как в формальном (на институциональном уровне), так и в содержательном (технологическом) плане. Сегодня это переосмысление прежде всего видится в инновационном понимании непрерывности профессиональной подготовки и профессионального развития государственной и муниципальной службы. Среди дополнительных гипотез выдвигалось также предположение о том, что современное дополнительное образование недостаточно направлено на решение текущих проблем органов государственного и муниципального управления.

В ходе исследования выявлялось отношение государственных гражданских и муниципальных служащих к получению дополнительного профессионального образования и его роли в формировании их профессиональной культуры. Согласно исходным данным (рис. 1) около половины респондентов оценивают уровень своей профессиональной подготовки как средний (48% государственных

ных и 51% муниципальных служащих); немногим меньше – как высокий (соответственно – 40 и 39%) респондентов. 10% опрошенных уровень своей профессиональной подготовки оценить затруднились, и лишь 2% государственных служащих оценили уровень своей профессиональной подготовки как низкий.

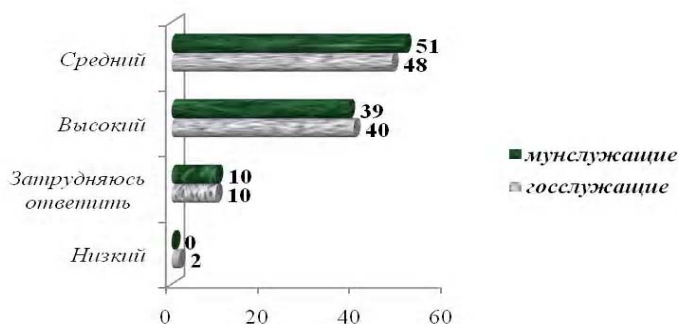

Рис. 1. Оценка респондентами уровня своей профессиональной подготовки, %

Две трети государственных и муниципальных служащих испытывают постоянную потребность в дополнительной профессиональной подготовке – 62 и 55% (рис. 2). У четверти опрошенных такой потребности не выявлено; при этом не наблюдается особой связи с тем обстоятельством, проходили ли они такого рода переподготовку за последние три года.

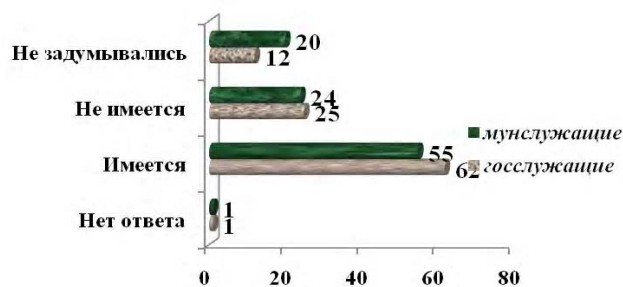

Рис. 2. Наличие потребности в дополнительной профессиональной подготовке в ближайшие три года, %

Государственные служащие чаще проходят профессиональную переподготовку, нежели муниципальные (во всяком случае, среди них больше доля тех, кто проходил ее за последние три года). В табл. 1 представлены показатели значимости факторов, вызывающих потребность в дополнительной профессиональной подготовке у государственных и муниципальных служащих.

Таблица 1

**Факторы, вызывающие, по мнению респондентов, потребность
в дополнительной профессиональной подготовке, %**

Факторы	Сводная		ГС, %	МС, %
	частота	%		
Ощущение потребности в постоянном образовании	512	45	47	43
Постановка задач, решение которых требует дополнительной подготовки	458	40	43	37
Необходимость продвижения по службе	213	19	21	16
Необходимость документа для прохождения аттестации	126	11	10	13
Необходимость повышения зарплаты	61	5	4	7
Требование руководства	36	3	4	3

Самомотивация и самозаинтересованность в постоянном образовании респондентами отмечается в 45% случаев. Постановка профессиональных задач, решение которых требует дополнительной подготовки, выявлена как второй по значимости стимул (40%). Менее всего потребность в постоянном образовании связана, по мнению респондентов, с требованием руководства, вероятностью повышения зарплаты и необходимостью наличия документа для прохождения аттестации. Только пятая часть респондентов связывает рассматриваемую потребность с необходимостью продвижения по службе.

По-видимому, получение дополнительного образования, продвижение по службе и, соответственно, повышение зарплаты не находятся в прямой зависимости друг от друга. Это подтверждают и оценки служащими объективных условий, способствующих их карьерному росту и доступа к определенным благам.

Респондентам предлагалось выразить степень своего согласия с некоторыми суждениями по девятибалльной системе – от 1 (категорически не согласны) до 9 (полностью согласны). При использовании этой шкалы, помимо расчетов среднего балла оценки уровня согласия, результаты были представлены в виде «степеней согласия»: «низкая» – доля тех респондентов, которые указали степень своего согласия отметками от 1 до 3 баллов, «средняя» – от 4 до 6 баллов, «высокая» – от 7 до 9 баллов.

На среднем уровне – 4,6 балла из 9 возможных – респонденты выразили свое согласие с суждениями: «У Вас есть реальные перспективы должностного роста» (хотя возможности *профессионального* роста были оценены несколько выше – 5,3 балла), «Существующая система аттестации специалистов способствует карьерному росту» и «Существующая система аттестации специалистов способствует справедливому распределению дополнительных вознаграждений, льгот и услуг» (табл. 2).

Самый высокий рейтинг получило мнение респондентов, что качество обучения в системе дополнительного образования во многом зависит от индивидуально-личностных особенностей преподавателя (средний балл – 7,1 из 9 возможных). Не менее важным оказалось суждение «При повышении квалифика-

ции необходимо уделять внимание изучению вопросов социально-психологического сопровождения деятельности (конфликтология, психология и т.д.)» – 6,8 балла.

Таблица 2

**Согласие респондентов с суждениями
(ранжировано по оценкам сводной совокупности), балл**

Суждение	Средний балл	ГС	МС
Качество обучения во многом зависит от индивидуально-личностных особенностей преподавателя	7,1	7,1	7,0
При повышении квалификации необходимо уделять внимание изучению вопросов социально-психологического сопровождения деятельности (конфликтология, психология и т.д.)	6,8	6,7	6,9
Ваш руководитель приветствует Ваше желание повышать квалификацию, обучаясь в вузе	6,5	6,6	6,3
У Вас есть возможность применять в работе знания, умения и навыки, полученные в рамках дополнительного образования	6,4	6,3	6,4
Соблюдать стандарты Вашей профессиональной деятельности Вам помогают в первую очередь знания, умения и навыки, полученные в рамках дополнительного образования	5,5	5,5	5,6
У Вас есть реальные перспективы профессионального роста, совершенствования	5,3	5,7	4,9
При повышении квалификации необходимо изучать только узкие вопросы, имеющие сугубо практическую направленность	5,0	4,9	5,2
Высоких результатов Вашей профессиональной деятельности Вы достигаете в первую очередь благодаря знаниям, умениям и навыкам, полученным в рамках дополнительного образования	5,0	5,0	5,0
У Вас есть реальные перспективы должностного роста	4,6	5,0	4,1
Существующая система аттестации специалистов способствует ...справедливому распределению дополнительных вознаграждений, льгот и услуг	4,6	4,5	4,7
... карьерному росту	4,6	4,7	4,3

Суждение «При повышении квалификации необходимо изучать только узкие вопросы, имеющие сугубо практическую направленность» получило 5 баллов. Это говорит о том, что служащим ценны не только сугубо практические специализированные знания, получаемые ими в ходе дополнительного образования, но и знания, формирующие также другие профессиональные компетентности, не менее важные для их профессионального развития.

Более трети респондентов отмечают, что образовательная программа недостаточно полно отражает потребности их профессиональной деятельности. Так высказались 36% государственных и 31% муниципальных служащих, однако столько же служащих (31 и 33% соответственно) считают, что комплекс знаний по специальности отражает содержание и особенности профессиональной деятельности (табл. 3).

Таблица 3

**Оценка служащими достаточности получаемых знаний
для эффективной профессиональной деятельности**

Оценка	Сводная		ГС, %	МС, %
	частота	%		
Нет ответа	31	3	2	4
Считают, что комплекс знаний по специальности отражает содержание и особенности профессиональной деятельности	357	32	31	32
Не задумывались над этим вопросом; получают те знания, которые положено по государственному стандарту	187	17	17	15
Считают, что образовательная программа недостаточно полно отражает потребности профессиональной деятельности	384	34	36	31
Не могут оценить объем знаний, необходимых для эффективной профессиональной деятельности	173	15	14	17
Всего	1131	100	100	100

Чего же ожидают государственные и муниципальные служащие от дополнительного профессионального образования? В табл. 4 отображен индекс этих ожиданий, полученный при делении числа ответов по варианту «должно давать» на число вариантов «не должно давать» (т.е. не следует ожидать такого результата от получения дополнительного профессионального образования или переподготовки). Из представленных в этой таблице данных видно, что, хотя порядок следования в рейтинге значимости разных значений переменной «Индекс ожидания» примерно одинаков, наблюдаются и расхождения в ожиданиях государственных и муниципальных служащих.

Таблица 4

**Индексы ожиданий от дополнительной профессиональной подготовки,
% от численности соответствующей страты;
ранжировано по результатам для сводной совокупности**

Ожидаемый результат	Индексы ожиданий		
	Сводная	ГС	МС
Получение дополнительной полезной в работе информации	44,53	71,08	29,89
Расширение кругозора, повышение эрудиции	43,42	69,08	29,36
Получение конкретных знаний для решения служебных задач	38,59	35,25	45,05
Повышение уровня развития деловых и личностных качеств	15,86	18,27	13,23
Расширение личных профессиональных контактов	9,87	9,19	10,88
Учет при аттестации	8,12	6,63	11,69
Повышение разряда, должности	4,10	3,33	5,84
Повышение зарплаты	3,08	2,20	5,71

Итак, наибольшая частота ответов приходится на интерес к расширению своего информационного поля, однако ожидаемые результаты несколько отличаются у представителей разных страт. Так, государственные служащие чаще ожидают от курсов профессиональной переподготовки получение дополнительной и полезной в работе информации, а также расширения общего кругозора, эрудиции. Муниципальные же служащие более прагматичны, выдвигая на первое место среди своих ожиданий от обучения на курсах получение конкретных знаний, умений и навыков для решения служебных задач; их гораздо в большей степени интересуют конкретные результаты – учет при аттестации, повышение в должности или разряде тарифной сетки, увеличение зарплаты.

Респондентов просили отметить также факторы, препятствующие формированию у них устойчивой мотивации к непрерывному профессиональному развитию. Результаты ранжирования таких факторов по частоте упоминания приведены в табл. 5. На первом месте находится такая объективная и при этом довольно банальная причина, как отсутствие в органах государственного и муниципального управления достаточного числа вакантных мест для карьерного продвижения всех, кто испытывает в этом потребность. Однако не последнюю роль играет и отсутствие эффективной системы управления карьерой служащих.

Таблица 5

Факторы, препятствующие профессиональному развитию служащего**

Причины	%	ранг
Отсутствие вакантных должностей	64	1
Отсутствие системы управления карьерой служащих организации	36	2
Отсутствие у самого работника стремления к карьерному росту	33	3
Несоответствие программы профессионального обучения служебным функциональным обязанностям	28	4
Недостаточный уровень развития деловых и личностных качеств служащего	28	5
Субъективизм непосредственного руководителя	25	6
Отсутствие поддержки в служебном росте со стороны коллектива	11	7

** Сумма превышает 100%, так как можно было выбрать до трех позиций.

Одним из показателей необходимости разработки четкой и прозрачной для обозрения системы управления карьерой можно считать тот факт, что наиболее сильная и устойчивая потребность в дополнительной профессиональной подготовке формируется у сотрудников, видящих реальные перспективы своего служебного и карьерного роста – как профессионального, так и должностного. Уверенность в перспективах роста придает определенность и целенаправленность такой потребности: у видящих такую перспективу специалистов более четко формируется понимание необходимости совершенствования своих навыков в планировании текущей и перспективной работы, в подготовке и принятии управленческих решений.

Существенно важным фактором формирования потребности в дополнительном профессиональном образовании и осознания его значимости как в профессиональном развитии, так и в карьерном продвижении является отношение руководства органов власти к необходимости регулярной профессиональной переподготовки своих сотрудников. Большинство опрошенных чиновников дают высокую оценку личным и деловым качествам своих руководителей и отмечают их поддержку в стремлении подчиненных к дополнительному профессиональному образованию.

Однако, по мнению респондентов, предлагаемые для переподготовки кадров учебные программы не всегда соответствуют реальному содержанию их повседневных служебных обязанностей. Как видно из табл. 6, где указаны средние значения оценок по девятибалльной шкале, наиболее эффективными для своего профессионального развития опрошенные считают дополнительное профессиональное образование и освоение профессиональных знаний в специализированных обучающих организациях, а наименее эффективным – получение второго высшего профессионального образования. Возможно, это связано с тем, что, в отличие от второго высшего образования, курсы профессиональной переподготовки носят более целенаправленный характер, шире и активнее используют обобщение практического опыта.

Таблица 6

Мнение респондентов о пользе различных форм ДПО, среднее значение

Форма ДПО	ГС	МС
Дополнительное профессиональное образование	6,3	5,3
Учеба в обучающих организациях	5,8	5,1
Общение с коллегами при получении знаний в обучающих организациях	5,7	5,1
Общение и консультации с преподавателями в обучающих организациях	5,4	4,7
Учеба, семинары, «круглые столы» по месту работы	5,4	4,6
Получение второго высшего профессионального образования	5,1	4,4

В качестве одной из важных форм получения полезной для своего профессионального развития информации респонденты указывают на неформальные коммуникации с коллегами из других властных органов и регионов в процессе получения ДПО. Таким образом, в программах обучения следует уделять особое внимание различным формам обмена практическим опытом не только во внеаудиторном общении, но и в образовательном процессе – «круглые столы», диспуты, дискуссионные фокус-группы, тематические выступления слушателей с последующим обменом мнениями.

При составлении программ ДПО следует обратить серьезное внимание на необходимость более адекватного соответствия содержания этих программ регламентам профессиональной деятельности и ее реальной сущности. Необходимо чаще приглашать для преподавания на курсах повышения квалификации

наиболее опытных работников из органов власти. Обучающим организациям следует более плодотворно взаимодействовать с органами власти, направляя своих сотрудников на профессиональную переподготовку, по вопросам согласования учебных программ, необходимых форм и методов обучения с точки зрения их эффективности для работы государственных и муниципальных служащих.

Библиографический список

1. Клочкова Т.Н. Влияние непрерывного профессионального образования на повышение уровня развития государственных и муниципальных служащих // Власть. 2010. № 5.
2. Анурин В.Ф., Клочкова Т.Н. Дополнительное профессиональное образование муниципальных служащих как фактор их профессионального развития // Местное самоуправление в России и Германии: история и современность (на примере Юга России): мат-лы междунар. науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 16 апреля 2011 г. / ред.-изд. гр.: В.В. Рудой (руков.) [и др.]. Ростов н/Д, 2011.

Yu.M. Litvinova
Features of the Customs-Banking
Currency Control
within the Customs Union

Features of the customs-banking currency control within the Customs Union are studied. Special attention is paid to analyzing the interactions of the authorized banks and customs authorities in the conduct of currency control.

Key words and word-combinations: customs-banking currency control, Customs Union, authorized banks, customs authorities.

Исследуются особенности осуществления таможенно-банковского валютного контроля в рамках Таможенного союза. Особое внимание уделяется анализу взаимодействия уполномоченных банков и таможенных органов при проведении валютного контроля.

Ключевые слова и словосочетания: таможенно-банковский валютный контроль, Таможенный союз, уполномоченные банки, таможенные органы.

УДК 351(102)+5+1+474
ББК 67.401.14

Ю.М. Литвинова

ОСОБЕННОСТИ ТАМОЖЕННО-БАНКОВСКОГО ВАЛЮТНОГО КОНТРОЛЯ В ТАМОЖЕННОМ СОЮЗЕ

С 1 июля 2010 г. начал действовать Таможенный союз [1; 2]. В соответствии с Договором была объединена таможенная территория трех государств – России, Белоруссии и Казахстана. По отношению друг к другу участники Союза отменили таможенное оформление и таможенный контроль на государственных границах. Упрощение таможенного оформления, снижение административных барьеров, обеспечение беспрепятственного движения товаров и капиталов открывает новые возможности для бизнеса, способствуя повышению конкурентоспособности государств – участников Союза, привлечению инвестиций.

В настоящее время идет процесс создания соответствующей законодательной базы. В частности, вступили в силу Таможенный кодекс Таможенного союза (далее – ТК ТС) и ряд иных союзных нормативно-правовых актов. В результате финансовый контроль в области таможенного дела наполняется новым содержанием и, соответственно, приобретает еще большее значение.

Финансовый контроль в области таможенного дела – часть государственного финансового контроля. Одной из его ключевых составляющих является валютный контроль, значение которого на современном этапе заключается в предотвращении незаконного оттока капитала за границу, обеспечении экономической безопасности государства.

Валютное регулирование и валютный контроль объективно способствуют поддержанию сбалансированного движения финансовых потоков в экономике страны [3, с. 28]. Специфика данного вида контроля в таможенной сфере состоит в том, что его объектом выступают отношения, складывающиеся при осуществлении внешнеэкономических операций. С образованием Таможенного союза валютный контроль приобретает новую специфику. Применительно к России о нем можно говорить как о деятельности национальных таможенных органов и банков по контролю за перемещением валютных ценностей, валюты Российской Федерации и внутренних ценных бумаг через таможенную границу государств – членов Таможенного союза.

В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть новеллы нового таможенного союзного законодательства, определить особенности таможенно-банковского валютного контроля в Таможенном союзе, а также предложить некоторые возможные меры по совершенствованию правового регулирования системы валютного контроля в новых условиях.

Валютный контроль на территории Таможенного союза осуществляется при проведении экспортных, импортных и внешнеторговых бартерных сделок в соответствии с национальным законодательством государств – членов Союза без каких-либо изъятий. Отсутствие таможенного оформления на территории Таможенного союза и последующая отмена таможенного контроля на границе трех государств не освобождают участников внешнеэкономической деятельности от соблюдения требований валютного законодательства Российской Федерации [4]. В отношении юридических лиц действуют общие правила, установленные Федеральным законом «О валютном регулировании и валютном контроле» [5] и нормативными правовыми актами органов валютного регулирования. С российской стороны субъектами отношений по валютному контролю на территории Таможенного союза, как и внутри собственно Российской Федерации, выступают Правительство РФ, Банк России и уполномоченные банки, а также российские таможенные и налоговые органы. Им подконтрольны субъекты внешнеторговой деятельности, осуществляющие импорт или экспорт товаров.

Уполномоченные банки являются агентами валютного контроля, чьи права и обязанности установлены ст. 22 и 23 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле». Они передают таможенным и налоговым органам для выполнения ими функций агентов валютного контроля информацию в

объеме и порядке, установленных Центральным банком РФ, за исключением случаев направления запросов налоговыми и таможенными органами в целях осуществления валютного контроля за проводимыми резидентами и нерезидентами валютными операциями, открытием и ведением счетов. Ранее банки отказывали в предоставлении документов, поскольку такой порядок не был определен. Теперь законодательно установлен перечень документов, которые уполномоченные банки передают таможенным и налоговым органам по их запросам в целях осуществления валютного контроля [6].

Следует отметить, что в Законе «О таможенном регулировании в Российской Федерации» содержится перечень документов, которые вправе требовать таможенный орган, но при проведении таможенной проверки. Среди прочих в нем содержится указание на такой документ, как «заверенные копии карточки с образцами подписей и оттисками печатей». Перечень документов, содержащийся в Законе «О валютном регулировании и валютном контроле», носит исчерпывающий характер, и, следовательно, агенты валютного контроля при проведении проверок соблюдения валютного законодательства не смогут истребовать карточки с образцами подписей и оттисками печатей.

Подобные различия в сходных областях правового регулирования не идут на пользу эффективности валютного контроля, поскольку при проведении проверок контролирующим органам необходимо обладать сведениями о подписях участников ВЭД, в частности, например, для проведения экспертизы. Новая редакция ст. 23 Закона «О валютном регулировании и валютном контроле» фактически лишила таможенные и налоговые органы права запрашивать определенные документы, что может негативно сказаться на эффективности валютного контроля. В связи с этим представляется необходимым внести предложения о дополнении п. 13 ст. 23 Закона «О валютном регулировании и валютном контроле» пунктом «9) заверенные копии карточки с образцами подписей и оттисками печатей».

Кроме того, на наш взгляд, до сих пор существует необходимость в разработке и утверждении документа, регулирующего порядок предоставления информации уполномоченными банками таможенным органам на постоянной основе. Например, законом не установлены сроки представления документов – лишь отмечается, что они не могут составлять менее семи дней. Представляется, что это может быть соглашение о взаимодействии ФТС России и ЦБ РФ как субъектов валютного контроля об обмене документами и информацией, связанной с проведением резидентами и нерезидентами валютных операций. Указанное соглашение должно предусматривать порядок, объем, периодичность и сроки предоставления документов и информации, необходимых для осуществления таможенными органами функций агентов валютного контроля в отношении валютных операций между резидентами и нерезидентами.

Еще одним субъектом валютного контроля в области таможенного дела являются таможенные органы, призванные не допускать оттока капитала за границу. Однако, как правомерно отмечается в юридической литературе, статус таможенных органов как субъектов валютного контроля недостаточно четко определен на законодательном уровне.

Отсутствие четкого разделения функций между банками и таможенными органами приводит к «ведомственной разобщенности, созданию неподконтрольных зон или дублированию контрольных мер» [7, с. 14]. Напомним, что ранее действовал приказ ГТК РФ, который в целях устранения дублирования и параллелизма в работе органов валютного контроля устанавливал четкое разграничение их компетенции по направлениям деятельности [8]. Представляется, что в настоящее время существует необходимость в принятии подобного нормативно-правового акта.

В последние годы в сфере правового регулирования валютного контроля наметилась тенденция еще большей либерализации. Так, в Инструкцию Банка России внесены изменения [9]: исключены требования к оформлению паспорта сделки в случае, если общая сумма кредитного договора не превышает в эквиваленте 5 тыс. долларов США по официальному курсу иностранных валют по отношению к рублю; общая сумма контракта не превышает 50 тыс. долларов США (ранее такая сумма не должна была превышать 5 тыс. долларов США). Кроме того, увеличены сроки представления справок о валютных операциях с семи до 15 дней. Принято Положение о передаче уполномоченными банками таможенным органам в электронном виде паспортов сделок в режиме реального времени [10]. Планируется исключить требование о предоставлении паспортов сделок в таможенные органы при декларировании товаров, сохранив требование об указании номера паспорта сделки в таможенной декларации [11].

В отношении физических лиц при одновременном ввозе (вывозе) наличных денежных средств и (или) дорожных чеков на общую сумму, превышающую в эквиваленте 10 тыс. долларов США, указанные денежные средства и (или) дорожные чеки подлежат таможенному декларированию в письменной форме путем подачи пассажирской таможенной декларации на всю сумму ввозимых наличных денежных средств и (или) дорожных чеков [12]. Данный вид контроля направлен на обеспечение противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. В Европейском Союзе действуют аналогичные валютные ограничения: все пассажиры при вылете или прилете в страны – члены Евросоюза должны в обязательном порядке декларировать наличную валюту в сумме свыше 10 тыс. евро [13].

В сравнении с валютным законодательством в отношении иных государств, не являющихся членами Таможенного союза, единовременный вывоз из Российской Федерации физическими лицами – резидентами и нерезидентами – наличной иностранной валюты и (или) валюты Российской Федерации в сумме, превышающей в эквиваленте 10 тыс. долларов США, по общему правилу не допускается.

Есть основания предполагать, что в рамках Таможенного союза в настоящее время полная отмена валютного контроля нецелесообразна. В пределах ЕврАзЭС, членами которого являются Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан, уже достигнут определенный уровень либерализации

валютного законодательства. Так, государствами – членами Евразийского экономического сообщества заключено соглашение по регулированию и контролю операций, связанных с движением капитала [14], в соответствии с которым не применяются валютные ограничения касательно некоторых видов операций: к ним, например, относятся расчеты и переводы, связанные с отсрочкой платежа по экспорту сроком до одного года или предварительной оплатой (авансовым платежом) по импорту сроком до одного года, осуществляемые непосредственно между поставщиками (продавцами) и получателями (покупателями) товаров (работ, услуг), исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Преждевременные действия по либерализации валютного законодательства без учета экономической ситуации в стране могут привести к негативным последствиям – оттоку капитала за рубеж, ослаблению внутреннего валютного рынка. Вот почему в рамках Таможенного союза необходим поиск «золотой середины» соотношения уровня валютных ограничений и последующей валютной либерализации.

Проведенный анализ позволил определить актуальные в настоящее время особенности валютного контроля в Таможенном союзе. Во-первых, валютные операции возникают при перемещении товаров, валюты и валютных ценностей по таможенной территории трех государств – членов Таможенного союза – России, Белоруссии и Казахстана. Во-вторых, правовой основой таможенно-банковского валютного контроля служит законодательство Таможенного союза и международные соглашения государств – членов Таможенного союза; соглашения, принятые в рамках ЕврАзЭС, а также национальное законодательство государств – членов Таможенного союза. В-третьих, соблюдение валютного законодательства участниками ВЭД обеспечивается принудительно силами таможенных органов государств – членов Таможенного союза (для сравнения – в Евросоюзе, например, действует Европейский валютный союз, институтами которого являются Европейская система центральных банков и Европейский центральный банк [14, с. 19]). В-четвертых, за нарушения обязанности по репатриации валютной выручки в Российской Федерации по-прежнему предусмотрена административная и уголовная ответственность, определяемая национальным законодательством (соответственно, ст. 15.25 КоАП РФ и ст. 193 УК РФ).

Законодательство Таможенного союза направлено на устранение административных барьеров внутри межгосударственного объединения, снижение финансовой нагрузки на участников внешнеэкономической деятельности, упрощение таможенных процедур. Однако это может быть эффективными только при наличии отлаженной системы финансового контроля в области таможенного дела. Создание Таможенного союза и формирование правовой базы единого экономического пространства на территории государств – его членов – предполагает последующее совершенствование союзного законодательства, установление единых принципов валютного регулирования и валютного контроля, гармонизацию национальных законодательств стран – участниц союза. Дальнейшие интеграционные процессы должны способствовать созданию условий

для разработки и реализации качественно новой системы валютной политики государств – членов Союза, обеспечивающей эффективный валютный, а в целом и финансовый контроль.

Библиографический список

1. О Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве (подписан в г. Москве 26 февр. 1999 г.): ратифицирован Федер. законом от 22 мая 2001 г. № 55-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 42. Ст. 3983.
2. О Договоре о Таможенном кодексе Таможенного союза: решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 27 нояб. 2009 г. № 17: ратифицирован Федер. законом от 2 июня 2010 г. № 114-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6615.
3. Ерпылева Н.Ю. Механизм валютного регулирования в России: новеллы правовой регламентации // Законодательство и экономика. 2006. № 4.
4. О таможенном регулировании в Российской Федерации: Федер. закон от 27 нояб. 2010 г. № 311-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 48. Ст. 6252.
5. О валютном регулировании и валютном контроле: Федер. закон от 20 дек. 2003 г. № 173-ФЗ (в ред. от 7 февр. 2011 г.) // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859; 2011. № 7. Ст. 905.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования обмена документами и информацией между органами валютного контроля и агентами валютного контроля: Федер. закон от 15 нояб. 2010 г. № 294-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 47. Ст. 6028.
7. Войкин Д.Н. Правовое регулирование валютного контроля в области таможенного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.
8. О разграничении компетенции органов валютного контроля: письмо ГТК РФ от 23 дек. 1999 г. № 11-15/32225 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам документов и информации при осуществлении валютных операций, порядке учета уполномоченными банками валютных операций и оформления паспортов сделок: инструкция Банка России от 15 июня 2004 г. № 117-И (в ред. указания ЦБ РФ от 29 дек. 2010 г.) // Вестник Банка России. 2004. № 36; 2011. № 9.
10. О порядке передачи уполномоченными банками и территориальными учреждениями Банка России в таможенные органы для выполнения ими функций агентов валютного контроля информации по паспортам сделок по внешнеторговым договорам (контрактам) в электронном виде: положение Банка России от 29 дек. 2010 г. № 364-П // Вестник Банка России. 2011. № 9.
11. Об утверждении плана мероприятий по совершенствованию государственного управления в сфере таможенного администрирования экспорта высокотехнологичной продукции и совершенствованию процедур экспортного контроля в отношении высокотехнологичной продукции: распоряжение Правительства РФ от 12 нояб. 2010 г. № 1974-р // СЗ РФ. 2010. № 47. Ст. 6180.
12. О Договоре о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза: решение Комиссии таможенного союза от 5 июля 2010 г. № 51. URL: http://www.tsouz.ru/MGS/MGS11/Pages/R_51.aspx
13. URL: <http://rian.ru/economy/20061115/55645581.html>
14. О подписании соглашения об основополагающих принципах валютной политики государств – членов Евразийского экономического сообщества по регулированию и контролю операций, связанных с движением капитала: распоряжение Правительства РФ от 14 апр. 2007 г. № 456-р // СЗ РФ. 2007. № 17. Ст. 2099.
15. Валютное право: курс лекций / под ред. П.Н. Бирюкова. Воронеж, 2004.

A. Belyaova, M. Gamalova,
S. Filip, M. Mayoroshova,
I. Kovachova
**The Consolidation
of the Settlements Structure
through Municipalisation:
Slovak Experience for Russia**

The problem of optimizing the size of municipalities in order to achieve the greatest administration efficiency is raised. The results of socio-economic survey of five small villages in Slovakia are cited, basing the identification of the factors that contribute to and limit the process of merging small municipalities.

Key words and word-combinations: consolidation of the settlements structure, municipalisation, small settlements, an optimal size of a settlement, factors of settlements development, local government.

Поднимается проблема оптимизации размеров муниципальных образований в целях достижения наибольшей управленческой эффективности. Представлены результаты социолого-экономического обследования пяти небольших населенных пунктов в Словакии, на основе которых базируется идентификация факторов, способствующих и ограничивающих процесс слияния малых населенных пунктов.

Ключевые слова и словосочетания: консолидация структуры населенных пунктов, муниципализация, малые населенные пункты, оптимальный размер населенного пункта, факторы развития населенных пунктов, местное самоуправление.

УДК 352/353:332.1(437.6)
ББК 66.3(0),124:65.04(45)

**Анна Беляова,
Марта Гамалова,
Станислав Филип,
Милена Майорошова,
Ивана Ковачова**

КОНСОЛИДАЦИЯ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ЧЕРЕЗ МУНИЦИПАЛИЗАЦИЮ: СЛОВАЦКИЙ ОПЫТ ДЛЯ РОССИИ

На втором этапе трансформации системы государственного и муниципального управления (после 1998 г.) в Словацкой Республике была поставлена задача максимально децентрализовать управление. Соответствующие ресурсы и ответственность должны были быть переданы преимущественно на уровень населенных пунктов, то есть, органам самоуправления [1]. В связи с этим возникла проблема консолидации структуры населенных пунктов с тем, чтобы установить их оптимальный размер, позволяющий эффективно решать поставленные задачи.

Как показывает опыт Европы, структура числа жителей населенных пунктов в различных странах существенно отличается [2, с. 122–123]. Количественное большинство в странах Европы составляют так называемые малые населенные пункты [3, с. 161–169]. Оптимальный размер концентрации жителей определяют такие критерии, как экономическая эффективность предоставляемых услуг, оптимальная дистрибуция сферы услуг и предпосылки для ее совершенствования, развитие местной демократии [4]. Специалисты склонны считать, что с точки зрения

эффективности предоставления услуг минимальная концентрация постоянно проживающего количества граждан в населенном пункте сводится к числу трех-пяти тысяч жителей [5].

Одним из путей консолидации структуры населенных пунктов является муниципализация – объединение неэффективных малых населенных пунктов в более крупные единицы самоуправления на добровольной основе в соответствии с законом или посредством комбинации этих форм. Действие может производиться с упразднением политической и юридической ответственности бывших населенных пунктов (Дания и Швеция) или же с ее сохранением в бывших населенных пунктах (Польша, Болгария, Швейцария).

В Словакии полномочия от государства муниципалитетам были переданы в двойном режиме. Первоначальные полномочия полностью перешли под ответственность муниципалитетов, а осуществленная позже налоговая децентрализация создала предпосылки для их финансирования из собственных источников. Исполнение дополнительных полномочий государство делегировало населенным пунктам, однако оставило за собой их финансирование, утверждение способа обеспечения и контроль за исполнением.

После широкой децентрализации, проведенной в 2000–2004 гг., словацкие граждане не были готовы к радикальным формам консолидации – соединению населенных пунктов. Правительство Словацкой Республики совместно с представителями муниципалитетов решили принять на время переходного периода наименее радикальную форму консолидации, основанную на добровольном договорном сотрудничестве муниципалитетов. Потребовались пилотные проекты. Высшая школа экономики и менеджмента общественного управления в Братиславе (ВШЭМОУ) в сотрудничестве с научными группами факультета общественного управления Университета П.-Й. Шафарика в г. Кошице и Коммунального исследовательского и консультационного центра в г. Пештяны в рамках проекта 02/09-GA сформулировала и работает над решением проектной задачи «Модель коммунальной реформы в Словакии».

Объектом исследования стали пять небольших населенных пунктов, расположенных на территории района Велки Кртиш. Населенные пункты соседствуют друг с другом и поэтому создают относительно компактную территориальную единицу. Расстояние между ними составляет от двух до 11 км.

Исходную позицию при оценке населенных пунктов характеризовали следующие показатели: размер населенных пунктов, характеристика их населения, расположение с точки зрения транспортной доступности, развитие технической и социальной инфраструктуры, избранный менеджмент самоуправления, исполнительный состав муниципалитетов, а также финансовые условия. Для установления исходных данных проведены опрос населения муниципалитетов, интервью с мэром города и сотрудниками муниципальных управлений. До начала исследования была организована дискуссия членов исследовательского коллектива с мэрами городов для обоснования интегрирования населенных пунктов в одну самоуправляемую структуру. Исследования проходили в ноябре 2010 г. (табл. 1).

Таблица 1

Размер населенного пункта и характеристика населения

Название населенного пункта	Количество жителей	Площадь территории, км ²	Индекс старения	Долгосрочная миграционная тенденция
Баторова	362	800	1,9	Постоянное снижение
Опатовска Нова Вес	643	915	1,8	Постоянное снижение
Словенске Дярмоты	536	1010	1,7	Постоянное снижение
Лесенице	527	738	2,3	Постоянное снижение
Мала Чаломия	210	632	3,3	Постоянное снижение
Итого интегрированная территориальная единица	2 278	4 095		Постоянное снижение

Количественный анализ показал, что, помимо имеющихся, в процесс муниципализации было бы целесообразно включить еще три небольших населенных пункта (Коларе, Требушовце и Храстинце Коларе). Таким образом, будет достигнута минимальная концентрация населения в интегрированной территориальной единице, при которой предоставление услуг жителям (3000 чел.) становится эффективным.

На уровень развития социальной инфраструктуры влияют прежде всего два фактора: концентрация населения и имеющийся бюджет населенного пункта [6, с. 49–62]. Этот тезис подтверждается развитием отдельных элементов социальной структуры в населенных пунктах, значительно отстающих в развитии технической инфраструктуры.

До настоящего времени развитие во всех населенных пунктах было направлено прежде всего на создание отдельных элементов технической инфраструктуры, которая является весомым фактором локализации как для предпринимателей, так и для населения. Финансирование проектов развития инфраструктуры обеспечивалось комбинацией разного рода ресурсов, но все населенные пункты (за исключением Малой Чаломии) должны были погашать кредиты.

Четыре из пяти населенных пунктов газифицированы (исключение составляет Мала Чаломия). Все населенные пункты обеспечены водопроводом, а Опатовска Нова Вес, Словенске Дярмоты и Баторова имеют канализацию, тогда как остальные зачислены в проект строительства южной нитки канализации. Очистка сточных вод осуществляется только в населенных пунктах Опатовска Нова Вес и Словенске Дярмоты. Ликвидация отходов обеспечивается частным бизнесом на договорной основе. В каждом населенном пункте реконструировано уличное освещение. Большое внимание уделяется озеленению.

Основную часть коммунальных услуг технического характера (освещение, водопровод, коммунальные отходы, противопожарная охрана, эксплуатация и содержание местных дорог) населенные пункты обеспечивают на договорной основе. Услуги кладбища, общественного озеленения и уборку общественных мест населенные пункты обеспечивают своими силами, используя при этом безработных, выполняющих общественные работы.

В населенных пунктах построены автодороги местного значения, которые после завершения строительства системы канализации будут нуждаться в реконструкции. Пешеходные дорожки в населенных пунктах имеются лишь частично.

С ближайшими городами населенные пункты соединены с загруженными автодорогами второго класса; железнодорожное сообщение отсутствует. Положительным фактором является небольшое расстояние населенных пунктов (30 км) от международной трассы E17, соединяющей Польшу, Словакию и Венгрию, а также регулярные (с 5.00 до 18.17) автобусные рейсы. Но все же населенные пункты находятся на периферии транспортных сетей.

Демографические тенденции во всех населенных пунктах с точки зрения долгосрочной перспективы являются негативными: постоянная миграция молодежи, естественная убыль и выразительное старение населения. Населенные пункты Лесенице и Опатовска Нова Вес эту проблему решают путем строительства муниципальных квартир и создания условий для индивидуального строительства жилья. Жилищный фонд во всех населенных пунктах постепенно реконструируется и модернизируется, как и общественные места, которые приводятся в порядок. Таким образом стараются привлечь молодежь. В то же время сохраняется большой уровень безработных как в исследуемых населенных пунктах (от 38 до 71%), так и в целом в районе Велки Кртиш (23,3%). Ближайшие города – Велки Кртиш (18 км) и Шаги (30 км) – не предоставляют достаточного количества рабочих мест.

В населенных пунктах имеются Дома культуры. В Лесенице и Опатовска Нова Вес их реконструировали. Дома культуры используются в различных целях – прежде всего для обеспечения административной деятельности (место нахождения муниципалитета), проведения культурных и общественных мероприятий, частично для семейных праздников. Спортивные объекты представлены футбольными площадками.

Медицинское обслуживание для своего населения обеспечивают только Лесенице и Словенске Дярмоты путем введения частичной ставки врача-терапевта, который посещает указанные населенные пункты 1–2 раза в две недели. Жители остальных населенных пунктов пользуются медицинскими услугами в ближайших более крупных населенных пунктах.

Основная школа (1–4 классы) имеется только в населенном пункте Опатовска Нова Вес. Ее посещает небольшое число учеников. Число школьников находится на границе эффективности деятельности учебных заведений. В Лесенице основная школа закрыта, а площади с полностью оснащенной интерьером пока не используются. Действующие дошкольные учреждения, услугами которых пользуются и соседние населенные пункты, размещены в населенных

пунктах Лесенице, Опатовска Нова Вес и Баторова. Дошкольные заведения оснащены столовыми.

Несмотря на то, что в населенных пунктах растет число пенсионеров, система предоставления основных социальных услуг для пенсионеров в них очень слабо развита: отмечается полное отсутствие социальных услуг, вытекающих из соответствующего Закона, за исключением услуг социальных работников.

Уровень развития малых населенных пунктов в значительной мере определяют избранные представители местного самоуправления и муниципальные служащие, что эмпирически подтверждено результатами исследования (табл. 2).

Таблица 2

**Количество малых населенных пунктов
и число постоянно занятых работников**

Название населенного пункта	Ставка мэра, в %	Срок полномочий	Число депутатов	Число членов комиссии
Баторова	100	2	5	5
Опатовска Нова Вес	100	4	7	4
Словенске Дярмоты	75	1	7	11
Лесенице	100	1	7	7
Мала Чаломия	85	5	5	5
Итого интегрированная территориальная единица			31	32

Срок полномочий глав населенных пунктов различный. В самом маленьком из них – Мала Чаломия – без перерыва, начиная со времени выборов в национальные комитеты, должность мэра исполняет пенсионер, поскольку никто другой не изъявил соответствующего желания. Все мэры были переизбраны на минувших местных выборах. Среди них преобладают мужчины за исключением Баторова, где должность мэра занимает женщина.

В депутатском составе всех населенных пунктов работает 31 депутат. Самоуправление представлено образованием различным числом комиссий, которые в большинстве своем созданы только формально. В их состав входят прежде всего депутаты.

По Закону населенные пункты обязаны обеспечивать делегирование задач, за выполнение которых отвечает государство – строительное управление, запись актов гражданского состояния, охрана природы. Все эти компетенции населенных пунктов обеспечивают Совместные органы исполнительной власти (СОИВ). Этой же формой обеспечиваются некоторые первоначальные компетенции: водное хозяйство, ремонт и обслуживание коммуникаций, социальные службы, образование. Так как совместное исполнение полномочий базируется на добровольной основе, указанные населенные пункты объединены в двух совместных муниципальных управлениях.

Реализация задач, которые вытекают для населенных пунктов из Закона, а

также исполнение проектов развития, имеющих инвестиционный характер, производится за счет расходования бюджетных и внебюджетных средств (табл. 3).

Таблица 3

Бюджет населенных пунктов 2009 г., тыс. евро

	Баторова	Опатовска Нова Вес	Словенске Дярмоты	Лесенице	Мала Чаломия	Итого
Доходы населенных пунктов	113,3	360,7	562	311,2	50,4	1397,5
Доходы жителей	0,3129	0,5609	1,0485	0,5905	0,2408	
Текущие доходы бюджета						
В том числе:	113,0	234	216,5	157,7	48,4	769,6
– дотация из госбюджета на постоянно проживающих в населенном пункте	82	111,4	93,9	103,6	28,4	419,3
– местные налоги	12,3	25,3	25,4	21,9	16,8	121,7
Налоговая сила населенного пункта	0,2613	0,2125	0,222	0,2383	0,080	

Количество жителей, структура их состава оказали влияние на объем дотаций госбюджета на постоянно проживающих в населенном пункте. Налоговая нагрузка колеблется от 80 евро в Мала Чаломии до 261 евро в Баторовой.

Общая сумма финансов, которую могли использовать населенные пункты в целом в 2009 г., представляла 1 397 546 евро. Большую часть средств составляли текущие доходы бюджета (от 51 до 100%). Доходы в бюджет капитальных вложений достигали объемов от 2 тыс. евро в самом маленьком населенном пункте до 346 тыс. евро в Словенские Дярмотах. Они обеспечиваются прежде всего путем проектов. В ближайшем будущем безвозмездные поступления, полученные посредством проектов, останутся, одновременно с кредитованием, основным источником финансирования проектов инвестиционного характера.

На основе анализа факторов, определяющих исходную позицию населенных пунктов, можно сформулировать обоснования для объединения населенных пунктов в более крупную единицу самоуправления. Кроме того, становится возможным установить барьеры, которые могли бы повлиять на объединение указанных населенных пунктов на добровольной основе.

Обоснования для объединения населенных пунктов:

Периферийное расположение населенных пунктов. Населенные пункты в большой степени зависят от создания предложений по занятости на своей территории. Неиспользованные производственные мощности имеющихся предприятий и возможности неиспользованного имущества населенных пунктов

(стройки, пахотные земли) могут быть позитивным фактором для привлечения фирм, предпринимательства самих населенных пунктов и обеспечения социальных услуг для потребностей объединенного населенного пункта.

Отдаленное расположение от внутригосударственных транспортных коммуникаций также увеличивает зависимость и предопределяет будущее развитие, основанное на собственных (эндогенных) источниках развития населенных пунктов.

Населенные пункты создают территориальную единицу, относительно замкнутую с соседними территориями, а небольшое расстояние между ними является благоприятным фактором для управления более крупной территориальной единицей.

Малая концентрация населения в населенных пунктах неблагоприятно влияет на предложение работы, на спрос на услуги, предопределяя малую эффективность при обеспечении услуг и использовании имущества населенного пункта.

Постоянная убыль и существенное старение населения будет все сильнее ограничивать развитие населенных пунктов, создавать давление на обеспечение, в частности, социальных услуг, которые в населенных пунктах являются мало развитыми или вообще отсутствуют. Более высокая концентрация населения создает большой спрос на социальные услуги (медицинское обслуживание, образование, отдельные элементы социальных услуг), что, в свою очередь, повышает эффективность их предоставления.

Высокий уровень бюджетирования объединенного населенного пункта создает более благоприятные условия как для обеспечения задач самоуправления, так и для инвестиционного развития, в случае если рационально сформулирована стратегия развития. Кроме того, создаются лучшие условия для обеспечения комплексных услуг на данной территории и их высокой эффективности.

Снижается доля расходов, связанных с деятельностью избранных представителей и служащих органов самоуправления. Деятельность пяти органов управления могла бы быть перенесена в сферу обеспечения тех услуг, которые в населенных пунктах отсутствуют или недостаточно развиты.

Барьеры к объединению населенных пунктов сформулированы только на основе высказанных неформальных мнений мэров:

- отсутствие информации об эффекте, который можно получить от оптимального объема предоставляемых услуг;
- опасения потери самобытности населенного пункта и авторитета лидера, решающего вопросы развития населенного пункта;
- непонимание жителями необходимости объединения населенных пунктов и, как следствие, сложность работы с ними в этом направлении;
- отсутствие материальной и финансовой заинтересованности, которая бы убедила органы самоуправления и жителей в выгоде процесса объединения;
- отсутствие открытой поддержки такой формы объединения центральным Правительством.

На основе проведенного анализа при выполнении последующих этапов работы будет проверена возможность рационализации деятельности и экономии расходов населенных пунктов; проведены расчеты ожидаемых финансовых и

нефинансовых последствий объединения, а также проанализировано предполагаемое влияние объединения населенных пунктов на территориальное экономическое и социальное развитие укрупненной муниципальной единицы.

Библиографический список

1. *Nižňanská V., Hallová K.* Skúsenosti kantýnu Luzern s komunálnou reformou. Bratislava: M.E.S.A. 10, 2006.
2. *Hamalová M.* Teyria, riadenie a organizácia verejnej správy, 2. časť: Organizácia verejnej správy. 1. vyd. Bratislava: Merkury, 2008.
3. *Gecňková I., Kostková I., Milotová B.* Možnosti a bariéry čerpanie finančných prostriedkov EU pre malé obce na Slovensku. In XI. mezinárodné kolokvium o regionálnych výdvoch: zborník príspevků z kolokvia konaného v Pavlově 18–20 června 2008. Brno: Masarykova univerzita, 2008.
4. *Swianiewicz P.* Consolidation or Fragmentation. Budapest: OSI, 2002.
5. *Nižňanská V.* a kol. Medziobecná spolupráca a zlučovacie obce na Slovensku. Výskumné štúdia. 1. vyd. Bratislava: Merkury, 2009.
6. *Hamalová M., Belajová A., Šebová M.* Komunálna ekonomika a politika. Bratislava: Merkury, 2010.

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

N.A. Baryshnaya
Ethnic-Social Relations
in a Region:
Perception Specificity

The modern social conditions forming the specificity of perception of ethno-cultural migrants by local population are considered. The major factors influencing the formation of ethno-social borders are defined.

Key words and word-combinations: ethno-cultural identity, social organization, social borders, social adaptation and integration.

Рассматриваются современные социальные условия, формирующие специфику восприятия инокультурных мигрантов местным населением. Определяются основные факторы формирования этносоциальных границ.

Ключевые слова и словосочетания: этнокультурная идентичность, социальная организация, социальные границы, социальная адаптация и интеграция.

УДК 323.1(470.44)
ББК 66.094(235.54)

Н.А. Барышная

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕГИОНЕ: СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ*

По результатам последней Всероссийской переписи населения в стране проживают представители более 160 разных национальностей. Несмотря на то, что по сравнению с Советским Союзом Российская Федерация стала этнически более однородным государством, проблемы этничности (особенно этнокультурных идентификаций) не только не утратили своей значимости, но, напротив, приобрели новое наполнение во всех сферах жизни общества. В связи с этим особое внимание теоретиками и практиками уделяется процессам взаимодействия между этническими миграционными сообществами и принимающим населением. Основной целью исследований ученых является выявление

* Работа выполнена в рамках Гранта РГНФ 10-03-00063-а «Социальные границы полиэтничной организации в современном городе: формирование и трансформация».

ние противоречий, прямо или опосредованно влияющих на уровень социальной напряженности общества и / или местных сообществ [1–6].

Сценарии адаптации и интеграции прибывших мигрантов реализуются с той или иной степенью успешности, если их жизненные планы идут дальше временного пребывания в принимающей среде и если они не меняют своих намерений в период приспособления к этой среде [7]. Изначальная ситуация взаимодействия «мигрант – принимающее население» определяется целевыми ориентациями самих мигрантов и выбранной ими стратегией инклюзии. Если в условиях ограниченного контакта со средой пребывания мигранты реализуют свои жизненные задачи, побудившие их к миграции (например, реализуется потребность в заработке, достаточном для содержания себя и своей семьи на родине или для разовой покупки дорогих вещей), то процесс их адаптации на этом и заканчивается. Суть интеграционного сценария состоит в изменении внутренних структур социальных, культурных и психологических характеристик индивидов и групп мигрантов, непосредственно определяющих их идентичность. Хотя интеграционные реакции провоцируются извне, определяются требованиями принимающей среды и направлены на максимальное растворение в этой среде, результатом все-таки является неполная ассимиляция.

Обычно возникает промежуточный вариант, оптимально соответствующий навязываемым требованиям и в то же время максимально сохраняющий и воспроизводящий условия социально-культурной идентичности. Для представителей той или иной этнической группы результатом является создание форм частной жизни в различных версиях и масштабах – от крупных и территориально реализованных этнокультурных анклавов до практически ничем не проявляющихся во «внешнем мире» этнокультурных сетей более или менее регулярного общения и взаимопомощи (например, в рамках национально-культурных общин).

Конкретные варианты буферной среды зависят от этнокультурных характеристик определенной группы и поэтому разнятся от группы к группе. Не вдаваясь в теоретические рассуждения, можно сказать, что характер такой среды связан с типом традиционной системы социального контроля, присущей данной этнической группе, и обуславливается набором факторов.

Для большинства этнических культур Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии, а также для ряда культур Юго-Восточной Азии характерна значимая роль этнической общины в формировании самооценки отдельных представителей этой общины, поэтому интеграционная буферная среда этих этнических групп как бы воспроизводит традиционные, привычные системы общинных связей. В данных случаях сама по себе буферная среда, с одной стороны, практически препятствует ассимиляции и воспроизводит себя на протяжении многих поколений потомков мигрантов; с другой – способствует более быстрой и более легитимной адаптации вновь прибывших к принимающей среде. Такая буферная среда, если правильно определить ее конкретные параметры, дает существенный ресурс для внешнего управления данной группой мигрантов через ее признанных лидеров.

Важным ситуативным параметром процесса адаптации является то, существуют ли мигранты дисперсно в принимающей среде или они заранее ориентированы на уже имеющуюся в ней этническую сеть. Первое более характерно

для мигрантов из европейской части бывшего Союза – молдаван, украинцев, белорусов и других этнических групп; второе – для выходцев из Кавказа, Закавказья и Центральной Азии. В части индивидуальных характеристик первое, скорее, характерно для людей, имеющих хорошую профессиональную подготовку и достаточно высокий уровень образования.

Дисперсное пребывание критично для процесса приспособления, но обеспечивает более успешную адаптацию вплоть до полной ассимиляции с принимающей средой, особенно во втором поколении. Пребывание в этнической сети ограничивает возможности ассимиляции даже в последующих поколениях и способствует сохранению и воспроизводству этнокультурных анклавов в крупных городах. В этом случае особое внимание со стороны управляющих структур принимающего общества должно быть обращено на формулирование определенных требований к деятельности формальных этнических НКО и реализация соответствующей продуманной политики властей по отношению к таковым.

Прибывающих инокультурных мигрантов условно можно разделить на две основные группы. К первой относятся те, кто ориентирован на длительное пребывание на территории региона, а значит, готов предпринять собственные усилия по адаптации и дальнейшей интеграции; ко второй – ориентированные на кратковременное пребывание и удовлетворение собственных прагматических интересов. Стратегия пребывания мигрантов из второй группы похожа на стратегию «экономической колонизации» – освоение «нового» экономического и социального пространства в целях собственной выгоды без ориентации на длительные социальные и экономические инвестиции.

Статистические данные, а также результаты эмпирических исследований показывают, что города в большей степени, чем сельская местность, являются «центрами притяжений» современных миграционных потоков (более высокие заработные платы, широкий выбор альтернатив работы). В то же время обладающие собственным, уникальным социально-культурным контекстом, социально-экономической и социально-географической спецификой города влияют на формы и интенсивность межэтнического взаимодействия, определяя тем самым локусы социально-стратификационной конкуренции между местным населением и мигрантами за имеющиеся (или воображаемые) материальные и социальные ресурсы.

Важнейшей проблемой, обусловленной значительным притоком мигрантов в Саратовскую область, становится рост этнофобий и ксенофобий. Как таковой этот процесс фиксируется практически повсеместно. Но применительно к рассматриваемому региону особую озабоченность вызывают два обстоятельства: *динамика* и *избирательность* фобий по отношению к определенным этническим группам.

Причины такого отношения местных жителей известны: по многочисленным обследованиям, негативное отношение к мигрантам вообще и к иноэтничным иммигрантам в особенности (таковыми, как правило, считают нерусскоязычных лиц) связывают с ростом преступности, распространением наркотиков, конкуренцией на рынках труда и жилья, осложнением санитарно-эпидемиологической обстановки, криминализацией бизнеса, нежеланием считаться с традициями и обычаями, бытующими среди жителей области. Во многом эти обвинения справедливы, равно как справедливы и обвинения мигрантов в пред-

взятом к ним отношении. Однако здесь отмечается определенное единодушие специалистов: *альтернативы миграции нет*, но следует минимизировать ее негативные последствия, найдя разумный компромисс между интересами жителей Саратовской области и мигрантов.

Сложившаяся ситуация в восприятии миграции и мигрантов со стороны автохтонного населения, органов власти и местного самоуправления требует пересмотра самого феномена миграции в соответствии с современными научными теориями, в частности конструктивистским пониманием социальных процессов. В практическом срезе одним из возможных вариантов представляется введение в «бытовой», повседневный уровень восприятия принципов мультикультурализма.

Результаты региональных этнологических исследований [8, с. 235–238; 9, с. 112–145] показывают, что уровень мигрантофобии в Саратовской области достаточно высок. Подчеркнем, что практически все наблюдаемые проявления интолерантности и ксенофобии относятся к группе этнического большинства, доминирующего на данной территории.

Безусловно, существует масса примеров того, что этническое меньшинство выполняет роль носителя ярко выраженной конфликтности, особенно в условиях актуализированной борьбы за свою этнокультурную идентичность. Однако и в этом случае этническая мобилизация меньшинства – лишь реакция на внешние, как правило, негативные условия. Исходя из этого, можно предположить, что этнический конфликт или конфликт, имеющий этническую окраску, возможен при определенном давлении на меньшинство со стороны большинства. При этом все усилия меньшинства по защите от этого давления могут описываться в терминах конфликта интересов, идей, действий.

Обычно наиболее типичный сценарий состоит в следующем. Рост конфликтности со стороны большинства в свою очередь вызывает активную защитную реакцию меньшинства, лишённого всех видов ресурсов. В условиях ухудшения внешних факторов этническое меньшинство стремится к стягиванию этноконтактных зон, уменьшению интенсивности взаимодействий с группой большинства, что ведет к выталкиванию группы меньшинства на периферию (социальную, политическую, территориальную) и маргинализации ее членов.

Основным критерием наличия конфликтного потенциала в дуальной паре «большинство – меньшинство» является определяемая большинством степень включенности меньшинства в «жизненный мир» большинства. В частности, в Саратовской области одни этнические меньшинства (украинцы, мордва, татары) воспринимаются как свои, полностью интегрированные в автохтонное население; другие (таджики, азербайджанцы, цыгане) – как «пришлые», по отношению к которым выстраивается целая система позиционирования, отчуждения, дискриминационных практик. Таким образом, отношения большинства с мигрантами и представителями других этнических групп проецируются через призму отношений «свой – чужой».

В современных российских условиях ксенофобия чаще всего принимает формы мигрантофобий и этнофобий; другие варианты не являются определяющими и производны от указанных. Факторы роста этих фобий не могут быть объяснены однозначно, хотя специалисты называют некий «стандартный» на-

бор [10, с. 17]. Среди них неоспорима значимость культурной дистанции, имеющейся между мигрантами и принимающим населением: чем больше культурная дистанция – тем выше мигрантофобии и этнофобии. При этом в некоторых случаях противоречия со временем не только не стираются, но и усиливаются; контакты между местным населением и мигрантской общиной сводятся к минимуму. Предельным вариантом является самоизоляция или самосегрегация.

Добровольная сегрегация общин этнических мигрантов – с одной стороны, чаще всего осознанная стратегия адаптации к принимающему обществу, обусловленная низким уровнем готовности мигрантской общины к интеграции с местным сообществом; с другой стороны, она результат политики принимающего общества. И дело не только в бытовых, чаще всего не складывающихся отношениях между представителями общины и местным населением – огромное значение здесь приобретает действенность социальных, экономических, культурных институтов, призванных обеспечивать социализацию населения, однако в современных условиях не ориентированных на социализацию мигрантов, прибывающих из других социумов.

Необходимо помнить, что конструирование и использование этнических категорий имеет идеологический аспект, именуемый часто этницизмом. Идеологические основания этничности и межэтнических конфликтов нередко служат внешними проявлениями утверждения идентичности. В ситуации структурного кризиса таковые проявляются особенно ярко. Апелляция к этнической идентичности, к этническим символам может служить идеологическим оружием, которое определенные группы и социальные силы используют различными, иногда диаметрально противоположными способами.

В конечном счете актуализация концепта этничности восходит к вопросу, какие формы может принимать участие этнической группы в политической жизни государства [11, с. 45–46]. Таким образом, проблема заключается в том, способны ли этнические группы включиться в процесс формирования государства-нации, что предполагает признание надэтнических (шире – надгрупповых) институтов власти. При отрицательном ответе на этот вопрос этнические группы, как правило в форме общин, образуют центры влияния, которые составляют группы политического давления, но де-факто видят свое будущее вне национального государства.

Решение подобных проблем в либерально-демократических странах (США, Великобритания, Германия, Франция) ассоциировалось с применением «мультикультурного гражданства» [12, с. 135–146]. Суть этой концепции заключается в том, что членство в политике не обуславливается некой строго определенной культурной (этнической) лояльностью. Гражданин того или иного государства может иметь этнокультурную идентичность, отличную от официально поощряемой, и тем не менее принадлежать национальному политическому сообществу, быть его полноправным участником. Иными словами, та или иная этнокультурная лояльность не рассматривается как неперемнное условие политической лояльности.

До сих пор ключевым остается вопрос о взаимосвязи указанных видов лояльности. Здесь основную роль играли и, скорее всего, будут играть доминирующие в дискурсивном пространстве сообщества эпистемологические послы, которые, с одной стороны, очерчивают приоритетность той или иной идентич-

ности граждан, а с другой – являются сформированными историко-политическими традициями восприятия культурного плюрализма.

Библиографический список

1. Дробижьева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.
2. Мокин К.С. Стратегии интеграции этнических миграционных сообществ. Саратов, 2006.
3. Мокин К.С. Анализ миграционных историй (на примере армян Саратовской области) // Социс. 2007. № 2.
4. Жогин Б.Г., Маслова Т.Ф., Шаповалов В.К. Интеграция вынужденных мигрантов в местное сообщество. Ставрополь, 2002.
5. Гиценко В.В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М., 2002.
6. Попков В.Д. Функция диаспорных общин в кросскультурном взаимодействии: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2003.
7. Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М., 2006.
8. Мокин К.С. Этнокультурная ситуация в Приволжском федеральном округе // Российская нация. Становление и этнокультурное многообразие / под ред. В. Тишкова. М., 2008.
9. Мокин К.С. Этнокультурная динамика в Саратовской области // Этнокультурный облик России: перепись 2002 года / под ред. В. Тишкова. М., 2007.
10. Мукомель В.И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социс. 2008. № 6.
11. Буржо Андре. Счастливым народам этносы не нужны // Этнопанорама. 2005. № 3/4.
12. Kimlicka W. Multicultural Citizenship. A Liberal Theory of Minority Right. Cambridge, 1995.

R.A. Kamaev
Regionalism: the New Social and Economic Reality and the New Regional Policy

The region is analyzed as an economic unit. The formation at the global and national levels of a new social and economic reality – regionalism – is considered. The necessity of building national economy as regional economy is grounded.

Key words and words combinations: globalization, economic regionalism, regions of a new type, city agglomerations.

Регион анализируется как экономическая единица. Рассматривается становление на глобальном и национальном уровнях новой социально-экономической реальности – регионализма. Обосновывается необходимость выстраивания национальной экономики как экономики регионов.

Ключевые слова и словосочетания: глобализация, экономический регионализм, регионы нового типа, городские агломерации.

УДК 332.1:338.24
ББК 65.04:65.050

Р.А. Камаев

РЕГИОНАЛИЗМ: НОВАЯ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И НОВАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Глобализация, обязанная в основном компьютерным информационно-коммуникационным технологиям, развернула противоречивые процессы формирования конвергентного и дивергентного мирового социально-экономического пространства. Одновременно происходят процессы и интеграции и регионализации мирового общества.

В содержание понятия «регион» закладывается различающийся масштаб подразумеваемой территории. Регионом может считаться страна или группы / альянсы стран (например, Америка, Юго-Восточная Азия, Европейский Союз) – в этом случае речь идет о «глобальных» регионах. «Национальными» регионами обычно считают внутригосударственные территории. В процессе глобализации и глобальные и национальные регионы обретают новый статус, определяющийся, скорее, как положение значимых элементов единого (глобального или национального) социально-экономического механизма.

Зарубежные исследователи подтверждают значение региона в современной экономике в качестве локомотива экономического развития и фактора наращивания экономикой инновационного и передового информационно-технологического потенциала. Отмечается значительно возросший научный интерес к разработке региональных стратегий социально-экономического развития по методологии «нового регионализма» [1, с. 190–197; 2, с. 115–127]. В научном словаре уже закрепились понятия, отражающие феномен глобальной и национальной регионализации – «системная регионалистика», «новый регионализм», «экономический регионализм», «экономический федерализм» [3, с. 23–24; 4, с. 13–21; 5, с. 397]. Как результат аналитического осмысления феномена регионализации возникло новое и приоритетное направление государственной социально-экономической политики – политика территориального (регионального) развития. В ее рамках регион страны рассматривается не просто в качестве части национальной территории, но как целостная (системная) социально-экономическая «единица», делающая национальную экономику уже не только и даже не столько традиционной экономикой предприятий и отраслей, сколько экономикой регионов.

Может показаться парадоксальным, что экономический регионализм как политику нецентрализованного – «горизонтального», то есть действующего от частей (регионов) к целому – выстраивания национальной экономики актуализировала глобализация с ее мощной объединительной тенденцией. Однако никакого противоречия нет, поскольку сама глобализация представляет собой нецентрализованный объединительный процесс. Все части формирующегося глобального социально-экономического пространства, сохраняя свой суверенитет, находятся между собой в «горизонтальных» отношениях добровольного равноправного партнерства. К этому они принуждаются не друг другом, но именно глобализацией вследствие выполнения единых ее требований.

Глобальная экономика представляет собой не централизованную экономику, но глобальную совокупность экономик регионов (национальных экономик и их региональных альянсов вроде ЕС). Точно так же национальная экономика в условиях глобализации вынуждена внутри себя выполнять курс на регионализацию, становясь экономикой регионов. Экономическая регионализация, совершающаяся в глобальном ли масштабе или внутри страны, сопровождается децентрализацией управления, перемещением управленческой ответственности «на места». Центральное же правительство ставит общенациональные стратегические цели и координирует работу территориального управления по их достижению. Управленческий и экономический регионализм стал адекватным отве-

том государства на «разъединительные» вызовы глобализации вроде роста социально-экономического неравенства и сепаратизма территорий, усиления культурных напряжений [6–8].

Для России наполнение формального федерализма (регионализма) реальным содержанием, что позволит реально развивать и выравнивать экономику российских регионов, более чем актуально. Рейтинг страны по подавляющему большинству важных интегральных социально-экономических показателей (ожидаемой конкурентоспособности, качеству жизни, экономической свободе) – недостоин низкий. Российские исследователи констатируют, что «если и далее игнорировать необходимость упрочения экономических основ федерализма, то следует быть готовыми к углублению тенденции подмены общенационального экономического интереса интересами отдельных национально-региональных групп и кланов» [9, с. 16]. Приведенный прогноз делался в конце XX века, но, к сожалению, сохраняет свою актуальность, поскольку и в 2011 г. в Российской Федерации отсутствуют реальный федерализм и, как следствие, политика экономического регионализма.

Разумеется, в России осуществляется политика федерального центра в отношении регионов (субъектов Федерации), но речь идет именно о регионализме как новой методологии регионального развития, спрос на которую создала глобализация. В отличие от России, экономически лидирующие страны в настоящее время демонстрируют основанную на методологии экономического регионализма политику территориального (регионального) развития. Она предусматривает создание структурных условий для появления и устойчивого действия трех взаимосвязанных факторов роста и конкурентоспособности национальной экономики: региона как эффективного экономического субъекта – нового «центра тяжести» национальной экономики (наряду с предприятием и отраслью); развитой инновационной инфраструктуры национальной экономики; развитой информационной инфраструктуры национальной экономики (на базе компьютерных информационно-коммуникационных технологий).

Глобальную экономику сегодня представляют новые корпоративные формы – транснациональные корпорации холдингового типа, а также «новые регионы» в виде, например, территорий, получивших научные определения «мировых городов», «супергородов», «информационных городов», «глобальных городов» [10–11]. Это глобальные регионы нового типа, возникающие и внутри стран, создавая феномен национальной экономики регионов. «Регионы нового типа» потому и заслуживают свое название, что являются «точками роста» социально-экономической системы в новых условиях. Однако сегодня не все регионы даже стран, являющихся экономическими лидерами, стали в одночасье «новыми».

Согласно экспертному выводу региональный рост в современных условиях обеспечивается ядром из факторов инноваций, инфраструктуры и человеческого капитала. При этом, если факторы инноваций и человеческого капитала каждый в отдельности положительно влияют на региональный рост, то фактор инфраструктуры оказывает подобное влияние лишь в совокупности с факторами инноваций и человеческого капитала [12]. Это означает, что инфраструктура региона нового типа, базовым (интегрирующим) элементом которой высту-

пают компьютерные технологии коммуникации и управления, должна быть обеспечением именно инновационного социально-экономического развития. В свою очередь, механизм инновационного социально-экономического развития включает в себя в качестве обязательного элемента устойчивое воспроизводство человеческого капитала. Таким образом, если инфраструктура, даже функционирующая на базе компьютерных технологий коммуникации и управления, не будет работать на инновационное развитие, то и не состоится рождение регионов нового типа.

Иными словами, никакое национальное инновационное социально-экономическое развитие невозможно без формирования соответствующей инфраструктуры, обеспечивающей устойчивое воспроизводство человеческого капитала через демократичные (массово доступные) и качественные системы образования, здравоохранения, а также формирование рынка труда, на котором высококвалифицированный труд ценится гораздо выше труда неквалифицированного и малоквалифицированного. Отсюда чрезвычайная важность инфраструктуры, связанной с компьютерными технологиями коммуникации и механизмами инновационного развития. Формирование такой инфраструктуры и есть строительство экономики регионов – переход к управлению территориальным развитием по методологии экономического регионализма.

Создание инфраструктуры регионов нового типа – прямая задача государства, решаемая в ходе государственного управления посредством законодательства и управления государственной собственностью. Само по себе управление представляет ключевой инфраструктурный элемент, если рассматривать инфраструктуру с точки зрения ее главной функции – обеспечения работы общественного механизма. Вот почему управление государственной собственностью в принципе решает инфраструктурную задачу. Просто в современных условиях эта задача конкретизирована как задача формирования инфраструктуры инновационного социально-экономического развития.

Современные экономические исследования демонстрируют зависимость роста ВВП от развития инфраструктуры. Создание инфраструктуры инновационного развития идет рука об руку с тенденцией агломерации (уплотнения населения) в таких возникающих мировых регионах нового типа, как глобальные города, сосредоточившие у себя то, что называют сегодня «сетевой экономикой», с ее главными субъектами – транснациональными корпорациями.

«Сетевая экономика» – это довольно точное определение глобальной экономики как экономики регионов, где регионами и выступают глобальные города. В мегаполисах как центрах знания сконцентрирована мировая деятельность по исследованиям и разработкам в рамках генераторов инновационного развития R&D; сосредоточен человеческий капитал, а также капитал оборудования, зданий, инфраструктурных объектов, в том числе транспортная и телекоммуникационная инфраструктура. Глобальные города образуют глобальную урбанистическую сеть, существующую де-факто, но не де-юре, не носящую институционального характера и формируемую сферой высокотехнологичных услуг – финансовых, управленческих, консультативных, туристических, культурных. Все эти услуги высокотехнологичны.

В России подобных регионов нового типа – городских агломераций – всего два: это агломерации Москвы (с ближайшими пригородами – около 13 миллионов человек) и Санкт-Петербурга (с населением примерно 5 миллионов), причем агломерация Санкт-Петербурга меньше, чем должна быть, учитывая размеры страны. Дефицит в современной России регионов нового типа – городских агломераций – является следствием советской политики искусственного сдерживания роста крупных городов. В России 1970–1980-х годов формировались городские агломерации, однако их опыт не представляет ценности с точки зрения новой экономической и социальной реальности. В настоящее время на эту проблему накладывается проблема высокой естественной убыли российского населения в регионах, где проживает 70% россиян.

Между тем городские агломерации как субъекты национальной экономики регионов России необходимы: они за счет передовой инфраструктуры осуществляют «концентрацию» национальной экономики, особенно актуальную для страны с ее безбрежной территорией. От государства требуется вкладывать ресурсы именно в инфраструктурные проекты. Развитие в стране передовой инфраструктуры естественным образом активизирует экономическую интеграцию, которая в настоящее время тормозится не только плохой инфраструктурой, но и административными барьерами, ограничивающими экономическую свободу.

Все попытки «административной (искусственной) агломерации» ни к чему не приведут. Необходимы масштабные инвестиции в инфраструктуру и создание нормальных условий для бизнеса – и агломерационный («стягивающий» национальную экономику) эффект не заставит себя ждать. Следует подчеркнуть, что складывающиеся естественным (неадминистративным) путем в настоящее время в мире городские агломерации – центры постиндустриальной экономики и механизмы управления строительством таких агломераций лежат главным образом в сфере инфраструктурного развития территорий. Формирование мегаполисов именно как городских агломераций – регионов нового типа в условиях глобализации, считают исследователи, повышает уровень жизни в соответствующих странах, укрепляя горизонтальные (партнерские) отношения между центральным правительством и региональным управлением [13–19].

Суть регионов нового типа, в составе глобальной или национальной экономики, – наличие у них мотивации к саморазвитию и взаимной конкуренции. Для регионов в составе национальной экономики такая мотивация создается новой региональной политикой, стимулирующей региональное развитие не дотациями и трансфертами от центрального правительства, а мобилизацией внутренних активов региона, прежде всего актива рыночных механизмов, способных выявить региональные конкурентные преимущества. Этому и служит экономический регионализм, преодолевающий традиционную дихотомию «центр – периферия».

Подобное изменение парадигмы управления региональным развитием (см. таблицу) особенно актуально для России, где советская традиция «центрально-го командования» регионами не ушла и в условиях рыночных перемен, когда территориальное развитие стало основываться на концентрации средств на фе-

деральном уровне и последующем выделении трансфертов для регионов из федеральных фондов.

Изменение парадигмы региональной политики**

	Старая парадигма	Новая парадигма
Признание проблемы	Региональное неравенство доходов, инфраструктурное обеспечение и занятость	Нехватка региональной конкурентоспособности, недогруженный региональный потенциал
Цели	Равенство через сбалансированное региональное развитие	Конкурентоспособность и справедливость
Рамочная политика (общие рамки политики)	Реагирование на проблему серьезного отставания регионов	Способствование активизации недоиспользованного регионального потенциала через региональное планирование (опережающая активизация)
Стратегии. Область действия	Секторальный подход с ограниченным числом секторов	Интегрированные и всесторонние проекты развития в рамках более широкой политики
Пространственная ориентация	Направленность на отстающие регионы	Направленность на все регионы
Единица воздействия	Административная сфера	Функциональная сфера
Временной охват	Краткосрочная	Долгосрочная
Подход	Единообразный (унифицированный)	Основанный на местной специфике
Нацеленность	Внешние инвестиции и трансферты	Внутренние местные активы и знания
Инструменты	Перераспределение и субсидии отстающим регионам (часто в отношении индивидуальных – частных – фирм)	Смешанное инвестирование в материальные и нематериальные активы (бизнес-среда, рынок труда, инфраструктура)
Субъекты	Центральное правительство	Различные уровни правительства; принимающие решения общественные, частные и некоммерческие структуры

** Составлено по материалам ОЭСР [21].

Недостатки планирования территориального развития из центра очевидны. Центральное правительство, приспособивая регионы для служения общенациональным целям, игнорирует собственно региональные нужды – интересы людей, проживающих на разных географически, климатически и в ресурсном отношении территориях. При этом не принимаются во внимание специфические для каждого региона внутренние ресурсы его развития, отчего страдает национальное развитие в целом [20, с. 84].

Необходимость стратегического территориального планирования, которое способно осуществлять лишь центральное правительство (в России – федеральный центр), очевидна. Региональное управление должно думать о мобилизации внутренних ресурсов развития своего региона, а не о задачах общенационального развития. Вместе с тем, когда возврат к прежней редакции принципа «центр – периферия» невозможен, регионы не должны утратить общенациональные ориентиры в государственной экономике, поэтому в условиях глобализации, активизировавшей регионы внутри стран в качестве самостоятельных субъектов социально-экономического развития, и понадобилась новая – партнерская – парадигма взаимоотношений центрального правительства и регионов.

Библиографический список

1. *Thomas K.* Creating regional cultures of innovation? The regional innovation strategies in England and Scotland // Policy review section.
2. *Hicks D., Nivin S.* Beyond globalization: localized returns to IT infrastructure investments // Regional studies. 2000. Vol. 34, № 2.
3. *Лексин В.Н.* К методологии исследования и регулирования процессов территориального развития // Регион: экономика и социология. 2009. № 3.
4. Федерализм и региональные отношения. (Опыт России и Западной Европы). М., 1999.
5. Экономический механизм федеративных отношений / под ред. С.Д. Валентея. М., 1995.
6. *Ларина Н.И., Кисельников А.А.* Региональная политика в странах рыночной экономики / НГАЭ и У. М., 1998.
7. Regional policies in Germany / OECD. Paris, 1989.
8. *Wadly D.* Restructuring the regions: Analysis, policy model and prognosis / OECD. Paris, 1986.
9. Проблемы и перспективы развития российского федерализма: мат-лы науч.-практ. конф. / Совет Федерации Федерального Собрания РФ. М., 1998.
10. *Friedmann J., Wolff G.* World city formation: An agenda for research and action // International Journal of Urban and Regional Research. 1982. № 3.
11. *Stren R.* The Studies of cities: Popular perceptions, academic disciplines, and emerging agendas // Preparing for the urban future: Global pressure and local forces. Wash., 1996.
12. *Garcilazo E.* Improving productivity in lagging regions. Regional development policy division // Public governance and territorial development directorate. Paradigm Shift in regional policies. 2010. 28 June; URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/29/58/45558626.pdf>
13. *Зубаревич Н.* Агломерационный эффект или административный угар? // Российское экспертное обозрение. 2007. № 4/5.
14. *Бозе Э.* Городская агломерация: старое название – новое содержание // Российское экспертное обозрение. 2007. № 4/5.
15. *Ланно Г.* Городские агломерации СССР – России: особенности динамики в XX веке // Российское экспертное обозрение. 2007. № 4/5.
16. *Taylor P.J.* World city network. A global urban analysis. L., 2004.
17. *Артоболевский С.* Меняю одну агломерацию на два кластера в разных экономических районах // Российское экспертное обозрение. 2007. № 4/5.
18. *Метелева Е.* Новые представления о городе в условиях глобализации // Федерализм. 2010. № 3.
19. Globalisation and regional economies: Can OECD regions compete in global industries? // OECD. P., 2007.
20. *Никифоров Л., Кузнецова Т.* Схемы территориального планирования в управлении комплексным развитием территории // Федерализм. 2009. № 2.
21. Global Crises – Regional Responses: мат-лы Форума, Франция, 2009. URL: www.oecd.org/regional/forum2009

D.F. Milushev
Limits of the Government
Interference in the Economy:
Theoretical and Legal Aspect

The problem of the government interference in the economy is investigated in the light of the government, law, and politics co-relation. The problem of defining an optimal level of government participation in economic processes regulation is accentuated in the legal dimension.

Key words and word-combinations: legal regulation, economic function of the government, law, policy.

Проблема вмешательства государства в экономику исследуется через призму соотношения государства, права, политики. В правовом ключе акцентируется проблема определения оптимального уровня участия государства в регулировании экономических процессов.

Ключевые слова и словосочетания: правовое регулирование, экономическая функция государства, право, политика.

УДК 351:338.242
ББК 67.401.11:65.050

Д.Ф. Милушев

**ПРЕДЕЛЫ
ВМЕШАТЕЛЬСТВА
ГОСУДАРСТВА
В ЭКОНОМИКУ:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ
АСПЕКТ**

Вопрос о допустимых формах и оптимальных пределах вмешательства государства в экономику – один из «вечных». Как никогда ранее, он актуален для России. Несмотря на то что в последнее десятилетие в юридической науке наблюдается активный поиск путей формирования и развития полноценной рыночной экономики, переосмысление роли государства в экономическом развитии не получило адекватного практического воплощения [1–4]. В связи с этим анализ целей и задач государственной деятельности, определение степени государственного вмешательства в экономическую сферу приобретают наибольшую значимость.

Методологически верным представляется проводить исследование обозначенной проблемы через призму экономической функции государства, которая как раз и характеризует его роль и место в регулировании экономических отношений и выражается в выработке основных направлений развития экономики страны и координации государством действий всех экономических субъектов в наиболее оптимальном режиме.

Необходимо также учитывать двойственную функциональную природу государства в сфере экономики. С одной стороны, оно устанавливает правила функционирования и взаимодействия многих экономических субъектов и осуществляет контроль за их соблю-

дением, применяет в отношении них государственное принуждение. С другой стороны, государство выступает и как равноправный субъект хозяйствования наряду с частными компаниями, поскольку в лице госпредприятий осуществляет производство определенных видов товаров и услуг, в том числе рыночных.

Следует отметить, что характер и формы взаимодействия государства, права и экономики, пределы вмешательства государства в экономическую сферу носят конкретно-исторический характер и обусловлены воздействием различных факторов: уровнем научно-технического прогресса, информатизации общества и экологическими условиями, международной обстановкой, а также типом социально-экономической системы.

В командно-административной модели экономики государство является фактически единственным экономическим субъектом; даже предприятия входят в механизм государства в качестве его материальных придатков. Соответственно, господствующие взгляды на экономическую роль и функции государства теоретически обосновывают масштабы и глубину государственного вмешательства в экономическую жизнь. Их суть получила наиболее концентрированное выражение в материалистических концепциях «погружения» государства в экономический базис общества.

В либеральной рыночной (капиталистической) системе хозяйствования экономическая функция государства ограничивается установлением общих правил, способствующих развитию конкуренции, ее охране и защите. Известный австрийский экономист и философ Ф. Хайек указывает, что формальное равенство перед законом несовместимо с любыми действиями государства, нацеленными на обеспечение материального равенства различных людей, и всякий политический курс, основанный на идее справедливого распределения, однозначно ведет к разрушению правозаконности [5, с. 18].

В последние десятилетия либеральная трактовка экономической роли государства претерпела изменения. Теперь признается, что государственное воздействие является неременным спутником современной здоровой рыночной экономики: «Силы рынка не могут быть единственным регулятором экономического развития... Возникла центральная ... роль государства» [6, с. 7]. Это признают и представители экономически более либеральных США, и европейских стран, сравнительно более централизованных в отношении проводимой государством экономической политики.

Важно обратить внимание на определение «центральная», так как эта роль, как утверждают ученые, привела к изменению институтов государства. В качестве примера следует рассмотреть господствующую в современных условиях концепцию *социально ориентированной экономики*. Реализующее ее государство, обеспечивая социальную защиту граждан, делает ставку на одновременное развитие рыночных отношений и социальной сферы путем эффективного перераспределения накоплений.

Критикуя современное социальное государство, польский либеральный экономист и политический деятель Л. Бальцерович отмечает, что глубинная причина масштабной интервенции государства в экономику состоит в пренебреже-

нии экономическими свободами как главными пределами государственной деятельности. Этому способствует также широкое толкование понятия «общественное благо», интерпретации которого есть не что иное, как оправдание задним числом уже свершившегося факта – расширения функций государства [7, с. 18].

Пределы «зоны ответственности» (и, следовательно, вмешательства в различные сферы жизни общества) социального государства в настоящее время неизбежно становятся шире. В этом оно отличается от «государства – ночного сторожа», втиснутого в более жесткие рамки законности. Опыт европейских стран подтверждает, что переход к рыночной экономике и ее стремительное развитие произошли при самом активном участии и поддержке государства.

Усвоив уроки либерального «экономического эксперимента» 1990-х годов, Россия движется по пути построения правового и одновременно социального государства. В такой модели противоречия между политикой и экономикой неизбежны, хотя бы уже потому, что формирование правового государства требует экономической свободы, а социального – ее ограничения. В процессе реализации своих функций в экономической сфере Российское государство решает множество задач: совершенствует рыночный механизм, обновляя его правовую базу; расширяет сферу действия рыночных отношений, постепенно передавая рынку те функции, которые тот может реализовать эффективнее государства; уменьшает чрезмерное неравенство между людьми. Вместе с тем оно не должно необоснованно, по своему усмотрению наращивать «объемы» вмешательства в экономику, следствием чего происходит распространение коррупции, уклонение от уплаты налогов, возникновение теневой экономики и ослабление функции государства по защите сохранившихся экономических свобод.

Практика советского периода показала, что государство как воплощение чрезмерной власти действительно представляет собой потенциальную угрозу общественно-экономической стабильности. Уравновесить же волюнтаризм мощной государственной машины пределами допустимого весьма затруднительно даже в условиях развитых экономических и политических свобод граждан. Рассуждая о пределах государственного вмешательства в экономическую сферу, следует отметить, что они очерчены прежде всего объективными факторами функционирования рынка – спросом, предложением, ценой. В условиях экономической свободы эти критерии определяют эффективность экономики как системы.

Определяя границы влияния государства в экономике, необходимо учитывать конкретную социально-экономическую и политическую ситуацию в стране, традиции, менталитет общества, другие факторы. Ключевым здесь является вопрос соотношения государства и собственности, сбалансированности интересов государства и гражданского общества, которая может быть достигнута с помощью системы «сдержек и противовесов», действующих в области экономических отношений. Например, разумные законодательно закрепленные фискальные ограничения способствуют предотвращению роста государ-

ственных расходов, а значит и налогообложения. По мнению ученых-экономистов, объективно обусловленная норма налогообложения, определяющая допустимый уровень государственных расходов – 10% (известная с давних пор «десятина»). Она является нормой экономического равновесия и стабильности.

Несомненно, важную роль при этом играет расстановка социально-политических сил. Если, например, политические силы (и стоящие за ними экономические группы) получают преимущества от перераспределительной функции государства, но теряют при этом авторитет и влияние в обществе, то в таком случае можно ожидать уменьшения роли государства [8, с. 277]. Данное заключение вряд ли справедливо в российской действительности. В качестве основной политической силы в нашей стране выступает бюрократия, получающая от перераспределения доходов реальную финансовую выгоду. Она мало зависит от общества и поэтому практически игнорирует общественное мнение.

Деятельность должностных лиц, государственных, муниципальных служащих, а также негосударственных структур, в той или иной мере противоречащая общезначимым целям и задачам в сфере экономики, приводит к тому, что государство становится тормозом на пути цивилизованного экономического развития, а в отношениях «рынок – государство» формируется устойчивый дисбаланс в пользу последнего. По мнению научного руководителя Высшей школы экономики Е. Ясина, сегодня укрепление позиций государства наблюдается в тех областях, где его эффективность сомнительна, например в государственном предпринимательстве. Государство делает акцент на усилении государственного урегулирования, фактически на национализации, в то же время ослабляя свои позиции там, где оно должно быть особенно активным, например в обеспечении верховенства закона, независимости правосудия, защиты прав собственности [9].

Заметную роль в ограничении государственного вмешательства в экономику и усилении приватизационных процессов для каждой страны в отдельности играют факторы внешнего, международного характера. Например, членство во Всемирной торговой организации ограничивает возможности введения странами-участницами протекционистских мер друг против друга, что стимулирует конкуренцию и в конечном итоге способствует защите отечественных производителей и потребителей.

Экономические отношения могут нормально функционировать исключительно в правовом поле, так как условием для выявления экономической необходимости выступает юридическая свобода. Вот почему современное регулирование экономических отношений вызывает потребность в особом юридическом механизме, оптимально сочетающем публичные и частные начала, базирующемся на специальном правовом режиме, который обеспечивает гарантии прав и законных интересов всех экономических субъектов. С этих позиций наилучшим инструментом сдерживания государства является эффективный, реально действующий Основной Закон, где четко прописаны основополагающие свободы и обязанности граждан и государства, статус

форм собственности. Как справедливо отмечает Г.А. Гаджиев, Конституция может рассматриваться как своеобразный указатель того, как глубоко государство может «погружаться» в глубины регулирования в сфере экономики [10, с. 5].

Таким образом, реализация экономической функции определяется множеством внешних и внутренних факторов, таких, как социально-политический период государственного развития, уровень демократии и другие. В переходный период доля государственного регулирования объективно возрастает, и в период стабильности государство должно брать на себя выполнение лишь тех задач, которые оно может реализовать самым наилучшим образом.

Представляется, что роль государства должна заключаться в правовом обеспечении экономических отношений; создании регулятивных, стимулирующих, консультационных, а также распределительных и запретительных механизмов (в частности норм юридической ответственности для субъектов рыночных отношений). Приоритетными направлениями развития экономической функции в обозримом будущем должны стать реальная поддержка малого предпринимательства как доминирующего института рыночной экономики; создание конкурентной среды; развитие всех форм собственности, в первую очередь частной; формирование саморегулирующейся экономики с неотъемлемым государственным воздействием и взаимодействием государственных и негосударственных институтов.

Библиографический список

1. *Атаян Г.Ю.* Экономическая функция Российского государства: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2006.
2. *Соколова И.Л.* Экономическая функция современного федеративного государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
3. *Макаревич А.В.* Воздействие глобализации на экономические функции государства: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2007.
4. *Хусаинов З.Ф.* Экономическая функция российской государственности: вопросы теории, истории и политико-правовой практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.
5. *Хайек Ф.* Дорога к рабству. М., 1992.
6. *Чиркин В.Е.* Некоторые проблемы реформы российской Конституции // Государство и право. 2000. № 6.
7. *Бальцеревич Л.* Навстречу ограниченному государству / пер. с англ. М., 2007.
8. *Захаров А.В.* Модернизация и внешняя политика правового государства с позиций конституционной экономики // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / предисл. В.В. Миронова, Ю.Н. Солонина. М., 2010.
9. *Ясин Е.* Включился механизм торможения модернизации // Известия. 2006. 3 апр.
10. *Гаджиев Г.А.* Экономическая конституция. Конституционные гарантии свободы предпринимательской (экономической) деятельности // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2009. № 1 (16).

E.P. Bogdanova
Domestic Practices
of Creation and Implementation
of Regulatory Legal Acts
in Mining of the Russian Empire
(by the Example
of A.F. Deryabin's Activity)

The legal acts developed and managerial decisions taken in the implementation of regulatory legal acts in mining in Russia in the beginning of the XIX century are analyzed. The state-legal activity of A.F. Deryabin in the field is presented.

Key words and word-combinations: mining, Enactment for permanent employees, Enactment for the attached peasants management, A.F. Deryabin.

Анализируются разработанные правовые акты и принятые управленческие решения по реализации нормативных правовых актов в области горного дела России начала XIX века. Представлена государственно-правовая деятельность А.Ф. Дерябина в указанной области.

Ключевые слова и словосочетания: горное дело, Положение для неприменных работников при горных заводах, Положение для управления приписных крестьян А.Ф. Дерябина.

УДК 347.249(470+571)"17/18"

ББК 67.407.3(2Рос)5

Е.П. Богданова

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ
СОЗДАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ
НОРМАТИВНЫХ
ПРАВОВЫХ АКТОВ
В ОБЛАСТИ ГОРНОГО ДЕЛА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
А.Ф. ДЕРЯБИНА)**

Одним из приоритетных направлений внутренней политики Российского государства конца XVIII – начала XIX в. являлось развитие горного дела. К этому времени существующее горное законодательство устарело и тормозило развитие намечавшихся в экономике буржуазных отношений. Разработанный В.Н. Татищевым в 1734–1735 гг. Горнозаводской устав долго оставался основным руководящим документом в области организации горнозаводской промышленности, к тому же официально не был утвержден. В связи с этим в начале XIX в. в Российской империи был принят ряд нормативных актов в области горного дела. центральное место среди которых по праву занимает Горное положение. Оно на должном правовом уровне обеспечивало создание механизма преобразования горной промышленности России.

Принятое в 1806 г., Горное положение первоначально было утверждено лишь на пять лет. Однако действие его продолжалось, а в дальнейшем оно легло в основу Горного устава 1857 г. Намечавшиеся в сфере горного дела преобразования требовали ввести в действие не только Горное положение, но и ряд других тесно связанных с ним правовых актов.

Новое горнозаводское законодательство разрабатывалось и внедрялось при непосред-

ственном участии А.Ф. Дерябина. К моменту принятия Горного положения А.Ф. Дерябин имел чин оберберггауптмана 4-го класса и являлся Горным начальником Гороблагодатских, Камских, Пермских и Банковских Богословских заводов и Управляющим Дедюхинскими соляными промыслами. Высокопоставленный чиновник, несомненно, стал центральной фигурой, призванной реализовать на практике основные задачи развития горнозаводского дела в Российской империи начала XIX в.

Для успешного развития отрасли следовало прежде всего решить проблему обеспечения горных предприятий Уральского хребта основными и вспомогательными работниками.

Еще в 1802 г. А.Ф. Дерябин выступил одним из инициаторов постепенной замены института приписных крестьян непрямыми работниками. В представленном им 29 октября 1802 г. докладе он отмечал, что «приписные крестьяне составляют главное затруднение для Горного начальства» [1, с. 342]. Его идеи нашли поддержку в правительстве. Так, в соответствии с докладом министра финансов графа А.И. Васильева, Высочайше утвержденным 23 июня 1803 г., предписывалось «вместо приписных крестьян к заводам хребта Уральского набрать непрямых работников из них самих, не касаясь заводов Олонских, Луганских, Колывановских и Нерчинских...». При этом должны были соблюдаться следующие правила:

1) количество непрямых работников на казенных заводах определять потребностями каждого из предприятий, а на частных заводах – из расчета 58 человек от 1000 приписанных к заводу крестьян;

2) устанавливались возрастные ограничения, по которым непрямым работникам не должен быть старше сорока лет;

3) набор следовало производить из всех селений, находящихся в заводской округе, даже если они не были приписаны к заводу; при этом селения освобождались от всех государственных податей и рекрутского набора;

4) непрямым работникам со стороны крестьян оказывалось содействие в строительстве, обеспечении лошадьми, повозками [2, с. 1052].

Институт непрямых работников предназначался для выполнения работ, которые согласно Манифесту от 21 мая 1779 г. ранее возлагались на приписных крестьян.

Несмотря на то что определенная работа по внедрению института непрямых работников велась в течение нескольких лет, законодательного закрепления он первоначально не имел. Только 13 марта 1807 г. Положение для непрямых работников при горных заводах, участие в разработке которого принимал и А.Ф. Дерябин, было «Высочайше утверждено».

Указанный правовой акт был крайне необходим для реализации нового Горного положения. Отношения, связанные с деятельностью полиции, суда, соблюдением дисциплины, порядка выполнения служебных обязанностей непрямыми работниками регулировались теми же постановлениями и распоряжениями местных должностных лиц, которые действовали на всех остальных мастеровых и рабочих завода (ст. 11) [3].

Положение для непрямых работников при горных заводах устанавлива-

ло требования, по которым в работники набирались только взрослые люди, обладающие крепким здоровьем. Вместе с тем для перевозки руды разрешалось привлекать малолетних лиц, но с обязательного согласия одного из родителей или иных родственников (ст. 2) [3]. Возможно, это объясняется тем обстоятельством, что положение детей непрменных работников приравнялось к положению детей прочих мастеровых и рабочих людей – они принадлежали заводам и могли привлекаться к выполнению определенных заводских работ (ст. 3) [3].

Непрменные работники подразделялись на пеших и конных. Пешие занимались заготовкой дров и другими заводскими работами, как вспомогательными, так и «по мастерствам». К обязанностям конных работников относились перевозка руды, угля, флюса, песка, другого необходимого для завода сырья и грузов (ст. 5) [3]. Каждому конному непрменному работнику следовало иметь две лошади (ст. 6) [3], при этом заводская контора должна была обеспечивать покосом, «дающим необходимое количество сена на три лошади» (ст. 7) [3].

Интересным, не наш взгляд, является установленный в главе II (ст. 15) Положения для непрменных работников при горных заводах порядок управления, который предполагал разделение непрменных работников каждого завода на десятки, руководимые десятниками, и сотни, возглавляемые сотниками [3]. Кроме того, устанавливались должности старшин для пеших и для конных непрменных работников (ст. 16). Старшины, сотники и десятники избирались из числа непрменных работников ежегодно в январе и феврале – для пеших, в апреле и мае – для конных работников [3]. На казенных заводах предусматривалось утверждение старшин Горным начальником, а десятников и сотников – управляющим завода; на частных же заводах право утверждения в должности принадлежало заводчику или его представителю (ст. 17) [3].

В случае отсутствия потребности в непрменных работниках на частных заводах по распоряжению Горного правления допускался их перевод на казенные предприятия, если была такая необходимость (ст. 10) [3].

Установление внутренней системы контроля и коллективная ответственность за результаты работы обеспечивали качественное выполнение заводских работ. Согласно ст. 23 Положения для непрменных работников при горных заводах действовала коллективная ответственность за результаты работы: «Целый десяток отвечает за работы десятка; целая сотня отвечает за работы своей сотни, и целое общество за работы своего общества». Поэтому каждый работник имел право контролировать работу другого и сообщать об этом не только десятнику, но также сотнику и старшине. Недисциплинированный работник исключался из соответствующего общества и привлекался к выполнению других заводских работ (ст. 24) [3].

В главе III рассматриваемого Положения регламентировались вопросы о характере, количестве и видах работ, выполняемых непрменными работниками.

Хотя непрменные работники должны быть заняты на неквалифицированных работах, местному горному руководству казенных и частных заводов пре-

доставлялось право по своему усмотрению привлекать их, как временно, так и постоянно, к выполнению других горных и заводских работ (ст. 25) [3]. Отдельного внимания заслуживают диспозитивные правила, по которым местному руководству предоставлялось право перемещать мастерового или рабочего человека «в число непременных работников», а вместо него определять на заводскую или горную работу непременного работника (ст. 26) [3]. Это, на наш взгляд, свидетельствует о нестабильности правовых статусов рабочих, занятых в горнозаводской промышленности.

Объем работ для непременных работников казенных заводов устанавливался ежегодно Горным начальником в Горном совете (ст. 28) [3], а для частных заводов эта обязанность исполнялась самим заводчиком или его представителем (ст. 32) [3]. Эти сведения в обязательном порядке представлялись в Горное правление. При установлении соответствующих норм учитывались местные особенности, время года и вид выполняемых работ.

Для конных работников объем работ устанавливался в количестве отработанных дней, и в течение года не должен был превышать 8 месяцев, или 240 рабочих дней, за исключением работ по доставке сена для заводской конюшни, перевозке дров осенью и прочего (ст. 36) [3]. При этом предусматривалось, что время работы за пределами установленных норм должно быть не более двух месяцев в течение года (ст. 37) [3].

В случае производственной необходимости в течение года допускалось изменение характера и вида работ, выполняемых непременными работниками, но не их количество на одного человека (ст. 30) [3]. Однако согласно ст. 33 для частных заводчиков предусматривалась возможность изменения объема работ для каждого работника при условии согласования этого вопроса с Горным правлением либо с письменного согласия самих непременных работников, оформленного в порядке, установленном в указанной статье. Данные правила являлись определенными гарантиями защиты трудовых прав работников.

Глава IV Положения для непременных работников при горных заводах регулировала вопросы их содержания. В соответствии со ст. 38 все непременные работники получали «безденежно провиант на себя и на все свое семейство» на основании Высочайшего Именного Указа» от 14 мая 1799 г. Годовое жалованье непременного работника составляло 20 рублей, а конным работникам полагалось на содержание двух лошадей дополнительно «25 рублей ремонтных денег и овса 120 пудов в год» [3].

Правовое положение непременных работников практически не отличалось от положения мастеровых и заводских рабочих. Введение института непременных работников ставило своей целью «сделать из них хороших ремесленников». Они выполняли трудовые обязанности и пользовались правами, как и остальные рабочие и служащие предприятия (ст. 1) [3].

В отличие от них для приписных крестьян выполнение заводских работ не являлось основной сферой деятельности и представляло собой выполнение «заводской повинности». Вид и объем работ для приписных крестьян каждой волости устанавливался заранее и закреплялся в специальных ведомостях. Ста-

тус приписных крестьян планировалось сохранить до полной замены их непремненными работниками. В связи с этим наряду с рассмотренным ранее Положением для непремненных работников при горных заводах был принят еще один правовой акт, позволяющий создать необходимые условия для реализации Горного положения.

15 марта 1807 г. вышло Положение для управления приписных крестьян, разработанное при непосредственном участии А.Ф. Дерябина. Небольшой по объему, всего 34 статьи, данный акт обеспечивал правовое регулирование порядка управления приписных крестьян в период замены их непремненными работниками [4].

На основании принятых положений по обеспечению горных заводов непремненными работниками, мастеровыми и рабочими людьми под руководством А.Ф. Дерябина были произведены необходимые расчеты и выработаны окончательные правила, позволяющие решать кадровую проблему для горных предприятий. Например, согласно произведенным расчетам, для Гороблагодатских заводов по ведомости № 9 следовало набрать 514 мастеровых и рабочих людей, непремненных работников по ведомости № 4 – 4044 человека. Для Камских заводов требовалось 167 мастеровых и рабочих людей (ведомость № 9) и 1976 непремненных работников (ведомость № 4). Кадровые потребности Пермских заводов составляли 933 мастеровых и рабочих людей (ведомость № 9) и 1635 непремненных работников (ведомость № 4). Для Екатеринбургских заводов было необходимо 1500 человек мастеровых и рабочих людей (ведомость № 9) и 1237 непремненных работников (ведомость № 4), а для Банковских Богословских заводов – 1252 человека (ведомость № 9) и 531 человек (ведомость № 4) соответственно. Производились расчеты и для частных заводов (ведомость № 1).

Была проделана большая работа по составлению списков селений, близлежащих к заводам, сбору данных о расстоянии от них до заводов, о количестве проживающих в них лиц и «числе годных работников». Так, к Ижевскому железодельательному заводу, относящемуся к числу Камских заводов, следовало приписать 13 ближайших селений, в которых, по данным переписи, проживала 951 «ревизская душа», из них «годными к выполнению заводских работ» было признано 411 человек (Приложение Д к Докладу о непремненных работниках). К Воткинскому железодельательному заводу планировалось приписать 78 селений, где проживали 3596 лиц мужского пола, в том числе 1486 человек, способных к заводским работам (Приложение Д к Докладу о непремненных работниках). Аналогично Камским заводам были собраны сведения и произведены необходимые расчеты для Гороблагодатских, Пермских, Банковских Богословских и Екатеринбургских заводов [1, с. 347–352].

Следует иметь в виду, что «ревизская душа», или «душа», в царской России являлась единицей учета мужского населения, подлежащего обложению подушной податью. В связи с этим переписи подлежали все мужчины без учета возраста и трудоспособности.

По данным переписи, в селениях, назначенных к приписке к Камским заводам, трудоспособное население составляло 1897 человек. Согласно про-

изведенным расчетам, данного количества было недостаточно для обеспечения заводов неперменными работниками. Такая ситуация была связана с тем, что не были приписаны к заводам удмуртские селения, находящиеся в Завьяловской, Юксинской, Бурановской, Якшурской и Ныльгинской волостях [1, с. 350].

Как показало исследование, в пяти селениях, близлежащих к Камским заводам, проживали удмурты, небольшое количество черемисов и в одном – татары. Все они были приписаны к Адмиралтейству. Существовало мнение, что они занимаются только хлебопашеством, «ни с кем не имеют обращения, и потому не знают русского языка». А.Ф. Дерябин, по его словам, «не заметил ни малейшей трудности в их разговорах на русском языке, что доказывается рыночными съездами, еженедельно бываемыми при обоих Камских заводах, где вотяки (удмурты) продают свои избытки от земледелия и скотоводства».

Проезжая через удмуртские селения, чиновник наблюдал достаточно хороший уровень развития скотоводства. По мнению горного начальника, большая часть конных заводских работ выполнялась по найму именно удмуртами. И еще одним, не менее важным аргументом для приписки удмуртских селений к заводам выступало их близкое расположение, что позволяло решить большинство важных бытовых проблем. В своем докладе А.Ф. Дерябин сообщал, что приписка близлежащих к Ижевскому заводу удмуртских селений не может оказать негативного влияния на развитие хлебопашества в Вятской губернии, так как на Ижевский завод необходимо направить только 750 неперменных работников, а в целой губернии проживает несколько сот тысяч земледельцев.

Таким образом, под руководством А.Ф. Дерябина были созданы необходимые правовые акты, произведены расчеты для казенных заводов и заводов частных лиц, выработаны окончательные правила, регулирующие вопросы обеспечения рабочей силой горных предприятий. Грамотно выполненные экономические расчеты способствовали реализации намеченной реформы.

Библиографический список

1. Выписка из производства дела о наполнении заводов как неперменными работниками вместо приписных крестьян, так и мастеровыми и рабочими людьми по мастерствам заводским // Высочайше утвержденные доклады и другие сведения о новом образовании Горного начальства и управления Горных заводов. СПб., 1807. Ч. 2.
2. О наполнении горных заводов хребта Уральского мастеровыми и рабочими людьми, также неперменными работниками взамен приписных крестьян: Высочайше утвержденный доклад Министра финансов графа А.И. Васильева // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 29.
3. Положение для неперменных работников при горных заводах // Высочайше утвержденные доклады и другие сведения о новом образовании Горного начальства и управления Горных заводов. СПб., 1807. Ч. 2.
4. Положение для управления приписных крестьян // Высочайше утвержденные доклады и другие сведения о новом образовании Горного начальства и управления Горных заводов. СПб., 1807. Ч. 2.

**A.G. Zaporozhtsev
The Problems
of the Constitutional Right
to Inheritance in Contemporary
Russian Society**

The problems of the constitutional right to inheritance in contemporary Russian society are outlined. Attention is focused on the lack of legal regulation of relations in the hereditary succession of family business, stocks and rights to a share.

Key words and word-combinations: constitutional right to inheritance, hereditary succession, the object of inheritance, the inheritance of shares, family business.

Показаны проблемы конституционного права на наследование в современном российском обществе. Основное внимание уделено регулированию отношений в сфере наследственного правопреемства семейного бизнеса, акций, прав на долю.

Ключевые слова и словосочетания: конституционное право на наследование, наследственное правопреемство, объект наследования, наследование акций, семейный бизнес.

УДК 342.7+347.65/.68
ББК 67.400.32+67.404.4

А.Г. Запорожцев

**ПРОБЛЕМЫ
КОНСТИТУЦИОННОГО
ПРАВА НА НАСЛЕДОВАНИЕ
В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Право на наследование закреплено в Конституции РФ [1] среди основных прав и свобод человека и гражданина. Конституционный Суд РФ определил значение данного права, указав, что «роль и значение наследования могут меняться в зависимости от степени развития общественных отношений (экономических, политических, правовых и др.), но в любом случае состоят в обеспечении уверенности гражданина в том, что все нажитое им имущество, имущественные права и созданные им материальные блага перейдут после его смерти к его родным и близким либо к тем физическим и юридическим лицам, которых он назначил» [2, с. 2]. При этом рассматриваемое право было, есть и будет производным по отношению к общему массиву правовых норм, регламентирующих собственность граждан. Не случайно конституционная норма о праве на наследование расположена в ч. 4 ст. 35 Конституции РФ, регуливающей право частной собственности. При этом она существенно отличается от аналогичной нормы ранее действовавшей Конституции РСФСР 1978 г., в которой закреплялось положение об охране государством права наследования и не упоминалось о гарантии этого права.

Поскольку в России все более масштабно осуществляется процесс совершенствования распределительных отношений, значение института наследования не теряет своей ак-

туальности. Современное правовое регулирование отношений по наследованию имущества, подобно регулированию отношений собственности, носит комплексный, межотраслевой характер. Во-первых, оно состоит в установлении с помощью конституционных и гражданско-правовых норм самой возможности наследовать и завещать имущество. Во-вторых, нормами гражданского права определяются правомочия граждан по распоряжению своим имуществом на случай смерти и границы их свободного усмотрения. В-третьих, к институту наследования относятся и правовые способы защиты наследственных прав граждан от посягательств со стороны других лиц (нормы гражданского и уголовно-права о защите отношений по наследованию имущества).

Неукоснительное проведение законодательно закрепленных начал обеспечивает интересы как самого наследодателя и его наследников, так и всех третьих лиц (должников и кредиторов наследодателя, фискальных служб), для которых смерть наследодателя может повлечь те или иные правовые последствия. Между тем, рассматривая роль права каждого на наследование, следует констатировать, что оно не всегда поддерживалось на государственном уровне. Так, в апреле 1918 г. был принят специальный декрет «Об отмене наследования» [3, с. 48]. Согласно этому документу наследование как по закону, так и по завещанию отменялось. Все имущество умершего после его смерти переходило к Российской Советской Федеративной Социалистической Республике. Только нетрудоспособные родственники могли получить определенную часть имущества на свое содержание. Изменение ситуации произошло после принятия ГК РСФСР 1922 г., согласно которому наследственные права закреплялись, но размер приобретаемого в порядке наследования имущества ограничивался десятью тысячами рублей. «Относительная» справедливость была восстановлена только с принятием ГК РСФСР 1964 г., который оказался «долгожителем», просуществовав более 35 лет. Начавшийся с конца 1980-х годов процесс реформ затронул и сферу реализации конституционного права наследования. В конечном итоге закрепление в Конституции РФ 1993 г. частной собственности логично привело к расширению субъектной и объектной структуры права наследования.

В текущем законодательстве непосредственно действующие нормы, относящиеся к наследованию, включены в части первую и вторую Гражданского кодекса РФ [4] и третью часть Гражданского кодекса, введенную в действие 1 марта 2002 г., положения которой последовательно раскрывают конституционную гарантию на право наследования. Как отмечают специалисты, едва ли не впервые за всю историю развития российского права нормы о наследовании получили столь четкое закрепление, а законодатель ответил на большинство вопросов, которые задавались ему со стороны доктрины и правоприменительной практики [5, с. 15].

Включение в текст Конституции РФ ст. 35 имело важные последствия для развития гражданского права. Так, ст. 209 ГК РФ предусматривает, что собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом (п. 1 ст. 209); он вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые

законом интересы других лиц (п. 2 ст. 209); в собственности граждан может находиться любое имущество, за исключением отдельных видов имущества, которое в соответствии с законом не может принадлежать гражданам. Количество и стоимость имущества, находящегося в собственности граждан, не ограничиваются, за исключением случаев, когда такие ограничения установлены законом в целях, предусмотренных п. 2 ст. 1 ГК РФ (п. 1 и 2 ст. 213). Гражданско-правовой принцип неприкосновенности собственности (п. 1 ст. 1 ГК РФ) означает обеспечение собственникам возможности использовать принадлежащее им имущество в своих интересах, не опасаясь его произвольного изъятия или запрета либо ограничений в использовании.

Внешнее сходство основных моделей институтов наследственного права, действовавших на советском и современном этапах, является очевидным. Наследованием признается определение правовой судьбы имущества в связи со смертью его обладателя. Правовой порядок наследования условно дифференцирован на два вида (основания) – наследование по завещанию и наследование по закону. Свобода завещаний ограничивается, а наследование по закону полагается в пользу социально слабых наследников. Экономическая, правовая и личная свобода каждого гражданина, призванного к наследованию, обеспечивается предоставлением ему свободы приобретения наследства.

Однако идеология нового российского наследственного права по сравнению с прежним наследственным правом РСФСР имеет существенно иной смысл, обусловленный новой организацией экономических, государственно-правовых, социальных, культурных, нравственных условий жизни общества в современной России. Так, экономический аспект заключен в утверждении частноправовых начал наследования, обусловленных отношениями частной собственности и частного имущественного оборота и определяющими их принципами основных прав и свобод человека. Это подтверждается неограниченным кругом объектов наследственного правопреемства, способных к участию в обороте и смене их правообладателей; признанием приоритета наследования по завещанию перед наследованием по закону; расширением свободы завещания и возможностей его реального исполнения; более высокой определенностью системы принятия наследства; обеспечением права на наследство посредством применения института доверительного управления наследством в течение сроков принятия наследства; специальными правилами, касающимися наследования имущественных корпоративных прав, предприятий, земельных участков, доли в имуществе крестьянского фермерского хозяйства и других особых видов имущества [6, с. 126].

Круг объектов, которые могут переходить в порядке наследования, значительно расширился. Сегодня в собственности граждан находится основная часть жилищного фонда, земельные участки, транспортные средства, ценные бумаги, объекты интеллектуальной собственности. Объектами наследования могут выступать жилые дома и квартиры, договоры (биржевые сделки, фьючерсы), предприятия как имущественные комплексы, земельные участки, имущественные права, природные ресурсы.

В Гражданском кодексе РФ предусмотрена отдельная глава по наследованию

некоторых видов имущества, в том числе наследование прав, связанных с участием в хозяйственных товариществах и обществах, производственных и потребительских кооперативах; наследование предприятий; наследование имущества члена крестьянского (фермерского) хозяйства; наследование вещей, ограниченно оборотоспособных; наследование земельных участков; наследование невыплаченных сумм, предоставленных гражданину в качестве средств к существованию, и т.д. (ст. 1176–1185 ГК РФ).

В целом установление в третьей части ГК РФ специального правового регулирования наследственного правопреемства прав, вытекающих из участия в коммерческих организациях, безусловно, является прогрессивным шагом в развитии наследственного законодательства, но в то же время не решает много проблем. В частности, не ясно, как человеку реализовать конституционное право на наследование акций, поскольку каких-либо особенностей порядка наследования акций законодательством не установлено. Не установлено, что надо предпринять для того, дабы оставить своим наследникам не только квартиру, дачу и автомобиль, но и тот бизнес, которому отданы годы жизни.

На заре эпохи реформ, в 1990–1994 гг., закон устанавливал такую организационно-правовую форму юридических лиц, как индивидуальное (семейное) частное предприятие. Однако с принятием первой части действующего ГК РФ такая форма перестала существовать. В российском законодательстве не содержится понятий «бизнес» или «наследование бизнеса». Ни государство, ни общество не определились, что именно называть семейным бизнесом в конкретный момент. Либо это должна быть большая часть акций собственности, находящихся в руках семьи, либо это просто некоторая доля, либо это управляющие, которые там сидят и могут контролировать этот бизнес. Отсутствует и стабильная судебная практика по данному вопросу. Еще в 2005 г. планировалось внести на рассмотрение Госдумы законопроект, вводящий правовой режим семейного предпринимательства. Данный проект был как раз направлен на урегулирование отношений, связанных с ведением совместного бизнеса членами одной семьи. Однако выяснилось, что для его реализации необходимо внести поправки еще в 15 нормативно-правовых документов, в том числе в Налоговый [7] и Гражданский кодексы, КоАП РФ [8]. Как следствие – процесс остановился.

Между тем сегодня в России, по данным некоторых аналитиков, в определенных отраслях экономики (например, сельское хозяйство, пищевая промышленность, текстильная промышленность, IT-технологии и торговля) до 80% всех малых и средних предприятий являются семейными компаниями [9, с. 113]. Это свидетельствует о том, что проблема наследования семейного бизнеса уже сейчас требует своего законодательного разрешения.

Согласно ст. 132 Гражданского кодекса РФ предприятием как объектом права признается имущественный комплекс, предназначенный для осуществления предпринимательской деятельности. Иногда объектом наследования является целое предприятие. И это единственный случай, когда законодательство косвенно признает существование бизнеса не как отдельных столов, станков и помещений, а как некий взаимосвязанный комплекс. Во всех остальных случа-

ях наследование бизнеса регулируется посредством разных норм, разбросанных по многочисленным нормативным актам: это и Гражданский кодекс РФ, и Закон «Об акционерных обществах» [10], и Закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» [11], и ряд других документов. Из-за такого разброса наследование бизнеса превращается в наследование его отдельных элементов, что часто мешает осуществлению конституционного права.

Может быть, концепция права наследования частной собственности, включая ее конституционные гарантии, должна выводиться из самой Конституции, а не только из норм гражданского законодательства, уровень которого ниже? Человеку должно быть гарантировано право беспрепятственно пользоваться и распоряжаться всем своим имуществом, в том числе бизнесом, акциями, паями, а не только материальными объектами. Именно таким образом должны пониматься нормы, содержащиеся в ч. 1, 2 и 3 ст. 35 Конституции РФ.

Вряд ли можно оспорить общедозволительную природу конституционной нормы, содержащейся в ч. 2 ст. 35, в соответствии с которой каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. Данное положение вполне применимо, например, для ситуации с наследованием семейного бизнеса, ведь в конституционной норме нет указания на то, что виды и содержание прав собственности должны быть исчерпывающим образом определены в законе.

В практике Европейского суда по правам человека понятие «имущество» получило довольно широкое толкование и применение. В частности, в некоторых случаях Суд высказал мнение о том, что термин «имущество» относится ко всем «закрепленным правам», которые может доказать заявитель. Сюда, несомненно, включены такие активы частного права, не являющиеся физической собственностью, как акции или денежные требования, основанные на договоре или деликте. При этом закрепленное в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод экономическое право личности на имущество определяется как «право собственности» (в широком смысле) [12, с. 83–84].

В качестве общего вывода следует отметить, что толкование положений Конституции РФ, закрепляющих права граждан в экономической сфере, в частности право наследования частной собственности, должно обеспечивать максимально полную защиту имущественных интересов граждан. Для этих целей понятия «имущество» и «собственность», используемые в ст. 35 Конституции РФ, должны трактоваться по возможности широко. В то же время на основании толкования положений Конституции РФ необходима разработка новых правовых норм отраслевого законодательства, регламентирующих механизм реализации отношений в сфере наследственного правопреемства семейного бизнеса, акций, прав на долю и тому подобного.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации // Рос. газ. 1993. 25 дек.
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Горшковой Анны Васильевны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 532 ГК РСФСР: определение Конституционного Суда РФ от 2 нояб. 2000 г. № 228-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2001. № 2.

3. Декрет «Об отмене наследования» // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 34. Ст. 456.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 5 дек. 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; Часть вторая от 29 янв. 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; Часть третья от 3 дек. 2001 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; Часть четвертая от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 7 февр. 2011 г. № 4-ФЗ) // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496; 2011. № 7. Ст. 901.
5. Лиманский Г.С. Наследственные правоотношения: теоретико-методические и практические проблемы. М., 2006.
6. Степанов П.В. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ. Части 1, 2, 3, 4. 2-е изд., перераб. М., 2010.
7. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; Часть вторая от 5 авг. 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 28 дек. 2010 г. № 425-ФЗ) // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340; 2011. № 1. Ст. 37.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 19 июля 2009 г., с изм. от 24 июля 2009 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
9. Малое предпринимательство в России: стат. сб. М., 2010.
10. Об акционерных обществах: Федер. закон от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ (в ред. от 28 дек. 2010 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1; 2011. № 1. Ст. 21.
11. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федер. закон от 8 февр. 1998 г. № 14-ФЗ (в ред. от 28 дек. 2010 г.) // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785; 2011. № 1. Ст. 21.
12. Лукьянцев Г. Европейские стандарты в области прав человека: теория и практика функционирования Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. М., 2000.

S.V. Voroshilova
The Legal Nature of the Dowry
in the XIX Century

The historical aspects of legal regulation of the dowry in the Russian State are revealed. The dowry is presented as an indicator of the legal status of women in society.

Key words and word-combinations: the dowry, gifts, property, status of women, legal status.

Раскрыты исторические аспекты правового регулирования приданого в Российском государстве. Приданое представлено как показатель правового положения женщины в обществе.

Ключевые слова и словосочетания: приданое, дарение, собственность, статус женщины, правовое положение.

УДК 34(091):347.61/.64(470+571)
ББК 67.3+67.404.5(2)

С.В. Ворошилова

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА
ПРИДАНОГО В XIX ВЕКЕ

Происходящие в различных сферах жизни российского общества изменения оказывают значительное влияние на положение женщин, реализацию их прав и свобод. В условиях рыночных отношений и экономического кризиса задачи ликвидации дискриминации женщин, вовлечения их в процесс развития общества приобретают особую остроту и требуют выработки единой государственной политики, одним из важнейших направлений которой является законодательное оформление. Правовое положение женщин – значимая проблема, так как в условиях фор-

мирования демократического государства права и свободы человека и гражданина провозглашаются «высшей ценностью», а государство считает приоритетной обязанностью соблюдать и защищать их. Вместе с тем зачастую возникают ситуации фактического неравенства женщин и мужчин, отсутствия равных возможностей. Кроме того, сложившееся представление о месте и роли правового положения женщин не является адекватным не только важности этой проблемы, но и отраслевым параметрам ее исследования.

Роль и значение женщин в современном социуме предопределяет необходимость разработки единой концепции их правового статуса, применимой ко всей отечественной юридической науке и практике. Без этого невозможно разобраться в природе явления и выработать практические рекомендации по осуществлению целенаправленной работы по совершенствованию правового положения женщин в российском обществе.

Разрешить эти проблемы не представляется возможным без обращения к истории вопроса, без всестороннего осмысления проблемы юридического оформления и развития правового положения женщин в России в XIX – начале XX вв. Именно в этот период появляются первые отечественные законы, выделяющие женщин в качестве самостоятельного субъекта права и предусматривающие постепенное расширение дееспособности женщин.

Историко-правовая наука, обобщая опыт прошлого, дает возможность исследовать и использовать закономерности общественного развития в построении гражданского общества, основанного на принципах законности и правопорядка. Рассмотрение исторической связи, преемственности, выявление особенностей генезиса особого правового статуса женщин в России помогут составить целостное представление о правовом положении российских женщин.

Предметом нашего внимания выступает институт приданого – как наглядный маркер специфики правового положения женщины в Российской империи. Особое значение в исторической ретроспективе имеет, на наш взгляд, определение юридической природы приданого.

Приданое зависело от воли родителей, и, следовательно, если дочь желала воспользоваться назначенным ей приданым, то и все условия, установленные родителями при таком назначении, должны были ею исполняться в точности. Назначение приданого и его размер зависели от воли отца, но отмечалось, что дочь имела право на приданое только после смерти своего отца, причем не раньше, чем вступала в брак. В этом случае она имела право на получение из наследства всей части выделенного ей приданного, хотя бы эта часть превышала по соразмерности другие части, оставшиеся наследникам из наследственного имущества [1, с. 89].

Обычно рядная запись выдавалась или на имя дочери, или на имя зятя, или на имя его родителей. Независимо от того, на чье имя была выписана рядная запись, право собственности на приданое принадлежало невесте, то есть дочери или родственнице, которой выделялось данное приданое. Согласно Своду законов гражданских Российской империи (ч. 1 ст. 1007) рядные записи должны были совершаться перед браком или не позднее шести месяцев после соверше-

ния брака [2]. В рядных записях запрещалось определять неустойку в случае несостоявшегося брака (ч. 1 ст. 1008).

Приданое жены, как и всякое другое имущество, приобретенное ею или на ее имя во время замужества через куплю, дар, наследство или иным законным способом, составляло ее отдельную собственность, которой муж без ее согласия не мог распоряжаться (ч. 1 ст. 110). Вместе с тем закон не исключал передачи приданого в управление мужа как самой женой, так и его установителем [2].

Особые правила в отношении приданого устанавливались в Черниговской и Полтавской губерниях (ч. 1 ст. 1005). Если приданое определялось при жизни отца, то его размер полностью зависел от его воли. Если же отец умирал без завещания, то в этих местностях устанавливался специальный порядок выдела приданого из наследства – 1/4 часть отцовского наследства определялась как фонд, из которого выделялось дочерям, выдаваемым замуж, приданое в известном размере, зависящем от числа незамужних дочерей и других условий. Так, если братья были не в состоянии каждой из сестер определить такой же размер приданого, какой был выделен отцом при жизни первой сестре, то 1/4 часть отцовского наследства поровну делилась между ними. Если же из этой части отцовского имения каждая из сестер получала в качестве приданого больше, чем было выделено отцом при его жизни первой сестре, братья вправе были определить остальным сестрам в приданое столько же имущества, сколько определил отец первой сестре, а остальное разделить между собой [2].

Право на выдел приданого из отцовского наследства являлось личным правом, которое не могло быть передано третьему лицу.

В Черниговской и Полтавской губерниях приданое жены, хотя и считалось ее отдельной собственностью, состояло в общем владении и пользовании супругов (ч. 1 ст. 111). Вместе с тем «общее владение», установленное ст. 111, нельзя отождествлять с одноименным отношением, описанным в ст. 543, где термин «общее владение» употребляется как синоним общей собственности [2]. Приданое не являлось общим имуществом супругов и, будучи отдельной собственностью жены, не могло подлежать разделу между супругами [3, с. 291].

Доходы от приданого должны были поступать на нужды семейного союза и на покрытие расходов, вызванных совместной жизнью супругов. При распределении доходов от приданого следовало предоставлять каждому из супругов право на половину доходов. Это обстоятельство имело значение, когда предметом приданого являлись деньги, данные на проценты на имя жены (п. 11 ч. 1 ст. 1005). Поровну должны были распределяться и расходы, связанные с извлечением дохода от приданого. Указание на необходимость обеспечения приданого и существование особого института «приданообеспечительной записи» (п. 9 ч. 1 ст. 1005) предусматривали управление приданым мужем, которое возникало по особому уполномочию жены [2]. При отсутствии «уполномочия» сделки с приданным допускались лишь с общего согласия супругов [3, с. 292].

Жена, не живущая с мужем по его вине, была вправе требовать возвращения ей приданого. Тем не менее выполнение данного положения на практике вызывало серьезные затруднения, поскольку в состав приданого в значительной

степени входили вещи тленные, деньги же могли быть потрачены на общие семейные нужды [4, с. 83].

По некоторым западноевропейским законодательствам приданое обеспечивалось законной ипотекой на имуществе мужа. В России, за исключением указанного обеспечения приданого, установленного для Черниговской и Полтавской губерний, приданое не выделялось законом в качестве специального рода имущества, подлежащего в интересах семьи особого рода охране. Вместе с тем жена могла доказывать свое право собственности на приданое, участвовать по рядной в конкурсе как кредитор, вообще могла получить удовлетворение наравне с другими кредиторами мужа.

В случае торговой несостоятельности мужа приданое, как неприкосновенная собственность жены, ни при каких обстоятельствах не могло быть подвергнуто секвестру и обращено на уплату долгов мужа. Но в случае торговой несостоятельности лица, выделившего приданое, последнее могло быть возвращено в массу имущества несостоятельного, а именно, если приданое было дано в течение последних десяти лет до несостоятельности и если, в силу превышения в половину пассива над активом, имущество, в сущности, уже не принадлежало наделившему в момент выдачи его [5].

Несколько иное отношение к приданому наблюдалось в крестьянском быту, где прочно удерживалось правило, согласно которому отец обеспечивал дочерей приданым. После его смерти эта обязанность переходила к братьям.

Приданое матери после смерти переходило к дочерям или, если их не было, к мужу. В Архангельской губернии после смерти бездетной жены, ее имущество, за исключением постели и иконы, которые оставались у мужа, возвращалось в дом ее родителей [6, с. 61].

Договоры о размере приданого совершались устно. Письменное оформление осуществлялось крайне редко и только в исключительных случаях.

Поскольку в крестьянском быту вступление в брак происходило чаще всего по воле родителей, то и сговор о браке и приданом происходил между родителями жениха и невесты. По мнению П.С. Ефименко, устный договор между родителями считался достаточно крепким. Если же родителей не было в живых, то чаще всего для прочности уговора составлялся письменный акт [6, с. 37–38].

В отличие от закона, предусматривающего запрет определять в рядной записи сумму неустойки в случае несостоявшегося брака, в крестьянском быту несостоявшийся брак влек определенные юридические последствия в виде выплаты неустойки, залога, убытков, возвращения подарков, а иногда и в виде ареста и даже общественных работ [4, с. 47].

Приданое, исключая домашний скот и деньги, составляло собственность жены и находилось в ее распоряжении.

В отношении денежного приданого в разных местностях существовали разные обычаи. В одних местностях данного рода приданое принадлежало только жене, в других – входило в общее имущество мужа и жены, причем больше прав распоряжаться им было у мужа. Например, в селе Лямце Онежского уезда Архангельской губернии все деньги, входящие в приданое, принадлежали только жене и распоряжалась ими только она. Подобные обычаи существовали и в

Томской губернии. Так, в 1867 г. в Бийской волости Томской губернии волостной суд рассматривал жалобу крестьянки на то, что ее муж пропивает принадлежащее ей имущество. По решению суда все имущество, принадлежащее жене, было отобрано от мужа и передано ей [7, с. 32]. В Холмогорском уезде Архангельской губернии муж мог пользоваться деньгами, входящими в приданое, только с согласия жены, но если он их растрачивал, то назад не отдавал [6, с. 51–52].

Во многих селах Архангельской губернии жена без согласия мужа не могла распоряжаться скотом, входящим в приданое [8, с. 42]. В значительном числе случаев отчуждение скота совершалось с согласия жены, причем муж считал долгом приобрести жене какую-либо обновку. Приплод от скота, входящего в приданое, считался общим [9, с. 2].

В некоторых случаях приданое становилось штрафом за развод по вине жены.

Жена, пришедшая в дом мужа, более свободно распоряжалась своим приданным. Так, в 1810 г. крестьянская жена Варвара Выдрина, проживающая в Моржегорской волости Архангельской губернии, сама продала земельный участок, полученный в качестве приданого, своему зятю и родной сестре. Бывали также случаи, когда женщины, принимавшие к себе в дом мужей, завещали свои земли детям, в обход мужей [6, с. 86]. Вместе с тем земельным приданным чаще всего распоряжался муж, а иногда и свекор.

После смерти мужа, если тот не был отделен, на приданое жены часто посягали различные родственники мужа. Но решениями волостных судов приданое всегда признавалось собственностью жены, а потому захваченное возвращалось к вдове.

Таким образом, можно согласиться с мнением И.Г. Оршанского, что существовал «полный разлад между законным и обычным понятием приданого. Первое отрицало всякое право мужа на приданое, второе признавало это право, что доказывается отчасти самими законами, отчасти судебными делами» [10, с. 1042].

Классическая юриспруденция, с особой тщательностью разрабатывавшая институт приданого, выдвигала на первый план тот момент, в силу которого приданое предназначалось для облегчения мужу издержек семейной жизни (*ad sustinenda opera matrimonii*). Приданое получало при этом характер самостоятельного и цельного комплекса имущества (*universitas bonorum*), который отличался как от собственного имущества мужа, так и от парафернального имущества жены и мог как уменьшаться, так и увеличиваться.

Важная роль приданого заключалась в образовании фонда, из которого предстояло покрывать расходы в семейной жизни. Свод законов определял приданое как вид выдела, то есть отдачи восходящим родственником нисходящему его доли наследства при жизни наследодателя. Являясь видом выдела, приданое должно было подчиняться тем же правилам, что и последний. Вместе с тем на практике оно имело совершенно иную природу и характер, нежели те, которые ему присваивал Свод законов. Оно отличалось и от дарения [11, с. 696–697; 12, с. 366; 13, с. 937].

В любом случае в XIX в. приданое рассматривалось как самостоятельный юридический институт, как имущество, которое жена или за нее другие лица назначали супругу в пользование для поддержания «тягостей брачной жизни».

Библиографический список

1. *Орович Я.* Женщина в праве. СПб., 1895.
2. Свод Законов Российской империи. СПб., 1900. Т. X: Свод законов гражданских.
3. *Нольде А.Э.* Имущественные отношения супругов в международном частном праве // Законы гражданские: практический и теоретический комментарий / под ред. А.Э. Вормса и В.Б. Ельшевича. М., 1913.
4. *Савельев А.* Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа. Н. Новгород, 1881.
5. Устав судопроизводства торгового // Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. XI, ч. 2.
6. *Ефименко П.С.* Приданое по обычному праву крестьян Архангельской губернии. СПб., 1873.
7. *Костров Н.* Юридические обычаи крестьян-старожилы Томской губернии. Томск, 1876.
8. *Ефименко П.С.* Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. СПб., 1873.
9. *Иванов В.В.* Обычное право крестьян Харьковской губернии. Харьков, 1898.
10. *Оршанский И.Г.* О приданом // Журнал гражданского и торгового права. 1872. Кн. 6.
11. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. СПб., 1864.
12. Законы гражданские с объяснениями по решениям гражданского кассационного департамента / сост. А.Л. Боровиковский. СПб., 1909.
13. *Тютрюмов И.М.* Законы гражданские. Пг., 1915. Т. 1.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

R.V. Puzikov
**The Doctrine as a Form and Source
of Legal Policy Formation**

Forms of influence of the legal doctrine on the formation and implementation of legal policy are studied. Special attention is given to the analysis of the relation between the concept of legal doctrine and the adjacent legal categories.

Key words and word-combinations: the legal doctrine, legal policy, formation means.

Исследуются формы влияния юридической доктрины на формирование и реализацию правовой политики. Особое внимание уделяется анализу соотношения понятия «юридическая доктрина» со смежными правовыми категориями.

Ключевые слова и словосочетания: юридическая доктрина, правовая политика, средства формирования.

УДК 340.1
ББК 67.0

Р.В. Пузиков

ДОКТРИНА КАК ФОРМА И ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Понятие «доктрина» имеет множество значений. Применительно к юриспруденции господствующее учение о сущности права представляет собой не что иное как доктрину.

Отрицать влияние доктрины как философско-правового учения (теории) на правовые явления невозможно. Тем не менее вопрос о том, может ли доктрина выступать как форма и источник права в целом и правовой политики в частности, окончательно не разрешен до сих пор. Показательно высказывание Ю.С. Гамбарова о доктрине: «Представляет ли собою такое право самостоятельный источник права, или оно входит составной частью в обычное и законодательное право, этот вопрос чрезвычайно спорен и исполнен до сих пор неясностей» [1, с. 334].

По нашему мнению, если вопрос о доктрине как источнике права еще может в той или иной степени носить дискуссионный характер, то уж в части влияния юридической доктрины на формирование правовой политики споры не должны возникать. Это

достаточно наглядно подтверждают научные центры, которые не только проводят исследования по отдельным направлениям правовой политики, но и предлагают конкретные проекты концепций формирования тех или иных форм реализации правовой политики (конституционной, правотворческой, правоохранительной, поощрительной, судебной, правовой политики субъектов РФ и т.д.).

Представляется бесспорным, что юридическая доктрина самым активным образом выступает источником формирования правовой политики как одного из обязательных элементов правовой жизни российского общества. Для исследования этого свойства доктрины необходимо проанализировать ее связь с юридической наукой, идеологией, принципами права, правовым актом, правоприменительной и судебной практикой.

Наиболее трудно провести границу между доктриной и наукой. В специальной литературе не утихают споры о том, сливаются ли правовая доктрина и юридическая наука в единое целое, или между ними все же имеются различия. Весьма распространены определения, уравнивающие понятия доктрины и науки [2; 3]. Думается, что столь узкий подход к понятию доктрины существенно упрощает рассматриваемый феномен и упускает из виду существенные стороны явления.

Считаем, что сами по себе результаты науки, воплощенные в статьях, монографиях и диссертациях, еще не составляют собственно доктрины. С одной стороны, общественная ценность научного творчества разных авторов существенно различается, с другой – существуют работы, которые не имеют прикладного значения, и осуществления их результатов в жизни не происходит. Многие научно значимые теоретические выводы не могут быть однозначно верифицированы общественной практикой, в то время как доктринальные положения обязательно подтверждаются эмпирически.

Далеко не все правовые идеи, реально определяющие развитие социальных отношений, имеют кабинетное происхождение. У части из них нет точного, тем более единоличного автора, нет определенного, формального места происхождения. Определенные концепции, идеи в своем самосознании может нести и опираться на них группа лиц, объединенная по различным критериям (национальность, религиозная принадлежность, правовая система, исторический тип государства).

Доктринальное положение, как и научное, может быть персонифицировано и связано с конкретным автором. Но, как правило, доктрины, в отличие от научных трудов, представлены так называемыми школами – комплексами идей, но не совокупностью личностей. Даже если они и сохранили имена своих авторов, то это не имеет принципиального значения. Поэтому обоснованным представляется широкий взгляд на доктрину как на принятое в науке мнение, которое ассоциируется со школой или авторитетным юристом.

Не вся юридическая наука преобразуется в доктрину, и не вся доктрина является воплощением науки. Совпадение возможно в том случае, если научная идея заслужит признание в среде профессионалов, выступит основанием соответствующей школы, встретит поддержку общества, усвоится правопримени-

тельной практикой и в силу своего авторитета станет мерой общественного поведения.

Юридическая наука и правовая доктрина существенно различаются своей действенностью, регулятивными свойствами. Великий русский юрист Н.М. Коркунов видел различия между наукой и доктриной в степени их обязательности, отмечая, что «признаком обязательности начал, выработанных наукой, может служить лишь усвоение их судебной практикой» [4, с. 298].

Научные труды не оказывают непосредственного регулятивного воздействия, но наука может выступать источником доктрины. Родившись в кабинетах и библиотеках, научно обоснованные идеи входят в общественную жизнь, воспринимаются субъектами права, оказывают влияние на развитие общественных отношений. Для доктрины принципиальное значение имеет ее действенность, признанность, авторитетность, широта распространения и влияния на общественные отношения, которые позволяют этому явлению претендовать на самодостаточность. В рассматриваемом феномене имеются имманентные возможности реализовываться самостоятельно, вне зависимости от механизма государственного принуждения.

Что касается практической ценности доктринальных произведений, то она меняется в зависимости от эпохи и страны. Л.И. Петражицкий приводит примеры мнений авторитетных юристов, по своему значению вставших вровень с законом. Признание трудов конкретных людей равными закону – исключительно редкое явление. Были даже изобретены специальные правила, например: «мнение семи докторов права равняется общему мнению... чем старше юрист, тем больший вес имеет его мнение» [5, с. 590]. И все же авторитет доктрины куда более высок.

Восхождение отдельных идей до доктринального уровня представляет собой продолжительный, многоступенчатый процесс, в результате которого морально устаревшее законодательство уступает свое место сочинениям видных юристов. Таким образом, если доктрина и является продуктом научного исследования, то этот продукт *безусловно* авторитетен и *абсолютно* признан.

Иногда доктрина отождествляется с принципами права. Основанием служит сущностная близость этих понятий. Действительно, юридическая доктрина – это идеи и принципы, которые выступают фундаментом права. Не следует забывать, что кроме законодательно закрепленных принципов существуют и такие, которые не получили данной формы. Именно они носят доктринальный характер.

Влияние принципов и идей на правотворчество велико. Для правоприменителя принципы права играют решающую роль в осуществлении аналогии права. Речь идет не столько о влиянии доктринальных положений, сколько о юридической силе норм, в которых они содержатся. Эта сила определяется актом, в котором они находятся, местоположением внутри документа (например, общая часть или основные положения, начало или окончание главы, раздела).

Представляется, что считать сами нормативные принципы и их научную интерпретацию доктриной нет оснований. Нормы-принципы выступают как

элемент нормативного акта со всеми соответствующими последствиями. А наука, которая идет путем описания имеющихся юридических конструкций, не может претендовать на доктринальный статус. Доктрина – это не комментаторское изложение, а развитая новеллистичная теория, развернутая в правоприменительную область.

На первый взгляд рассмотрение взаимодействия доктрины и комментария законодательства может показаться надуманным, но это не так. В действительности комментарии произведения сами по себе представляют неоднозначное явление. Традиции многих государств исключительно высоко поднимают их авторитет. Например, в государствах англосаксонского типа поиски доктрины и сегодня осуществляются в комментариях различных кодексов, отдельных законов, иных нормативных правовых актов. В целом эта форма имела распространение в эпоху становления юридической науки. Но не только в прошлом и не только в государствах с прецедентными правовыми системами доктрины и комментарии тяготеют друг к другу. Практика Конституционного Суда РФ, позиции отдельных его судей подтверждают этот тезис. Так, в особом мнении судьи Н.В. Витрука к постановлению Конституционного Суда РФ [6] в качестве источника «доктринального (научного) толкования» указываются два комментария к Конституции Российской Федерации [7; 8]. В российских условиях для признания комментария юридическим сообществом исключительно большое значение имеет личность автора, а чаще даже – ответственного редактора, создателя вводной статьи.

Комментарий, как правило, представляет собой толкование нормативных правовых актов. Его убедительность, глубина определяются видом толкования: профессиональное, научное, доктринальное. Но в любом случае авторы подобных произведений, как правило, находятся в рамках жанра толкования-разъяснения. Безусловно, более содержательным представляется комментарий, в котором органично присутствуют правовые нормы, научное разъяснение, анализ правоприменительной практики. Однако нередко под наименованием «комментарий» издаются работы других жанров: учебные, научные.

Близость науки и доктрины исходит из теории правосознания, в которой выделяют эмпирический и идеологический уровни. На втором уровне располагаются и идеология, и доктрина. Как следствие, нередко происходит отождествление доктрины и идеологии. Однако между этими явлениями существуют различия. Доктрина имеет, как правило, научное происхождение. У идеологии могут быть такие же источники, но чаще всего она возникает как отражение политических, групповых интересов. Доктрина обычно располагает рациональными доказательствами своих тезисов. Идеология больше адресована подсознанию, по способам воздействия схожа с религиозными практиками.

Указанное, впрочем, не отрицает того, что отдельные идеологические установки имеют доктринальное происхождение. Идеология выигрывает своей действенностью и эффективностью в регулировании общественных отношений (как правило, вследствие государственной поддержки). Но то, что презюмируется в идеологии фактом ее происхождения, для доктрины является перспективой, целью, к которой она стремится, которую она может достигнуть.

Отличие доктринальных форм права от нормативных правовых актов очевидно. Их сравнение вообще едва ли имеет смысл, а для носителей идей юридического позитивизма сравнение иных явлений с абсолютно достойным правовым актом вообще неприемлемо.

На отечественном юридическом горизонте проблема соотношения доктрины и правового акта приобрело актуальность сравнительно недавно, отчасти потому, что Советское государство не создавало актов, в наименования которых включалось бы слово «доктрина». В современной России более востребованным названием для доктринальных актов оказалась «концепция». В действительности документы, имеющие в наименовании термин «концепция», мало чем отличаются от интерпретации законодателем слова «доктрина». Так, последняя «представляет собой совокупность официальных взглядов на цели, задачи, принципы и основные направления обеспечения [чего-либо]» [9], а «концепция – система взглядов [на что-либо]» [10; 11].

Возможность признания доктрины самостоятельной формой права, на наш взгляд, находится в зависимости от подхода к праву, к его сущности. Эта закономерность точно подмечена в работе И.Ю. Богдановской: «Юридический позитивизм, не признавая самостоятельность правовой науки, стремится подчинить ее прецеденту. Сторонники социологического позитивизма выходят за рамки правовой науки и обращают внимание на достижения других социальных наук. Представители естественно-правового направления не только признают самостоятельный характер правовой доктрины, но даже говорят о возрастании ее роли как источника права» [12, с. 82–83].

Действительно, взгляды на право определили особенности его формирования и объективации, порядок взаимодействия элементов в системе «общество – право – государство». В приведенных суждениях содержится достаточно примеров того, что при наличии определенных условий доктрина может выступать самостоятельной формой права. В том случае, когда суды черпают напрямую основания для своих актов из доктрины, доктринальные идеи выступают мерой правомерного поведения, они получают поддержку со стороны государства. Такие примеры составляют доктринальное право. Но это редкие, исключительные случаи. Задача доктрины в жизни современного общества и государства – быть источником права, что не исключает и действия в качестве формы.

Влияние доктрины на законодателя идет одновременно по нескольким направлениям. Оно не всегда носит прямые формы и может подвергаться различным деформациям. Самым простым и очевидным доказательством роли доктрины является непосредственное закрепление в законодательстве доктринальных положений. Это редкое явление, а его констатация всегда уязвима [13, с. 21]. Однако это несколько не уменьшает роль доктрины, поскольку ее существование в качестве источника права возможно, минуя официальное закрепление в законе.

Сохраняющиеся в российской юриспруденции позитивистские традиции создают благоприятные условия, которые закрепляют особую роль нормативных правовых актов как формы осуществления правовой политики. Тем не

менее верховенство закона не должно толковаться в качестве основания для вытеснения других форм реализации права. Механизм правового регулирования должен функционировать во внутренне гармоничной системе форм правовой политики. Нормативный акт, основанный на идеальных и материальных источниках, должен обеспечивать единство правового пространства государства.

Представляется, что зависимость законодателя от доктрины будет способствовать повышению качества нормативных правовых актов, повышению эффективности проводимой в нашей стране правовой политики, повышению степени ее научности и обоснованности, целесообразности и последовательности. Закрепление основополагающих (доктринальных по своему значению) идей законодателем в обобщающих актах должно определять последующую правотворческую и правоприменительную работу. Должно наконец-то начать функционировать давно известное правило о приоритете исходных (доктринальных) норм над регулятивными.

Попытка правотворческих органов принимать акты-доктрины свидетельствует о наличии определенных тенденций. Однако если документы-доктрины будут игнорироваться так же, как доктрины – научные труды, то будет достигнут обратный результат. Отечественная традиция декларативных норм, которые никакого влияния на практику не оказывают, но прекрасно справляются с ролью декоративного фасада над реальным законодательством, требует преодоления.

Библиографический список

1. Гамбаров Ю.С. Гражданское право: в 2 т. М., 1911. Т. 1: Часть общая.
2. Давид Р., Спинози Ж. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. М., 1999.
3. Гранат Н.Л. Источники права // Юрист. 1998. № 9. С. 11–14.
4. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1904.
5. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 т. СПб., 1910. Т. II.
6. По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 11 дек. 1998 г. № 28-П // СЗ РФ. 1988. № 52. Ст. 6447.
7. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. Ю.В. Кюдрявцева. М., 1996.
8. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. Л.А. Окунькова. М., 1996.
9. Концепция информационной безопасности Российской Федерации: утв. Президентом РФ 9 сент. 2000 г. № Пр-1895 // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 170.
10. Концепция национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 10 янв. 2002 г. № 24 // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 170.
11. Концепция внешней политики Российской Федерации // Рос. газ. 2000. 11 июля.
12. Богдановская И.Ю. Прецедентное право. М., 1993.
13. Бошно С.В. Доктрина как форма и источник права // Журнал российского права. 2003. № 12. С. 19–25.

**A.A. Komandirov
The Prohibition against
Discrimination in Employment:
Features of Enshrining
the Principle
in the RF Constitution
and the Constitutions
and Charters of Its Subjects**

The order and features of enshrining the principle non-discrimination in employment in the RF Constitution and the constitutions and charters of its subjects is studied. Special attention is given to the analysis of the regional legislation.

Key words and word-combinations: discrimination prohibition, labor, discrimination in employment.

Исследуются порядок и особенности закрепления принципа запрета дискриминации в сфере труда в Конституции РФ, конституциях и уставах ее субъектов. Особое внимание уделяется анализу регионального законодательства.

Ключевые слова и словосочетания: запрет дискриминации, труд, дискриминация в сфере труда.

УДК 342.4(470+571)

ББК 67.400.2(2Рос)

А.А. Командиров

**ЗАПРЕТ ДИСКРИМИНАЦИИ
В СФЕРЕ ТРУДА:
ОСОБЕННОСТИ
ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРИНЦИПА
В КОНСТИТУЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
КОНСТИТУЦИЯХ
И УСТАВАХ ЕЕ СУБЪЕКТОВ**

Согласно положениям п. 3 ст. 37 Конституции РФ каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации [1]. В связи с этим специалисты обращают внимание, что «право гражданина на труд находится под особой защитой государства, которая проявляется... в обеспечении каждому работающему лицу условий труда, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, выплаты вознаграждения за труд без какой-либо дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, охраны труда и содействия занятости» [2].

Закрепление в Основном Законе России запрета дискриминации в сфере труда является важнейшей гарантией его соблюдения, поскольку устанавливает недопустимость принятия правовых актов дискриминационного характера как на федеральном, так и на региональном уровне. На наш взгляд, установленный Конституцией РФ принцип запрета дискриминации в сфере труда представляет собой запрет на любое различие, исключение, ограничение и предпочтение в трудовых правах и свободах, основанное на каком-либо признаке человека; имеющее це-

лью или следствием уничтожение или умаление признания, пользования или осуществления равенства прав и основных свобод человека и повлекшее за собой неблагоприятные для него последствия. Действующее федеральное и региональное законодательство развивает указанные конституционные положения, устанавливая в исследуемой сфере ограничения и предпочтения того или иного рода.

Принимая во внимание федеративное устройство современной России, представляется целесообразным в исследовательских целях рассмотреть ряд законодательных актов субъектов РФ на предмет соответствия конституционному принципу запрета дискриминации в сфере труда.

В соответствии с положениями п. 1 ст. 72 Конституции РФ трудовое законодательство относится к совместному ведению Российской Федерации и субъектов РФ, вследствие чего немалое значение в законодательном регулировании конституционного принципа запрета дискриминации в сфере труда в Российской Федерации имеют конституции и уставы субъектов РФ. Предметом нашего исследования стали основные законы всех видов субъектов РФ.

Так, Конституция Республики Татарстан [3] в ч. 3 ст. 50 устанавливает, что каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы. На наш взгляд, указанные положения являются существенной гарантией реализации конституционного принципа запрета дискриминации в сфере труда на территории Республики Татарстан. Более того, в ч. 6 ст. 50 Основного Закона Республики Татарстан закреплено, что государство создает условия для осуществления права на труд несовершеннолетними, инвалидами и иными гражданами, нуждающимися в социальной защите и испытывающими трудности в поиске работы, в случаях, предусмотренных законом; организует их обучение и переквалификацию.

Таким образом, исходя из смысла указанных положений, можно утверждать, что на территории данного субъекта РФ законодательно урегулирована дифференциация по отношению к лицам, нуждающимся в государственной поддержке, выравнивая их возможности по сравнению с здоровыми гражданами.

К числу антидискриминационных норм в сфере труда, содержащихся в Конституции Республики Татарстан, также можно отнести положения ст. 22, согласно которым на территории Республики Татарстан граждане Российской Федерации обладают всеми правами и свободами и несут равные обязанности в соответствии с Конституцией РФ, Конституцией Республики Татарстан, общепризнанными принципами и нормами международного права. Указанная норма направлена на обеспечение равенства возможностей граждан, проживающих как на территории Республики, так и на всей территории России, в том числе в сфере труда. На наш взгляд, указанные положения подтверждают значение конституционного принципа запрета дискриминации в сфере труда.

Однако региональное законодательство демонстрирует различный подход к развитию конституционного принципа запрета дискриминации в сфере труда.

Так, в п. 2 ст. 2 Устава Красноярского края [4] закреплено, что государственная власть края обязана осуществлять социально-экономическую и административную политику, направленную на обеспечение достойной жизни всего населения края; создавать условия для действенной беспрепятственной реализации основных прав и свобод человека и гражданина на территории края, не допуская дискриминации в зависимости от национальности, языка, религии, пола, общественного, имущественного или должностного положения, а также других обстоятельств. Таким образом, региональный законодатель гарантирует населению края защиту от дискриминации, в том числе в сфере труда, и вводит соответствующие обязанности для органов государственной власти края.

Устав же города Москвы [5] не содержит прямого запрета дискриминации в сфере труда. К числу норм, направленных на недопущение дискриминации, можно отнести п. 3 ст. 3 указанного Устава, в соответствии с чем иностранные граждане и лица без гражданства пользуются на территории Москвы правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, за исключением случаев, установленных Федеральным законом и международным договором Российской Федерации. В такой же трактовке можно представить п. 4 указанной статьи, согласно которому в Москве признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина, следуя общепризнанным принципам и нормам международного права, Конституции РФ и законодательству Российской Федерации. Однако этого, на наш взгляд, недостаточно, так как указанные положения Устава города Москвы носят общий характер и применимы ко всем видам отношений в сфере обеспечения прав граждан. По этой причине целесообразно внести в Устав города Москвы нормы, непосредственно обеспечивающие всем проживающим в Москве защиту от дискриминации в сфере труда, поскольку, например, в указанном регионе возможна дискриминация при трудоустройстве по признаку места жительства (регистрации).

В Уставе Еврейской автономной области также отсутствуют нормы, напрямую запрещающие дискриминацию в сфере труда – он содержит лишь норму общего характера (ст. 8 указанного Устава), согласно которой в данном субъекте РФ гарантируется защита прав и свобод человека и гражданина в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией РФ. Соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью органов государственной власти и органов местного самоуправления муниципальных образований области [6].

Аналогичная ситуация обнаруживается и при анализе Устава (Основного Закона) Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [7]. Прямого правового закрепления запрета дискриминации в сфере труда указанный нормативный акт не имеет, а содержит лишь общую норму, в соответствии с которой в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре обеспечивается защита прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ, федеральным законодательством и данным Уставом.

Обращаясь к законодательству Саратовской области, необходимо отметить, что в Уставе (Основном Законе) Саратовской области также не содержится прямого запрета дискриминации в сфере труда. Положениями п. 1 ст. 12 указанного Устава каждому человеку, проживающему или временно находящемуся на территории области, гарантируются права и свободы, а также охрана жизни, здоровья, чести, достоинства, его имущества, установленные Конституцией РФ, федеральными законами и международными правовыми нормами [8].

Вероятно, в последних четырех случаях региональный законодатель не включил специальную норму, закрепляющую запрет дискриминации в сфере труда в Основной Закон субъекта РФ, поскольку счел достаточным наличие общей нормы, отсылающей к положениям Конституции РФ и федерального законодательства в части защиты прав и свобод человека и гражданина. Однако, с нашей точки зрения, этого недостаточно, поскольку прямой запрет нарушений трудовых прав граждан в региональном законодательстве будет способствовать более действенной их профилактике.

Проведенный выборочный обзор регионального законодательства не претендует на репрезентативность, но вполне иллюстрирует основные позиции регионального законодателя в вопросе правового закрепления принципа запрета дискриминации в сфере труда в субъектах РФ. Полученные результаты позволяют отметить, что, хотя трудовое право и относится к предмету совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ, регионы не в полной мере используют имеющиеся в их распоряжении возможности правового регулирования в соответствующей сфере. Конституционный принцип запрета дискриминации в сфере труда зачастую не находит своего прямого закрепления в конституциях (уставах) субъектов РФ, что является существенным упущением регионального законодателя. Учитывая остроту проблемы дискриминации в сфере труда в современной России, на наш взгляд, следует больше внимания уделять вопросу правового регулирования запрета дискриминации в регионах. В связи с этим пример прямого запрета дискриминации в сфере труда в Конституции Республики Татарстан представляется оптимальным.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. М., 2010.
2. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. М., 2010.
3. Конституция Республики Татарстан от 6 нояб. 1992 г. // Республика Татарстан. 2002. № 87/88.
4. Устав Красноярского края от 5 июня 2008 г. № 5-1777 // Краевой вестник. 2008. № 1 (спецвып.).
5. Устав города Москвы от 28 июня 1995 г. // Ведомости Московской Думы. 1995. № 4.
6. Устав Еврейской автономной области от 8 окт. 1997 г. № 40-ОЗ // Собрание законодательства ЕАО. 2002. № 6. Ст. 0516.
7. Устав (Основной Закон) Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 26 апр. 1995 г. // Новости Югры. 2005. 23 апр., № 44; 26 апр., № 45.
8. Устав (Основной Закон) Саратовской области от 2 июня 2005 г. № 46-ЗСО // Неделя области. 2005. № 38 (156).

**A.A. Rossoshansky
Peculiarities
of the Implementation
of the Constitutional Principle
of Equality in the System
of Arbitration Justice**

The peculiarities of implementing the constitutional principle of equality in arbitration court cases are analyzed. Special attention is paid to the existing problems of its realization.

Key words and word-combinations: the constitutional principle of equality in arbitration court cases, equality of the parties, equality of rights.

Анализируются особенности осуществления конституционного принципа равенства перед арбитражным судом. Особое внимание уделяется анализу существующих проблем его реализации.

Ключевые слова и словосочетания: конституционный принцип равенства перед арбитражным судом, равенство сторон, равноправие.

УДК 347.918+342.7(470+571)

ББК 67.400+67.410(2Рос)

А.А. Россошанский

**ОСОБЕННОСТИ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
КОНСТИТУЦИОННОГО
ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА
ПЕРЕД СУДОМ В СИСТЕМЕ
АРБИТРАЖНОГО ПРАВОСУДИЯ**

Требованиям равенства принадлежит особое место в системе фундаментальных ценностей современных демократических правовых государств. Согласно Конституции РФ равенство как юридическая категория имеет многоплановое, универсальное содержание, характеризующееся различными нормативно-правовыми формами своего проявления.

В юридической науке выделяют понятия «формальное равенство» и «равноправие». Первое «характеризует форму отношения гражданина и закона безотносительно к социальным качествам того и другого» [1, с. 165]; второе включает в себя равенство перед законом и судом, равное право на обращение в суд за защитой своих прав, а также равные права и обязанности при наличии одинаковых обстоятельств (юридических фактов) и юридических условий (правосубъектности) [2, с. 73].

Очевидно, что равенство всех перед судом имеет основополагающее значение, поскольку распространяется на все отрасли как материального, так и процессуального права. Сущность равенства перед судом заключается прежде всего «в свободном доступе граждан к правосудию вне зависимости от их социального и имущественного положения, а организаций – от их места нахождения, подчиненности и форм собственности» [3, с. 24]. Широко трактуя исследуемый принцип, ученые говорят не только о равенстве граждан, но и о равенстве юридических лиц.

Конституционный принцип равенства всех перед судом в абсолютной мере относится и к арбитражным судам, которые, в свою очередь, выступают в качестве полноправного элемента судебной системы России.

Конституционные принципы раскрывают основное назначение и смысл арбитражного правосудия, главная цель которых – обеспечение самостоятельно и эффективного функционирования судебной власти в целях осуществления справедливого разрешения дел, подведомственных арбитражному суду. Однако в арбитражном процессе особое значение приобретает способ имплементации конституционных принципов, в том числе и принципа равенства.

Положение ст. 7 Арбитражного процессуального кодекса РФ [4] об осуществлении арбитражным судом правосудия на началах равенства граждан и организаций перед законом и судом вытекает из требований ст. 8 и 19 Конституции РФ, а также ст. 7 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» [5] о равенстве всех перед законом и судом независимо от каких-либо признаков и обстоятельств, о равном признании и защите частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности [6].

Принцип равенства всех перед арбитражным судом предполагает получение участниками процесса равной судебной защиты своих прав и законных интересов без каких-либо ограничений, а следовательно, и равного доступа к правосудию. В частности, по общему правилу в соответствии с принципом диспозитивности инициатива обращения в суд должна принадлежать лицу, заинтересованному в защите своих прав, свобод и интересов. Однако на практике зачастую социальное либо имущественное положение лица не позволяет ему реализовать свое конституционное право на судебную защиту нарушенных прав, свобод или интересов.

К примеру, ст. 125 АПК РФ регламентирует довольно обширный перечень требований, предъявляемых к форме и содержанию искового заявления. Соответствие искового заявления этим требованиям относится к необходимым условиям реализации права на обращение за судебной защитой, а их невыполнение является основанием для оставления судом заявления без движения. Бесплатная юридическая помощь предоставляется в рамках уголовного и гражданского процессов. Предусмотренные же в ст. 59 Арбитражного процессуального кодекса РФ положения о юридическом представительстве сторон в процессе, к сожалению, не решают проблемы обеспечения гарантированной государством квалифицированной юридической помощью лиц, не имеющих материальных возможностей для ведения их дел профессиональным юристом. Вопрос о предоставлении бесплатной юридической помощи по арбитражным делам неимущим или малообеспеченным лицам также не решен государством. Представляется, что существующая проблема актуальна в арбитражном процессе не только для граждан, но и для некоммерческих организаций, а также предприятий, работающих в сфере малого бизнеса, которые, как правило, не имеют собственных юридических служб.

Еще одним из сложных моментов, связанных с реализацией принципа равенства в арбитражном судопроизводстве, можно считать предоставление льгот и преимуществ участникам процесса. Этот аспект также заслуживает особого внимания законодателя. В частности, при подаче заявления в суд истец должен уплатить государственную пошлину, но если у человека нет средств для ее

оплаты, то равный доступ к правосудию может быть ограничен. Законом предусмотрены случаи освобождения от уплаты госпошлины, однако данный вопрос решается судом, который вправе отказать в просьбе истца.

Равенство перед законом и судом означает, что суд не может ставить применение закона в зависимость от различий пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности кого-либо к общественным объединениям и других обстоятельств. Простая декларация данного принципа не имеет смысла без наличия системы гарантий его реализации в процессуальных отраслях права. В рамках арбитражного процесса формальное равенство прав участников приобретает некоторые черты равенства фактического, что обусловлено порядком реализации прав и обязанностей в строгой процессуальной форме. Последняя, по нашему мнению, призвана нивелировать фактическое неравенство между профессиональными участниками экономического оборота (индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами), а также гражданами, которые вовлечены в процесс в силу их участия в корпоративных отношениях в качестве акционера или дольщика.

В последние годы арбитражное процессуальное право претерпело значительные изменения. Развитие отрасли в настоящее время позволило многим ученым отметить тенденции универсализации арбитражной процессуальной формы и расширение круга участников процесса.

В результате комплексного анализа ст. 333.36 и 333.37 Налогового кодекса РФ [7] установлено, что при взыскании, например, задолженности по зарплате, определяется льгота для физических лиц, а в случае, если акционер обжалует действия менеджмента, которые могут повлечь недополучение им прибыли по дивидендам, такая льгота не предоставляется. В целом такая ситуация представляется как дискриминирующая права акционера – физического лица, именно поэтому в целях обеспечения принципа равенства необходимо наделять граждан в арбитражном процессе льготами по уплате госпошлины.

Правосудие в арбитражных судах предполагает равенство всех организаций перед законом и судом независимо от их организационно-правовой формы, формы собственности, подчиненности, места нахождения и других обстоятельств, тем не менее в некоторых случаях ряд организаций имеет преимущество при обращении в арбитражный суд, что наглядно показывает следующий пример. С 31 января 2009 г. вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8], установивший изменения, затрагивающие вопросы местного самоуправления, а также отдельные вопросы регулирования экономики. В том числе поправки коснулись и Налогового кодекса РФ, а именно: пункт 1 статьи 333.37 Налогового кодекса РФ дополнен подпунктом 1.1, согласно которому от уплаты госпошлины по делам, рассматриваемым в арбитражных судах, освобождаются госорганы, органы местного самоуправления, выступающие в качестве истцов или ответчиков. В результате с 31 января 2009 г. госорганы и органы местного самоуправления, независимо от того, какой стороной спора они являются в арбитражном процессе, не уплачивают государственную пошлину.

До вступления в законную силу указанного Федерального закона подп. 1 п. 1 ст. 333.37 Налогового кодекса РФ предусматривал освобождение от уплаты госпошлины государственных органов, органов местного самоуправления и иных органов, которые обращаются в арбитражные суды только в случаях, предусмотренных законом, в защиту государственных и (или) общественных интересов. Согласно ст. 53 Арбитражного процессуального кодекса РФ в случаях, установленных Федеральным законом, указанные органы вправе обратиться с исками или заявлениями в арбитражный суд в защиту публичных интересов. Вот почему вопрос об уплате госпошлины госорганами и органами местного самоуправления в случаях, когда они выступали в арбитражных судах в качестве ответчиков, был спорным. Кроме того, при применении подп. 1 п. 1 ст. 333.37 Налогового кодекса РФ возникали сложности, связанные с формулировкой «в защиту государственных и общественных интересов». Указанные аспекты одного из составляющих элементов принципа равенства перед арбитражным судом, а именно равенства участников процесса, безусловно свидетельствуют об имеющихся пока не решенных проблемах арбитражного судопроизводства.

Провозглашение России в качестве демократического федеративного правового государства предполагает отсутствие препятствий для реализации конституционного принципа равенства, поэтому в целях его обеспечения перед арбитражным судом необходимо разработать механизм, позволяющий лицам, имущественное или социальное положение которых не позволяет им реализовать свое конституционное право на судебную защиту, беспрепятственно реализовывать это право путем получения соответствующих материальному положению льгот. При этом освобождение от уплаты государственной пошлины, уменьшение ее размера не устраняют препятствия к получению эффективной судебной защиты, если услуги судебного представителя останутся недоступными, в связи с чем также важным является и обеспечение условий для получения участвующими в деле лицами бесплатной квалифицированной юридической помощи судебного представителя.

Поскольку задачей правосудия является защита нарушенного права, а наличие права и необходимость его защиты могут быть выяснены лишь в результате судебного разбирательства, важно, чтобы суд был в равной мере доступен для всех вне зависимости от социального и имущественного положения. Кроме того, суд не должен руководствоваться какими-либо посторонними соображениями и принимать во внимание не предусмотренные законом обстоятельства, касающиеся лица, обращающегося за судебной защитой или отвечающего перед судом за свои действия. Арбитражным процессуальным кодексом РФ задача обеспечения доступности правосудия, конечно, обозначена, но выполняет функцию средства обеспечения цели судопроизводства – предоставления защиты нарушенному праву или охраняемому законом интересу (п. 1 ст. 2 АПК РФ).

Система конституционных принципов арбитражного правосудия, по нашему мнению, находится на стадии своего формирования. Для создания полной и научно обоснованной системы принципов необходимо выделить общие закономерности развития государственности, определить место и роль в ней системы арбитражных судов. Изложенное подтверждает, что в современной системе права единой совокупности принципов судостройства и судопроизводства, в том числе и в

судах экономической юрисдикции, не сложилось [9]. Вместе с тем конституционный принцип равенства как основа современной системы частного права, представляется, должен найти свое закрепление и развитие в системе арбитражных процессуальных гарантий реализации прав субъектов экономического оборота.

Библиографический список

1. Мальцев Г.В. Проблемы юридического равенства в современной буржуазной идеологии // Проблемы государства и права в современной идеологической борьбе / под ред. Я. Радаева и В. Туманова. М., 1983.
2. Фарбер И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов, 1974.
3. Комкова Г.Н., Селезнева Н.М. Равенство перед законом и судом – важнейший принцип правового государства // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 2.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 6 апр. 2011 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2011. № 15. Ст. 2038.
5. О судебной системе Российской Федерации: Федер. конст. закон от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 27 дек. 2009 г.) // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1; 2009. № 45. Ст. 5262.
6. Власов А.А. [и др.] Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. Г.А. Жилина. М., 2004.
7. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 28 дек. 2010 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; 2011. № 1. Ст. 16.
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 281-ФЗ (в ред. от 13 дек. 2010 г.) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6236; 2010. № 51 (ч. 3). Ст. 6810.
9. Конституционные основы судостройства // Судебные системы западных государств. М., 1991.

A.I. Gainutdinova
The Modern Trend of Legal
Regulation of Investment Relations
in the Russian Legislation

Factors contributing to the investment process are considered from the standpoint of legal science. The conceptual idea of regulation of investment relations is presented within the new conception of modern civil law in Russia.

Key words and word-combinations: economic relations, legal regulation, investments, investment relations.

С позиций юридической науки рассмотрены факторы, обуславливающие инвестиционный процесс. В рамках неоконцепции современного гражданского права России представлена концептуальная идея регулирования инвестиционных отношений.

Ключевые слова и словосочетания: экономические отношения, правовое регулирование, инвестиции, инвестиционные отношения.

УДК 347.1+346.543.1

ББК 67.404.1

А.И. Гайнутдинова

СОВРЕМЕННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

От степени инвестиционной активности в экономике зависят развитие производства и рост благосостояния общества. С экономической точки зрения инвестиции как долгосрочное вложение капитала [1, с. 241]

служат важнейшим средством воспроизводства основных фондов – зданий, сооружений, транспортных средств, машин, станков, оборудования, необходимых для выпуска готовой продукции [2, с. 1].

Современное правовое государство воздействует на экономические процессы преимущественно методами правового регулирования. Как показывает мировая практика, правовое регулирование охватывает прежде всего имущественные отношения (товарно-денежные, возмездные, отношения производства, обмена, распределения). Они составляют экономическую основу общества.

Общая направленность правового регулирования отношений в сфере инвестирования заключается в улучшении «инвестиционного климата». Государство стремится создать необходимые правовые условия, когда инвестирование происходит при минимальных рисках как инвесторов, так и иных участников инвестирования. Последнее должно достигаться через обеспечение соответствующего правового режима инвестирования, что является довольно непростой задачей.

В настоящее время в законодательстве, судебной практике и правовой науке не предложено универсального определения понятия «инвестиции», не выработано удовлетворительных правовых критериев, позволяющих установить круг отношений, являющихся инвестиционными. В свою очередь, неопределенность правового содержания инвестиционных отношений мешает составить исчерпывающее представление о правовых формах, посредством которых такие отношения могли бы быть урегулированы.

Как известно, сущность правового регулирования заключается в определенном воздействии права на общественные отношения. Те или иные правовые идеи законодатель претворяет в нормы, которые сохраняют, изменяют или прекращают существующие общественные отношения. Как правило, действует схема: «идея – норма – отношения». Но возможна и иная последовательность. Идея претворяется непосредственно в конкретные отношения, которые складываются фактически, а уже затем закрепляются нормой, которая, будучи правилом поведения, определяет поведение людей [3, с. 317]. На наш взгляд, правовое регулирование инвестиционных отношений осуществляется по второму варианту. Именно наличие экономического явления инвестирования как некой жизненной ситуации обусловило необходимость появления соответствующей юридической конструкции в праве.

Особенность инвестиций как явления заключается в том, что оно было законодательно закреплено прежде, чем представители юридической науки приступили к его подробному исследованию. Возможно, именно по этой причине так неоднозначен подход к нему юристов-правоведов. Так, некоторые цивилисты считали и до сих пор считают инвестиции типичным экономическим понятием [4, с. 15]. Имеются высказывания против попыток рассматривать экономические понятия буквально, придавать им юридическое значение и включать их в законодательство. При этом ученые указывают, что правовое регулирование инвестиций нельзя отнести ни к одной из существующих отраслей российского права [5].

Предметом инвестирования являются инвестиции, то есть те объекты, которые подлежат передаче. Под инвестированием в литературе понимается, как правило, непосредственный процесс вложения, передачи материальных благ с определенной целью. Специалистами выделяются наиболее характерные признаки инвестирования [6, с. 10]. Именно наличие указанных признаков должно быть взято за основу отграничения инвестирования от других схожих юридических конструкций.

Юридическая конструкция инвестирования представляет собой типовую модель взаимоотношений, взаимодействия субъектов, определяемую как нормами права, так и поднормативными источниками, прежде всего сделками [7, с. 8–16]. Она включает в себя не только складывающиеся между сторонами правоотношения, но также и юридические факты их возникновения, ответственность, процедуры, типовые комбинации указанных элементов.

Правовое регулирование инвестиций осуществляется практически всеми отраслями российского права. Нет сомнений и в том, что понятие «инвестиции» абстрактно. Однако право само по себе характеризуется абстрактностью, а гражданское право, в частности, эффективно оперирует подобными категориями. Например, в Гражданский кодекс РФ [8] включено понятие «предприятие» как имущественный комплекс. При этом оно также характеризуется определенным уровнем абстракции и несет в себе экономическое содержание. Не закрепив законодательно правовой режим предприятий, невозможно было бы включить данный объект в имущественный оборот. То же самое можно сказать и об инвестициях.

Анализируя категорию «инвестиции» нельзя не учитывать ее экономическую составляющую. В то же время она обладает признаками правовой категории, а именно: нормами права определено ее понятие, признаки, правовой режим. Следовательно, можно признать, что инвестиции необходимо считать экономико-правовой категорией.

Предложенные действующим законодательством определения понятия «инвестиции» основаны на перечислении видов и предметов инвестирования. Это не может удовлетворять принципу универсальности понятия.

Отсутствие единых четких критериев при легальном определении инвестиций характерно не только для российского права. Так, французские правоведы указывают, что определение понятия «международная инвестиция» зависит от тех задач, которые ставятся в соответствующем международном документе, содержащем соответствующее определение [9, с. 332–333].

Исследование закрепленных в нормативно-правовых актах определений понятия «инвестиции» позволяет сделать вывод, что они отличаются лишь по форме изложения признаков или частичным изменением их состава при сохранении в целом принципиального содержания – понимания инвестиций как вкладываемых ценностей (материальных благ), то есть определенных объектов гражданских прав. Вместе с тем назвать какие-либо общие признаки объектов, которые могут быть предметами инвестирования, не представляется возможным. До момента передачи организатору предметы инвестирования подчиняются общим имущественным правам, а после перехода инвестиций в собствен-

ность организатора инвестирования последние растворяются в общем объеме иного его имущества. Соответственно, для цели правового регулирования выделять такой самостоятельный объект, как инвестиции, нет необходимости, что и предопределило отношение российского законодателя к данной проблеме.

Поскольку выработать единое универсальное понятие «инвестиции» как определенного объекта невозможно, необходимо обратиться к более узкому его содержанию.

Инвестициями можно назвать только те объекты гражданских прав, которые подлежат вложению в объекты предпринимательской и иной деятельности с целью получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта. Следовательно, по своему существу инвестиции есть не что иное, как распоряжение имущественными ценностями, принадлежащими субъекту (инвестору) на основании, дающем ему право ими распорядиться. Субъект, распоряжаясь имущественными благами, вступает в определенные социальные связи с другими субъектами, вследствие чего между инвестором и другими субъектами складываются определенные общественные отношения. Таким образом, в более широком их (социально-юридическом) значении инвестиции могут анализироваться как специфический вид общественных отношений – «инвестиционные отношения».

Первостепенной целью правовой регламентации инвестиционных отношений сегодня становится придание им характера правоотношений, осуществляемых в рамках соответствующей правовой конструкции.

Процесс передачи инвестиций может осуществляться на основе договоров, имеющих самую различную правовую природу, в их числе: договоры на приобретение акций при учреждении и увеличении уставного капитала акционерного общества, договор облигационного займа, договор банковского вклада, договор негосударственного пенсионного обеспечения, договор участия в долевом строительстве многоквартирного жилого дома и иных объектов, договор доверительного управления паевого инвестиционного фонда и некоторые другие. Перечень таких договоров не является безграничным. Например, нельзя отнести к договорам, из которых возникают инвестиционные отношения, договор простого товарищества, договор лизинга, соглашения о разделе продукции, хотя значительная часть исследователей, да и сам законодатель указывают на их «инвестиционную» природу. Природа данных договоров неоднозначна и должна служить предметом отдельного исследования. Отметим только, что соглашения о разделе продукции не отвечают признаку вложения именно в деятельность другого лица. Государство при заключении такого соглашения не становится участником инвестиционных отношений, а предоставляет лицу исключительные права на поиски, разведку, добычу минерального сырья на участке недр, указанном в соглашении, которые последний реализует за счет собственных активных действий, а государство получает причитающиеся ему отчисления. Лизингодатель тоже самостоятельно, благодаря своим усилиям получает доход от своей деятельности, не используя средства, полученные от инвесторов, что также не подпадает под названные признаки юридической конструкции инвестирования.

Из изложенного следует, что инвестирование может иметь две правовые формы: корпоративные отношения и отношения, возникающие из гражданско-правовых договоров. В силу различных правовых оснований возникновения инвестиционные отношения объединяются в единую группу только условно. Важно подчеркнуть, что цель вступления субъекта в инвестиционные отношения заключается в реализации инвестиционного интереса (как то: получение прибыли, достижение иного полезного эффекта, например увеличение количества трудовых мест).

В доктрине при выделении главных признаков инвестиционных отношений иногда относят их принадлежность к предпринимательским отношениям. Однако такой подход представляется по крайней мере дискуссионным. Вложение денежных средств или иных материальных ресурсов (инвестирование) доступно и для лиц, не являющихся коммерческими организациями или предпринимателями. При этом такие лица, инвестируя свои ресурсы, могут и не преследовать цели извлечения прибыли, ограничиваясь результатами достижения иного экономического или социально полезного эффекта, что прямо предусмотрено нормой закона. Поэтому можно заключить, что инвестиционные отношения могут быть предпринимательскими, а могут и не иметь такой направленности.

Признаком, сближающим инвестиционные отношения с предпринимательскими, является рисковый характер участия в данных отношениях инвестора. Инвестор, передав принадлежащие ему материальные блага, рассчитывая в будущем получить доход от деятельности организатора инвестирования, несет риск получить доход в меньшем размере, чем он рассчитывал, или вообще его не получить.

Чтобы уравнивать положение участников инвестиционных отношений, государством разрабатываются и нормативно закрепляются соответствующие правовые процедуры. К ним относятся правила осуществления государственной регистрации выпуска эмиссионных ценных бумаг и проспектов ценных бумаг, выдачи лицензии профессиональным участникам рынка ценных бумаг, антимонопольное законодательство, требование об использовании норм бюджетного (финансового) права при эмиссии государственных и муниципальных ценных бумаг и другие. Таким образом, правовой режим инвестирования обеспечивается действием в большей степени норм гражданского права с одновременным использованием административно-правовых средств, а также норм бюджетного и налогового права. Отсюда и вытекают основные направления в регулировании данных отношений.

Прежде всего, обращается внимание на признание правового компонента необходимым самостоятельным элементом в регулятивном механизме организации и функционирования инвестиционных отношений. Так, правовые нормы образуют связующее звено с другими элементами, выраженными экономическими категориями, такими, как «капитал», «товар», «деньги», «собственность», «прибыль», а также закрепляют статус участников экономических отношений.

Кроме того, направленность правового регулирования инвестиционных от-

ношений видится в совершенствовании законодательства, посвященного регулированию рынка ценных бумаг, а также гражданско-правового регулирования договоров. Особая роль здесь придается нормам Гражданского кодекса РФ, определяющим основы для осуществления инвестирования, правовое положение участников инвестирования, основания возникновения инвестиционных отношений, ответственности. В связи с тем что норм Гражданского кодекса РФ явно недостаточно, необходим ряд специальных законов, посвященных отдельным видам инвестирования, которые на сегодняшний день имеются, но требуют дальнейшей доработки.

Как уже отмечалось, понятие «инвестирование» и «инвестиции» употребляется в тех правовых актах, которые фактически не относятся к регламентации юридической конструкции инвестирования. Следовательно, во избежание правовой неопределенности необходимо исключить неоправданное использование инвестиционной терминологии.

Что касается самого Закона об инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений [10], то он не имеет четкого предмета правового регулирования. По этой причине применение его на практике вызывает сложности, связанные опять же с квалификацией инвестиционных отношений.

Подводя итог, отметим, что именно развитие законодательной базы может повлиять на степень инвестиционной активности в экономике. Общая направленность правового регулирования инвестиционных отношений должна способствовать охране и реализации интересов инвесторов, организаторов инвестирования, профессиональных участников рынка ценных бумаг, а также государства и общества в целом.

Библиографический список

1. Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова. М., 1996.
2. *Лисица В.Н.* Правовое регулирование инвестиционных отношений: теория, законодательство, практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Новосибирск, 2010.
3. Теория государства и права: учебник / под ред. Л.А. Морозовой. М., 2010.
4. *Сайфулова Л.Г.* Договор долевого участия в жилищном строительстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2001.
5. Перспективы развития гражданского законодательства в России: планы и современные реалии: Интернет-интервью с Е.А. Сухановым, заведующим кафедрой гражданского права МГУ им. М.В. Ломоносова, заместителем председателя Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, д.ю.н., профессором. URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/sukhanov.html> (дата обращения: 27.01.2011).
6. *Майфат А.В.* Гражданско-правовые конструкции инвестирования. М., 2006.
7. *Пономарев Д.В.* Генезис и сущность юридической конструкции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 7 февр. 2011 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2011. № 7. Ст. 901.
9. *Карро Д., Жюйар П.* Международное экономическое право / науч. ред. В.М. Шумилов. М., 2002.
10. Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений: Федер. закон от 25 февр. 1999 г. № 39-ФЗ (в ред. от 23 июля 2010 г.) // СЗ РФ. 1999. № 9. Ст. 1096; 2010. № 30. Ст. 4015.

**A.Z. Agababyan
The Institution of Cassation
in the Russian Civil Proceedings:
the Condition and Development
Prospects**

The history of cassation proceedings development in the Russian Federation is shown. Cassation development prospects are defined in connection with the modernization of the current procedural code.

Key words and word-combinations: cassation proceedings, appeal, Civil Procedure Code, Arbitration Procedure Code.

Показана история развития кассационного производства в Российской Федерации. Определяются перспективы развития кассации в связи с модернизацией действующего процессуального законодательства.

Ключевые слова и словосочетания: кассационное производство, апелляция, Гражданский процессуальный кодекс, Арбитражный процессуальный кодекс.

УДК 347.91/.95

ББК 67.410. 1

А.З. Агабабян

**ИНСТИТУТ КАССАЦИИ
В РОССИЙСКОМ
ГРАЖДАНСКОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

В конце минувшего столетия в России произошло существенное изменение общественно-политического и социально экономического курса, что не могло не отразиться на гражданско-правовых отношениях, также претерпевших заметные трансформации.

Реформирование гражданского процессуального права проводится в Российской Федерации уже более полутора десятков лет. Оно обусловлено как внутренними (экономические и социальные преобразования), так и внешними (унификация российских и международных правовых норм и практик) причинами. За этот период существенно изменился существовавший прежде институт обжалования судебных решений, в частности кассация.

Институт кассационного обжалования судебных решений, на наш взгляд, заслуживает особого внимания исследователей-цивилистов. Теоретические исследования в этой области могут оказать позитивное влияние на практику применения процессуального законодательства. Верное понимание задач и функций кассационной инстанции, роли и значения соответствующего института в системе гражданского судопроизводства способствует правильному разрешению судами гражданских дел и, соответственно, эффективной защите прав и законных интересов участников процесса.

Первый этап реформы гражданского судопроизводства в Российской Федерации можно связать с принятием 27 октября 1995 г. Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» [1]. Очевидно, что действовавший в то время Гражданский процессуальный кодекс РСФСР [2] был принят в 1964 г. в совершенно иных политических и экономических условиях [3, с. 615]. Однако произведенные в нем в середине 1990-х годов изменения и дополнения оказались недостаточными и принципиально не решили проблем, вызванных трансформацией основ общественного устройства России. По этой причине логичным представляется подготовка и принятие 1 февраля 2003 г. нового Гражданского процессуального кодекса – теперь уже ГПК РФ [4], куда были внесены новшества, непосредственно затрагивающие институт кассации.

Так, в отличие от ГПК РСФСР, ГПК РФ не предусматривает права суда кассационной инстанции отклонить жалобу [4, ст. 292]. Несмотря на то, что в отношении содержания кассационных жалобы и представления предъявляются фактически те же требования, что и ранее [2, ст. 286; 4, ст. 339], теперь необходимо подавать в суд не только кассационную жалобу (представление) с копиями, число которых должно соответствовать числу лиц, участвующих в деле, но и приложить к ним письменные доказательства [4, ст. 340]. При этом стороны и другие лица, участвующие в деле, подают кассационную жалобу, а прокурор, участвующий в деле, приносит кассационное представление, так как с 1 февраля 2003 г. принесение кассационных протестов и протестов в порядке надзора ГПК РФ не допускается [5, п. 1].

В связи с учреждением в России института мировых судей [6] в ГПК РФ были внесены изменения в процедуру кассационного обжалования решений, принятых этой инстанцией. В установленном ГПК РФ порядке могут быть обжалованы не вступившие в законную силу решения всех судов, за исключением мировых судей.

Кроме того, в ГПК РФ изменены сроки рассмотрения дела в суде кассационной инстанции. В частности, верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области, суд автономного округа, окружной (флотский) военный суд должны рассмотреть дело, поступившее по кассационной жалобе или представлению, не позднее чем в течение месяца со дня его поступления, а для Верховного Суда РФ такой срок установлен не более чем два месяца со дня его поступления [4, ст. 348].

Отметим, что принятие ГПК РФ породило множество вопросов теоретического и практического характера, требующих научного осмысления и концептуального разрешения. Учеными высказаны мнения о нелогичности представления в Кодексе стадии кассационного обжалования решения, о сближении кассационного производства с апелляционным.

Следующий этап в реформировании гражданского судопроизводства в России знаменует собой принятие Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 9 декабря 2010 г. [7]. В соответствии с его положениями вступающие в силу с 2012 г. поправки в ГПК РФ меняют порядок обжалования судебных решений по гражданским искам.

С обозначенного времени предлагается признать утратившей силу главу 40 ГПК РФ «Производство в суде кассационной инстанции» и заменить ее на главу 41, которая до вступления в силу поправок называется «Производство в суде надзорной инстанции». Таким образом, кассация как способ проверки законности вступивших в законную силу решений судов, по сути, призвана заменить надзорную инстанцию в гражданском процессе. Конструкция надзорного судопроизводства, в соответствии с главой 41¹ ГПК РФ, предполагает сохранение надзора в качестве чрезвычайного способа проверки судебных решений, вступивших в законную силу. Тем самым законодатель решил полностью изменить институт кассации и привести его в соответствие с мировыми нормами.

Кроме того, изменения коснутся прав подачи кассационных жалоб и представлений. Так, новой редакцией ГПК РФ допускается обжалование вступивших в законную силу судебных постановлений, за исключением судебных постановлений Верховного Суда РФ. Они могут быть обжалованы в установленном законом порядке в суд кассационной инстанции как лицами, участвующими в деле, так и другими лицами, если их права и законные интересы нарушены судебными постановлениями. Кроме того, с двух до шести месяцев увеличен срок подачи кассационной жалобы и / или представления.

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживают дополнительные требования к содержанию кассационной жалобы, вводимые с 2012 г.:

– указание на суды, рассматривавшие дело по первой, апелляционной или кассационной, инстанции, и содержание принятых ими решений;

– указание на то, в чем заключаются допущенные судами существенные нарушения норм материального права или норм процессуального права, повлиявшие на исход дела, с приведением доводов, свидетельствующих о таких нарушениях;

– в кассационной жалобе лица, не принимавшего участия в деле, должно быть указано, какие права или законные интересы этого лица нарушены вступившим в законную силу судебным постановлением.

Возвращение кассационной жалобы и / или представления теперь будет возможно, если они не отвечают требованиям содержания, поданы с нарушением правил подсудности, поданы лицом, не имеющим права на обращение в суд кассационной инстанции.

Очевидно, что указанные новшества, с одной стороны, усложняют условия подачи кассационной жалобы, сужая тем самым возможности заинтересованных лиц прибегнуть к кассации; с другой стороны, впервые закрепляется обязанность суда кассационной инстанции извещать лиц, участвующих в деле. Кроме того, им предоставляется право ознакомления с кассационной жалобой, при этом сроки не определены точной датой или промежутком времени, но они должны быть достаточными, что, на наш взгляд, позволит участникам подготовиться и явиться на судебное заседание подготовленными к участию в процессе. Сами же сроки рассмотрения дела в суде кассационной инстанции не изменились – они составляют один месяц в судебном заседании суда кассационной инстанции, а Верховного Суда РФ – не более чем два месяца со дня вынесения судьей определения [7, ст. 386].

В отличие от прежней, в новой редакции ГПК РФ будет сокращен список оснований для отмены или изменений судебных постановлений в кассационном порядке. Главным основанием становятся существенные нарушения норм материального права или норм процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

В части 3 ст. 390 редакции ГПК РФ 2012 г. закреплено правило, что указания вышестоящего суда о толковании закона являются обязательными для суда, вновь рассматривающего дело. Кажется нелогичным, поскольку правовая система России относится к романо-германской системе права, где судебное решение не имеет той правовой силы, как в «прецедентной» англо-саксонской системе права. Однако этому можно найти объяснение. На наш взгляд, такой подход необходим для того, чтобы официально закрепить за ними право и возможность ссылаться на это решение при вынесении решения по делу. До этого суды неофициально пользовались указанным приемом при вынесении решения, но при этом они не ссылались в решении на указания вышестоящего суда, тем самым обезопасив себя от повторной отмены своего решения.

Необходимость предлагаемых в ГПК РФ изменений во многом вызвана тем, что исторически под кассационным (в странах германского права – ревизионным) производством понималось и понимается производство по проверке вступивших в законную силу судебных постановлений. Кассационное производство в гражданских процессуальных законах большинства европейских стран, а также в российском арбитражном процессуальном законодательстве принципиально отличается по своему содержанию от производства в суде кассационной инстанции в российских судах общей юрисдикции. Различия в наименовании, содержании одного и того же института процессуального права затрудняют процесс унификации процессуальных норм как на внутреннем, так и на внешнем правовом уровне [8]. Вот почему возникла объективная потребность в том, чтобы закрепить единый регламент проверочной деятельности судов второй инстанции и установить общие правила реализации права на кассационное обжалование судебных постановлений, принятых мировыми судьями и федеральными судами общей юрисдикции по первой инстанции.

Таким образом, из изложенного следует, что гражданское законодательство в целом и институт кассации в частности за последние десятилетия претерпели значительные изменения. Тем не менее истинность представления федерального законодателя о кассации вызывает сомнения. Так, показательно, что законодатель допускает проведение судебных прений в случае, если судом кассационной инстанции исследовались новые доказательства. Тем самым в процедуру кассации интегрируются очевидные элементы апелляции, в результате чего размывается существенное различие между этими институтами: вместо «чистой» кассации получаем «неполную» апелляцию. Помимо этого, законодатель, на наш взгляд, явно отступил от провозглашенной цели унификации процессуального законодательства. Наиболее заметно это проявляется в том, что срок на кассационное обжалование, например в арбитражном процессе, составляет два

месяца [9, ст. 274], в то время как на надзор – три месяца [9, ст. 292]. Кроме того, законодателем, на наш взгляд, допущена ошибка: шестимесячный срок на кассационное обжалование полностью перекрывает трехмесячный срок для обжалования в порядке надзора, что представляется нелогичным.

С устранением указанных недочетов новая редакция ГПК РФ послужит повышению эффективности правосудия; укрепит гарантии прав граждан и организаций на судебную защиту нарушенных прав и свобод; поможет сделать эту защиту более реалистичной, доступной и действенной, а также повысит доверие населения к системе судов общей юрисдикции и государству.

Библиографический список

1. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 30 нояб. 1995 г. № 189-ФЗ (в ред. от 14 нояб. 2002 г.) // СЗ РФ. 1995. № 49. Ст. 4696; 2002. № 46. Ст. 4531.
2. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // Свод законов РСФСР. М., 1964. Т. 8; 1988. Т. 2.
3. *Треушников М.К.* Путь к закону (исходные документы, пояснительные записки, материалы конференций, варианты проекта ГПК, новый ГПК РФ). М., 2004.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 23 июля 2010 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2011. № 19. Ст. 2715.
5. О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 янв. 2003 г. № 2 (в ред. от 10 февр. 2009 г.) // Рос. газ. 2003. 25 янв.
6. О мировых судьях Российской Федерации: Федер. закон от 17 дек. 1998 г. № 188-ФЗ (в ред. от 23 дек. 2010 г.) // СЗ РФ. 1998. № 51. Ст. 6270; 2010. № 52 (ч. 1). Ст. 6985.
7. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 9 дек. 2010 г. № 353-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6611.
8. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 6 апр. 2011 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2011. № 15. Ст. 2038.

V.Yu. Lopukhin

**Ways to Increase Motivation
of Demographic Behavior
in Conditions of Adverse Influence
of Environmental Factors**

The influence of environmental factors on the development of the institution of marriage and family is shown. The motivation of demographic behavior of citizens is analyzed in the context of improving fertility and health of the population of Russia.

Key words and word-combinations: family, motivations of demographic behavior, birth rate, health.

Показано влияние факторов внешней среды на развитие института семьи и брака. В контексте повышения рождаемости и сохранения здоровья населения России анализируется мотивация демографического поведения граждан.

Ключевые слова и словосочетания: семья, мотивации демографического поведения, рождаемость, здоровье.

УДК 316.356.2

ББК 60.561.6

В.Ю. Лопухин

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕБЛАГОПРИЯТНОГО ВЛИЯНИЯ ФАКТОРОВ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

В условиях общей тенденции падения рождаемости в мире коренное российское население убывает за счет превышения смертности над рождаемостью в среднем от восьмисот тысяч до миллиона человек в год и даже более. Частично естественная убыль населения в результате превышения смертности над рождаемостью компенсируется за счет миграционного притока [1]. Но это, как показывает зарубежный опыт, приводит к утрате в первую очередь характерных особенностей социально-экономического и национально-культурного своеобразия коренных народов. Поэтому одним из важных направлений социологической науки сегодня является разработка действенных мер мотивации демографического поведения населения России.

В «политкорректной» Европе все громче звучат голоса против слабоконтролируемой

миграции культурно далеких этносов, которые, приезжая, не желают ассимилироваться и вследствие своего компактного размещения на «новой родине» приносят в принимающие страны отсталость, свойственную покинутой по этой самой причине их исторической родине. В 2010 г. в Германии вышла в свет книга члена совета директоров Немецкого федерального банка (Центробанка ФРГ) Т. Саррацина «Германия самоликвидируется», где автор высказывает мнение, что немецкой экономике приток неквалифицированных мигрантов приносит больше убытков, чем прибыли [2]. В свою очередь, канцлер Германии А. Меркель вынуждена была признать провал политики построения «мультикультурного» общества. Другие страны Европы также ощущают на себе остроту проблемы. «Французы до сих пор спорят о запрете паранджи, который поддержала у себя и Бельгия, а миролюбивые и вполне толерантные швейцарцы неожиданно горой встали против строительства минаретов», – сообщает BBC [3].

Очевидно, что для перенаселенных вследствие высоких темпов рождаемости стран-соседей (и не только) Россия с ее гигантскими почти заброшенными просторами и обширными запасами ресурсов выглядит заманчиво. Между тем еще совсем недавно по историческим меркам, «на момент первой Всероссийской переписи 1897 г., показатели рождаемости в 50 европейских губерниях России были самыми высокими в мире. Ни одна африканская страна, ни тогда, ни теперь, не могла похвастаться такой рождаемостью. На каждую женщину детородного возраста в России приходилось около восьми детей. Просто мы жили тогда в традиционном обществе, где был культ семьи, а аборт считался грехом» [4].

Семья представляет собой социальный институт, который гарантированно обеспечивает пополнение населения новыми поколениями. Во взглядах на значение семьи в воспроизводстве населения в научном мире (за редкими исключениями, к которым трудно относиться всерьез) царит единодушный подход. В своих работах ведущие российские демографы и социологи, такие, как В.И. Добренков, А.И. Антонов, В.А. Ядов, В.И. Искрин и другие, подчеркивают непосредственную взаимосвязь между состоянием института семьи и брака и воспроизводством населения.

«Общество не может существовать, если нет налаженной системы замещения одного поколения другим» [5, с. 344]. Приходящее на смену старому новое поколение не способно научиться социальным ролям иначе как через практическое участие в процессе социализации. Выступая в роли агента первичной социализации, семья включает новое поколение в динамический процесс воспроизводства человеческого фактора. Поэтому, рассматривая проблему разрабатки государственного подхода подкрепления мотивации демографического поведения, на первый план следует выдвинуть матримониальную мотивацию.

Причины ослабления матримониальных мотиваций у мужчин и женщин своеобразны и подчинены их гендеру. Но в целом в основании лежит современный и устойчивый тренд снижения взаимозависимости женщин от мужчин и мужчин от женщин. Тому есть три группы причин: социальных, экономических и психологических.

Социальным фактором все усиливающегося давления на институт семьи и брака является развитие цивилизации по урбанистическому пути. При городском образе жизни возможность получения жилищно-коммунальных и других услуг обеспечивает выполнение почти всех видов домашнего труда, включая уход за ребенком. Таким образом, нужда в совместном проживании мужчины и женщины, в традиционной семье, снижается.

Экономическим фактором ослабления матримониальной мотивации является то, что в постиндустриальном (информационном) обществе произошла трансформация роли труда. Преобладать стал труд, связанный с применением коммуникативных практик и информационных технологий. Данный вид труда, часто называемый офисным, не имеет четко выраженной гендерной предрасположенности, но у женщин в приспособленности к такому труду есть преимущества. Женщина по своей природе сравнительно более усидчива, внимательна к мелочам, способна к монотонным рутинным повторениям операций, при которых не требуется физического напряжения. Мужчина, напротив, лучше приспособлен к кратковременным усилиям (как умственным, так и в первую очередь физическим), но от однообразных повторений, да еще требующих внимания к деталям, быстро устает, а еще быстрее – теряет к ним интерес и начинает под разными предлогами уклоняться. Как итог подобной разницы – сегодня все чаще встречается ситуация, когда мужчина зарабатывает меньше, чем женщина. Этот факт настораживает женщину гораздо больше, чем можно себе представить, отмечает профессор А.И. Антонов [6].

Следующим демотиватором, имеющим происхождение из внешней среды, является психологический фактор. Многократное усиление психологического воздействия на снижение матримониальной мотивации россиян обусловлено все усиливающейся борьбой за стремительно убывающие ресурсы планеты.

В этой борьбе наиболее агрессивно ведут себя Соединенные Штаты. Еще до начала периода так называемой «холодной войны» из арсенала доступных средств так называемого невоенного уничтожения России (тогда – Советского Союза) ими были избраны алкоголь, наркотики и секс [7]. Пропаганда «защищенного секса», на наш взгляд, есть не что иное, как стремление оторвать мотивацию от результата, то есть получение наслаждения, которое тысячелетиями служило зачатием ребенка, предлагается от него (зачатия) оторвать, сделать подмену – удовольствие ради удовольствия, а не для продолжения рода. Секс ради удовольствия делает семью обузой «свободной любви». Поэтому россияне все чаще (заметим, не только мужчины) отказываются от вступления в брачные отношения в принципе. Рождение ребенка женщиной, принципиально не желающей вступать в брак, сегодня носит характер прихоти. Все чаще здоровые и вполне обеспеченные женщины отказываются от рождения ребенка в пользу заведения котенка.

Осознанное желание избежать зачатия получает все большее распространение в сексуальных отношениях, как со стороны мужчин, так и со стороны женщин. Таким способом можно убивать невооруженных солдат на поле боя бомбами и снарядами, а нерожденных детей противозачаточными средствами в постели. И эта задача успешно решается через формирование общественного мнения, с использованием в первую очередь телевидения.

Важнейшим направлением мотивации демографического поведения является собственно продолжение рода. Здесь опять проявляется свойство урбанистического развития цивилизации. В городских условиях акт рождения ребенка лишен всякого экономического смысла. «Пока не было заводов, фабрик, больниц, колхозов, фермеров, а были одни крестьянские хозяйства, семья сама себя обеспечивала всем – питала, одевала, лечила. И нуждалась в детях как в семейной рабочей силе. Затем капитализм вытянул из семьи мужчину, потом – женщину, детей-подростков» [6].

Отдельного внимания заслуживает такое направление мотивации демографического поведения, как забота граждан о сохранении здоровья – своего и общественного. В России за последние годы наметилось очень серьезное отступление от недавно еще весьма приличных (по среднемировым меркам) кондиций. С фактическим разрушением существовавшей в СССР здравоохранительной системы резко снизилась профилактическая функция медицины. Не нужно быть специалистом, чтобы понимать: уберечь здоровье гораздо проще и дешевле, чем вылечить заболевание. Падение престижа профессии врача, наблюдавшееся особенно в 1990-е годы, в начале XXI в. привело к резкому дефициту квалифицированных медработников. От этого сильно пострадало качество профилактической медицины и собственно лечения болезней. Развал отечественной фармакологии привел к так называемому эффекту «вымывания» с рынка недорогих, но вполне эффективных лекарств и замещению дефицита дорогими и часто поддельными импортными аналогами. Платная медицина, на которую возлагались серьезные надежды, оказалась дорога и многим просто недоступна. Одновременно появилось огромное число «нетрадиционных» способов лечения, на поверку часто оказывающихся шарлатанством. Естественно, что средний россиянин, напуганный всеми перечисленными причинами, стал заботиться о своем здоровье меньше.

Положение усугубляется тем, что широчайшее распространение получили разного рода вредные привычки, которым и раньше тот же самый средний россиянин был не чужд. В частности, пьянство приняло чудовищные масштабы. Специалисты отмечают, что главный показатель – потребление алкоголя в расчете на душу населения – за 1989–2008 гг. увеличился в 1,4 раза и достиг 15 литров абсолютного алкоголя (чистого спирта) в год. Это выше уровня, который Всемирная организация здравоохранения признала особо опасным для здоровья людей (8 литров), почти в два раза. Как итог, «практически по всем своим параметрам – уровню потребления алкоголя, заболеваемости, смертности населения, преступности на почве злоупотребления спиртными напитками, подверженности алкоголю подростков и женщин – острота проблемы пьянства приобрела характер, серьезно подрывающий социально-экономические, духовно-нравственные основы жизнедеятельности общества и государства, национальной безопасности» [8].

Следует констатировать, что в арсенале экономической социологии нет готового рецепта радикального изменения направления сценария демографического развития России. И тем не менее есть вполне реальная возможность если не переломить, то хотя бы предельно смягчить демографические проблемы рос-

сийского общества. Для этого акт рождения ребенка необходимо наполнить в первую очередь социально-экономическим смыслом.

Еще на рубеже XIX–XX вв. великий немецкий социолог М. Вебер высказал идею «постгородского общества». Он предсказал, что научно-техническая революция непременно создаст условия для включения большей части населения в индустрию информационного производства [9, с. 513–601]. По мнению американского исследователя современного информационного общества Т. Фридмана, шансы на успех в мире, где господствуют IT-технологии, определяются не гражданством и местом жительства, а уровнем образования, талантом, настойчивостью и доступностью информационных систем [10, с. 26]. Это требует всеобщей пространственной подвижности человеческого фактора. Как следствие, нужда в сосредоточении населения в крупных городах отпадет.

Возврат к более здоровой и полноценной жизни произойдет без отказа от благ цивилизации, поскольку эти блага станут намного доступнее. Качество жизни в собственном загородном домовладении, насыщенном современными благами и коммуникационными каналами, в сочетании с несоизмеримо лучшей экологией значительно выше, чем в тесном мегаполисе. Без активного ведения домашнего хозяйства жить в собственном домовладении не вполне естественно. Очевидно, что вести хозяйство возможно только совместными усилиями мужчины и женщины. Следовательно, восстановится матримониальная мотивация. Здоровый образ жизни в сельской местности для крепкой семьи с высоким уровнем жизни является нормой и сейчас. Каждый новый ребенок станет в семье желанной прибавкой рабочих рук. Таким образом, изменится вся ситуация с мотивацией демографического поведения.

Отказ от урбанистического сценария социально-экономического развития российского общества, с нашей точки зрения, представляется очевидной необходимостью. Основанный на агломерационной модели пространственной группировки населенных пунктов, при которой средние и мелкие населенные пункты группируются вокруг крупного города, урбанистический сценарий ведет в цивилизационный тупик. Для выхода из него необходим переход к сочетанию линейного размещения малых и средних поселений, при котором населенные пункты располагаются вдоль транспортных магистралей с равномерным (дисперсионным) распределением. При дисперсионном размещении населенные пункты выполняют функции центров обеспечения товарами и услугами равномерно размещенного сельского населения.

Естественно, что для реализации подобного демографического сценария нужны инфраструктурные предпосылки. Создание таких предпосылок возможно на базе прорабатываемого не первый век построения через территорию России трансконтинентального комплекса коммуникаций с перспективой формирования в дальнейшем на его основе единого мирового коммуникационного пространства.

Библиографический список

1. Естественное движение населения (статистический бюллетень) / Федер. служба гос. статистики. М., 2010.
2. Посвященная проблеме миграции книга банкира вызвала скандал в Германии [31 августа

2010 г.]. URL: <http://www.forbes.ru/news/55477-posvyashchennaya-probleme-migratsii-kniga-bankira-vyzvala-skandal-v-germanii>

3. Ангела Меркель признала провал политики построения мультикультурного общества [18.10.2010]. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed.shtml

4. Белобородов И. Демографический кризис в России: интервью телеканалу РТВ-Подмосковье. URL: <http://www.semya.org.ru/media/family-demography/rtv-podmoskovie/beloborodov-litvak.html>

5. Социология / В.И. Добренъков, А.И. Кравченко [и др.]. М., 2008. Т. 3: Социальные институты и процессы.

6. Демограф Анатолий Антонов: Мамонты исчезли, и семья исчезнет: интервью журналистам «Российской газеты». URL: <http://www.rg.ru/2008/03/05/a213109.html>

7. Из доклада Аллена Даллеса Конгрессу США «Размышления о реализации американской послевоенной доктрины против СССР», 1945 г. URL: <http://www.chekist.ru/article/886>

8. Заиграев Г.Г. Алкоголизм и пьянство в России: Пути выхода из кризисной ситуации // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 74–84.

9. Вебер М. Город. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено. М., 1990.

10. Фридман Т. Плоский мир. Краткая история XXI века. М., 2006.

V.V. Chernyshev
**The Influence of Social Benefits
for Child Birth and Education
on Rural Families' Living
Standards (Based on the Material
of Selective Sociological Study)**

The analysis of the opinion of rural women living in the Saratov Region on the influence of social benefits for child birth and education on rural families' living standards is presented. The factors determining the differentiation of estimates of social benefits and the attitudes of rural women towards them are defined.

Key words and word-combinations: state social benefits, families with children, rural families.

Представлен анализ мнения сельских женщин Саратовской области относительно влияния социальных пособий, связанных с рождением и воспитанием детей, на уровень жизни сельских семей. Выделены факторы, детерминирующие дифференциацию оценок социальных пособий и отношения к ним сельских женщин.

Ключевые слова и словосочетания: государственные социальные пособия, семьи с детьми, сельские семьи.

УДК 316.34/.35:316.356.2(470+571)
ББК 60.54+60.561.5(2Рос)

В.В. Чернышев

**ВЛИЯНИЕ
СОЦИАЛЬНЫХ ПОСОБИЙ
В СВЯЗИ С РОЖДЕНИЕМ
И ВОСПИТАНИЕМ ДЕТЕЙ
НА УРОВЕНЬ ЖИЗНИ
СЕЛЬСКИХ СЕМЕЙ
(ПО МАТЕРИАЛАМ
ВЫБОРОЧНОГО
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Значение имеющейся в современной России демографической проблемы признается на всех уровнях политической системы государства. Для ее решения была предложена программа стимулирования рождаемости, включающая в себя комплекс мер адми-

нистративной, финансовой, социальной поддержки семьи. Конкретными мерами, предпринимаемыми с 2007 г., стали мероприятия демографической политики: увеличение размеров пособий по уходу за ребенком, дифференциация их в зависимости от очередности рождения детей, распространение права получения этих пособий на неработающих женщин, введение компенсаций за посещение ребенком детского дошкольного учреждения, реализация материнского «семейного» капитала.

Характер и направление влияния мер социальной поддержки семей с детьми на уровень их жизни и репродуктивное поведение семей интересуют многих ученых [1–3], но особенности восприятия этих мер современными сельскими семьями недостаточно изучены. В то же время сельские семьи с детьми являются специфическим объектом государственной социальной поддержки ввиду наличия повышенной иждивенческой нагрузки и высокого риска попадания за черту бедности [4].

В 2010 г. Институтом аграрных проблем РАН (г. Саратов) было проведено выборочное социологическое исследование с целью изучения влияния на уровень жизни сельских семей с детьми социальных пособий и выплат на детей. Исследовательской группой во внимание принимались: пособие по уходу за ребенком до достижения им полутора лет, дифференцированное по очередности рождения детей; единовременное пособие при рождении ребенка; компенсация части платы родителей за содержание ребенка в государственном и муниципальном дошкольном образовательном учреждении, дифференцированная по числу детей; ежемесячное пособие на ребенка для малоимущих семей.

Опрос проводился в десяти районах Саратовской области. Объектом исследования (генеральной совокупностью) являлись сельские женщины в возрасте 18–45 лет, имеющие детей. Выборка повторяла структуру сельских домохозяйств с разным количеством детей в среднем по России. Всего было опрошено 180 человек. Цели исследования определили необходимость формирования двух типов выборки – репрезентативную и целевую.

Наличие детей и особенно их количество у женщины – главный фактор дифференциации как восприятия различных мер социальной политики, так и репродуктивного поведения в целом, поэтому в качестве показателя структуры репрезентативной выборки выделен показатель доли домохозяйств с детьми с различным числом детей. Целевая выборка построена из расчета увеличенной доли домохозяйств с тремя и более детьми в связи с малым удельным весом соответствующей группы в генеральной совокупности.

Большинство опрошенных женщин считают, что принятые в 2007 г. пособия и их размеры могут улучшить условия жизни сельских семей (от 62,9%, указывающих на положительное влияние на уровень жизни сельских семей с детьми компенсации части расходов на оплату детского дошкольного воспитания, дифференцированной для детей разной очередности, до 71,3% для пособия по уходу за вторым (последующим) ребенком до достижения им полутора лет). Это касается единовременного пособия при рождении ребенка, пособия по уходу за первым (вторым и последующими детьми) до достижения им полутора лет, а также компенсации затрат на детское дошкольное воспитание.

Размеры указанных пособий и компенсаций, порядок их назначения и выплаты устанавливаются законами и иными нормативными документами Российской Федерации. Размер, порядок назначения, индексации и выплаты ежемесячного пособия на ребенка, которое, по мнению только 26,7% респондентов, может улучшить уровень жизни семей с детьми, устанавливаются законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

На мнение сельских женщин относительно воздействия тех или иных пособий на уровень жизни сельских семей оказывает влияние ряд факторов социально-демографического характера (возраст, уровень образования, наличие брачного партнера, количество имеющихся детей, статус занятости женщины и ее супруга, уровень среднедушевых денежных доходов семьи), а также субъективные предпочтения опрашиваемых женщин. К субъективным параметрам относятся структура жизненных ценностей женщины, уровень ее жизненных притязаний и достижений, которыми, в свою очередь, детерминируются различные модели потребительского и репродуктивного поведения.

Большое значение имеет целевое назначение соответствующих пособий и, следовательно, та роль, которую каждое из них играет в семье. Так, пособие по уходу за ребенком до достижения им полутора лет, дифференцированное по очередности рождения детей, исполняет роль компенсации потери дохода женщиной при рождении ребенка и рассматривается семьей (женщиной) в качестве ее вклада в семейный бюджет. Единовременное пособие при рождении ребенка является разовой выплатой и представляет собой ценность для семьи в качестве вклада в семейный бюджет с целью минимизации вновь возникших расходов семьи в связи с рождением ребенка. Ежемесячное пособие на ребенка для малоимущих семей играет, пожалуй, самую важную роль для семьи ввиду предписанной ему роли компенсации части ежемесячных расходов на детей родителям, которые испытывают сложности в связи с материальными затруднениями. При этом данное пособие, как правило, является одним из источников формирования семейного бюджета, особенно для многодетных семей. Таким образом, разные требования к размерам тех или иных пособий являются следствием их различной функциональной нагрузки и определяются ролью для семейного бюджета.

Выявлено также, что женщины старшей возрастной категории (старше 40 лет) чаще других дают более положительную оценку регулярным денежным пособиям, нежели единовременному пособию при рождении ребенка и ежемесячному пособию на ребенка. Для женщин в возрасте до 24 лет, наоборот, свойственны более низкие доли согласных с позитивным влиянием пособий и компенсаций, связанных с рождением и воспитанием детей, на уровень жизни сельских семей. Уровень образования женщины также детерминирует восприятие и оценку эффекта от пособий и компенсаций. Так, женщины с более высоким уровнем образования (высшим, средним профессиональным и начальным профессиональным) реже остальных указывают на наличие положительного влияния пособий и компенсаций на уровень жизни сельских семей, в то время как имеющие более низкий уровень образования (среднее общее, основное общее и начальное) – гораздо чаще.

Наличие брачного партнера у женщины на мнение по поводу влияния пособий на уровень жизни сельских семей сказывается таким образом, что женщины, состоящие как в официальном, так и гражданском браке, воспринимают влияние пособий на уровне среднего по выборке. Не имеющие же брачного партнера (незамужние и разведенные) реагируют на систему социальной поддержки семей с детьми по-иному. К примеру, незамужние женщины в среднем реже указывают на наличие положительного влияния пособий и компенсаций на уровень жизни сельских семей с детьми, в то время как разведенные женщины – чаще.

Мнение опрошенных сельских женщин о влиянии тех или иных пособий и компенсаций на уровень жизни сельских семей с детьми, как оказалось, зависит и от статуса занятости как самой женщины, так и ее брачного партнера (при его наличии). Так, работающие вне дома женщины гораздо реже остальных указывают на наличие положительного влияния регулярных пособий, за исключением единовременного пособия при рождении ребенка. Женщины, занятые домашним и личным подсобным хозяйством, чаще дают положительную оценку регулярным пособиям и компенсации, но реже – ежемесячному пособию на ребенка. Женщины, отнесшие себя по субъективной оценке к безработным, намного чаще, чем в среднем по выборке, высказываются за положительное влияние на уровень жизни сельских семей с детьми абсолютно всех видов пособий и компенсаций.

Статус занятости супруга также подвергался анализу. Женщины, чьи мужья работают в своих селах, высказываются за эффект от выплат пособий на уровне среднего по выборке. Те женщины, чьи мужья нигде официально не работают, а заняты личным подсобным хозяйством и промыслами, чаще других дают положительную оценку влиянию всех без исключения пособий на уровень жизни семей с детьми. Что касается женщин, чьи мужья ориентированы на более высокий уровень доходов вследствие маятниковой трудовой миграции, то они в целом реже остальных высказываются за положительное влияние пособий и компенсаций на уровень жизни сельских семей с детьми.

Низкий уровень среднедушевых денежных доходов семьи (до 3000 рублей в месяц) детерминирует более высокую долю указавших на положительное влияние всех пособий и компенсаций на улучшение материального положения семьи. Такая же тенденция характерна для женщин, имеющих доходы на уровне от 5000 до 8000 рублей в месяц на члена семьи, за исключением мнения относительно компенсационных выплат и ежемесячного пособия на ребенка. Те же, кто имеют доходы на уровне от 3000 до 5000 рублей в месяц, воспринимают эффект от выплаты всех пособий и компенсаций на уровне среднего по выборке.

Результаты проведенного исследования по целевой выборке (то есть с увеличенной долей женщин, имеющих троих и более детей) показали, что многодетность детерминирует рост положительных оценок для всех видов пособий в части позитивного влияния на условия жизни сельских семей.

Важно, что одиноким женщины в среднем реже отмечают возможность положительного влияния как материнского капитала на уровень жизни сельских семей, так и остальных видов социальных пособий и компенсаций, по

сравнению с женщинами с большим количеством детей, а ведь именно однодетные семьи – это целевая аудитория мероприятий, призванных стимулировать рождение последующих детей. Вообще однодетные женщины продемонстрировали низкий уровень одобрения принятых в 2007 г. мер поддержки семей с детьми. Они гораздо реже давали положительную оценку влияния абсолютно всех мер поддержки на уровень жизни сельских семей.

Многодетные женщины чаще остальных высказываются за позитивное влияние всех видов пособий и компенсаций на уровень жизни их семей, хотя и большинство из них регулярно ощущают влияние только ежемесячного пособия на ребенка в связи с эпизодичностью остальных видов пособий (единовременного пособия при рождении ребенка, пособия по уходу за ребенком до достижения им полутора лет; компенсации части родительской платы за посещение ребенком детского дошкольного учреждения им не положено в связи с наличием льготы для многодетных семей в виде отсутствия соответствующей платы). Именно поэтому среди многодетных женщин высока доля считающих, что ежемесячное пособие на ребенка может улучшить условия жизни сельских семей. Так, среди однодетных женщин с этим согласны 26,3%, среди двухдетных – 35,6, среди трехдетных – 30,4, среди четырехдетных – 42,1, а среди имеющих пять и более детей – 41,4% при средней по целевой выборке 33,1%.

Уровень жизни сельских семей зависит от внешних условий жизнедеятельности, к которым относятся уровень социально-экономического развития региона, специфические проблемы сельского рынка труда, влияние финансово-экономического кризиса посредством сокращения финансирования и свертывания различных социальных программ сельского развития. Сельские семьи функционируют в социально-экономическом пространстве, характеризующемся узостью сфер приложения труда, низкими доходами основной массы сельского населения, ограниченностью мест в детских дошкольных учреждениях, снижением доступности и качества медицинской помощи, слабым развитием социальных услуг [5]. Все эти факторы необходимо учитывать при анализе характера и направления влияния государственных пособий на детей.

Представленное исследование показало, что влияние государственных пособий, связанных с рождением и воспитанием детей, дифференцируется в зависимости от набора факторов, отражающих как объективные параметры социально-экономического положения сельской семьи, так и субъективные предпочтения опрашиваемых женщин как членов этих семей. К объективным параметрам относятся возраст женщины, ее уровень образования, семейное положение, наличие и количество детей, статус занятости как женщины, так и ее супруга, уровень среднедушевых денежных доходов. В числе субъективных параметров: структура жизненных ценностей женщины, уровень ее жизненных притязаний и достижений, которые, в свою очередь, детерминируют различные модели потребительского и репродуктивного поведения.

В рамках системы государственной социальной поддержки семей с детьми необходимо реализовать комплексный дифференцированный подход в зависимости от социально-экономического типа сельских семей с детьми. Он должен исходить из представлений о детерминации социально-экономического поло-

жения семьи и моделей ее поведения набором социально значимых критериев как объективного, так и субъективного характера. На основании корректной идентификации, измерения и оценки степени влияния этих параметров на социально-экономическое положение семьи представляется возможным составление социального паспорта сельской семьи с выделением типичных социально-экономических групп семей.

Библиографический список

1. *Елизаров В.* Проблемы усиления экономической поддержки семей с детьми и стимулирования рождаемости. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=601
2. *Овчарова Л., Пишняк А.* Новые меры поддержки семей с детьми. URL: www.demoscope.ru/weekly/2008/0134/polit01.php
3. *Синявская О., Головляницина Е.* Новые меры семейной политики и население: будет ли длительным повышение рождаемости? URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0421/analit01.php>
4. *Антонов А.И.* Семейный образ жизни в сельской России. М., 2006.
5. *Блинова Т.В.* Сельская семья и факторы репродуктивного поведения // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2008. № 2.

Е.А. Andriyanova, I.Yu. Aranovich Birth Certificate in the Context of Motherhood and Childhood Protection

The results of putting birth certificates into circulation in the context of dynamics of medical care for pregnant women are analyzed. An account of authorial survey of pregnant women on the quality of medical care is given.

Key words and word-combinations: pregnancy, birth certificate, the quality of medical care to pregnant women, social and psychological help for pregnant women.

Анализируются некоторые итоги введения в обращение родовых сертификатов в контексте динамики качества медицинской помощи беременным женщинам. Приводятся данные авторского опроса беременных женщин о качестве медицинской помощи.

Ключевые слова и словосочетания: беременность, родовой сертификат, качество медицинской помощи беременным женщинам, социально-психологическая помощь во время беременности.

УДК 351(470+571)
ББК 67.401.12(2Рос)

**Е.А. Андриянова,
И.Ю. Аранович**

РОДОВОЙ СЕРТИФИКАТ КАК АКТУАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ОХРАНЫ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Специфическими последствиями происходящих в России социально-экономических трансформаций стали низкие показатели здоровья рожаящих женщин, а также утверждение модели репродуктивного поведения с установкой на малодетность. Между тем обеспечение количества и качества человеческих ресурсов является важнейшим фактором развития страны.

Специалисты отмечают различные проявления неблагополучия демографической си-

туации в Российской Федерации. В частности, происходит существенное снижение репродуктивного потенциала. Так, сумма всех вынужденных аборт в 2007 г. составила 13,6 на 100 родившихся, а их доля в структуре всех прерываний беременности увеличилась с 15,2% в 2006 г. до 16,5% в 2007 г. Особую тревогу медиков вызывает увеличение числа самопроизвольных абортов как наиболее серьезного проявления нарушения репродуктивного здоровья женщин. Важнейшим критерием, характеризующим неблагополучие репродуктивной функции современных женщин, является наблюдающееся в течение последних двух лет увеличение на 5,2% распространенности спонтанных абортов на 1000 женщин фертильного возраста [1]. Высокими остаются репродуктивные потери, связанные с материнской смертностью. Перинатальная смертность в 2007 г. составила 8,5 на 1000 родившихся [2; 3].

Национальное здравоохранение самым непосредственным образом задействовано в реализации демографической политики. Именно оно главным образом несет ответственность за негативные тенденции популяционного здоровья [4]. Как составная часть российской системы здравоохранения, служба родовспоможения должна выполнять функцию инструмента управления общественным здоровьем.

Одним из критериев здоровья в соответствии с определением Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) является социальное благополучие. Оно определяется по ряду критериев. В частности, одним из показателей социального благополучия является недостаточная масса тела новорожденных при рождении. Масса тела ребенка характеризует условия внутриутробного развития плода, отражая качество жизни женщины, состояние ее репродуктивного здоровья и течение беременности [3; 5]. По мнению экспертов ВОЗ, число детей с низкой массой тела при рождении (менее 2500 г) характеризует степень социально-экономического благополучия населения.

Согласно исследованиям отечественных специалистов по общественному здоровью число «маловесных» детей, как правило, увеличивалось в годы войны и экономических кризисов [6; 7]. Выявленная зависимость подтверждается двухфазной динамикой показателя в переходный период в России. В течение неблагополучных 1990-х годов в России количество таких детей увеличилось с 5,52% от числа живорожденных в 1991 г. до 6,38 в 1999 г. Устойчивое снижение данного показателя в течение семи лет (до 5,66% в 2006 г., или на 11,3%) тем не менее выше «дореформенного» уровня. Однако в последние годы отмечен своеобразный «рецидив» ситуации кризисных 1990-х годов: в 2007 г. произошел неожиданный рост числа родившихся детей с низкой массой тела (с 5,66% в 2006 г. до 5,75%).

Решение проблемы снижения репродуктивного потенциала представляет собой очевидный инструмент повышения рождаемости в стране. Данный тезис вполне укладывается в логику государственной политики, которая приобрела зримые черты в конце первого десятилетия XXI в. Например, была принята Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2025 г. [8], содержащая принципиальные положения стратегии государства в области репродуктивного здоровья.

Как часть социальной политики, демографическая политика выполняет функцию создания условий и поддержания репродуктивного здоровья населения.

Это подтверждается результатами исследования, проведенного Росстатом в 2009 г.: 15,3% опрошенных отметили, что рождение второго ребенка может быть ускорено мерами демографической политики [9].

И все же в России наметились позитивные тенденции в репродуктивном поведении женщин. В Послании Федеральному Собранию 30 ноября 2010 г. Президент России Д.А. Медведев отметил увеличение рождаемости по сравнению с 2005 г. более чем на 21% и сокращение младенческой смертности на четверть [10].

Государственная стратегия социальной политики в области здравоохранения реализуется посредством приоритетного Национального проекта «Здоровье», который выступает в качестве общего подхода, генеральной идеи, объединяющей все меры, направленные на укрепление репродуктивного здоровья населения. В проекте зафиксирована система преимуществ и льгот, связанных с решением проблем сохранения и укрепления здоровья матери и ребенка, повышения качества и доступности оказания медицинской помощи в период беременности и родов, создания условий для рождения здоровых детей.

С 1 января 2006 г. в рамках проекта осуществляется программа «Родовой сертификат» [11], которая имеет целью повышение материальной заинтересованности медицинских учреждений в предоставлении качественной медицинской помощи. Данный документ служит подтверждением оказания медицинской помощи женщинам в период беременности и родов учреждениями здравоохранения. Учреждения здравоохранения передают талоны родового сертификата в отделения Фонда социального страхования РФ и получают за каждую пациентку дополнительные к обычному бюджетному финансированию средства при условии, что роды завершились благополучно.

В медико-экономическом плане характер, состав и объем средств, входящих в структуру родового сертификата, распределены и закреплены следующим образом:

– талон № 1 родового сертификата предназначен для оплаты услуг, оказанных женщинам учреждениями здравоохранения в период беременности на амбулаторно-поликлиническом этапе;

– талон № 2 предназначен для оплаты услуг, оказанных женщинам учреждениями здравоохранения в период родов в родильных домах (отделениях), перинатальных центрах;

– талон № 3 (включен в родовой сертификат с 2007 г.) предназначен для оплаты услуг детской поликлиники по диспансерному наблюдению ребенка в первый год жизни.

В 2006 г. по родовым сертификатам учреждения родовспоможения получили из федерального бюджета 9,1 млрд рублей. Медицинская помощь была оказана 1,3 млн женщин. В 2009 и 2010 гг. в рамках программы родовых сертификатов было запланировано оказание медицинской помощи 1,6 млн человек. На эти цели правительство выделило из федерального бюджета 14,5 млрд рублей [12].

Средства, перечисленные на основании родовых сертификатов, расходуются учреждениями родовспоможения на оплату труда медицинских работников, на оснащение современным медицинским оборудованием, обеспечение лекарственными средствами, закупку изделий медицинского назначения. В ходе реа-

лизации программы родового сертификата в определенной степени создан механизм заинтересованности акушеров-гинекологов женских консультаций в регулярном и качественном наблюдении беременных женщин.

Согласно ежегодным отчетам о работе женских консультаций количество посещений беременными женских консультаций увеличилось в среднем с 10 до 12 за период наблюдения. Регулярные посещения врача-акушера-гинеколога позволяют женщине не только избежать многих осложнений во время беременности, но и предотвратить ряд заболеваний ребенка, получить практические рекомендации по профилактике наиболее часто встречающихся заболеваний во время беременности (анемии, угрозы прерывания беременности и др.), правильному питанию и поведению во время родов, грудному вскармливанию ребенка.

Благодаря действию Национального проекта «Здоровье» в программу обследования беременных женщин в условиях женской консультации включены новые медицинские технологии. Охват беременных пренатальным скринингом (ультразвуковым и биохимическим) повысился на 7%, объемы оказания стационар-замещающей помощи выросли на 5–10%. В 2006 г. 76,5% женщин поступили под наблюдение врачей женской консультации на ранних сроках беременности (до 12 недель), ультразвуковой скрининг проведен у 96,5% женщин [13].

В Саратовской области в 2009 г. 96% родов оплачены по программе родовых сертификатов, что на 5,5% больше, чем в 2007 и 2008 гг. (91% родов). За три последних года учреждениями здравоохранения области по данной программе получено 639,8 млн рублей. По итогам реализации национального проекта в Саратовской области за три года четко прослеживается положительная динамика: на 19% увеличилась рождаемость; рост рождаемости вторых детей составил 34%; рост рождаемости третьих детей увеличился на 59%. При этом младенческая смертность снизилась на 23% [14].

За время реализации программы «Родовой сертификат» женскими консультациями и родильными отделениями приобретены медицинское оборудование, медикаменты и изделия медицинского назначения на общую сумму более 300 млн рублей. На оплату труда медицинских работников направлено более 61% от полученных средств [15].

В программу включены 90 государственных и муниципальных учреждений здравоохранения области. В это число входят 76 лечебных учреждений, оказывающих медицинскую помощь женщинам в периоды беременности, родов и послеродовой, а также 58 учреждений, осуществляющих наблюдение ребенка в течение первого года жизни.

Посредством программы «Родовой сертификат» в нашей области осуществлено оснащение женских консультаций и родовспомогательных учреждений современным медицинским оборудованием и дорогостоящими медикаментами (фетальные мониторы, аппараты искусственной вентиляции легких для новорожденных и взрослых, электрокардиографы, инкубаторы для интенсивной терапии новорожденных). Программа позволила повысить заработную плату медицинских работников: у врачей она возросла по сравнению с 2006 г. на 25%, у среднего и младшего медицинского персонала – на 21% [16].

В настоящее время пройден первый этап реализации программы «Родовой

сертификат», цель которого состояла в повышении материальной заинтересованности медицинских учреждений в предоставлении качественной медицинской помощи. Теперь, по мнению исследователей, важнейшим направлением работы учреждений здравоохранения становится обеспечение надлежащего характера медицинской помощи в рамках акушерско-гинекологической службы [17; 18].

Важной в социальном плане является психологический компонент в системе медицинской помощи беременной женщине. Основная причина недовольства и негативного отношения беременных к сотрудникам женской консультации имеет не медицинскую, а психологическую природу [18].

С первого и до последнего дня беременности женщина должна быть окружена вниманием специалистов. Только взаимодействие всех социальных институтов, ориентированных на предотвращение неблагоприятных воздействий на беременную женщину, реализация профилактических программ, наряду с улучшением диагностики, лечения, использованием современных медицинских технологий, способно решать стратегические задачи по улучшению качества жизни беременных и формированию готовности к роли матери.

С целью изучения мнения беременных об организации работы женских консультаций в контексте введения родовых сертификатов нами было проанкетировано 599 беременных женщин, находящихся под диспансерным наблюдением в женских консультациях Саратова. Выборку составили беременные женщины, средний возраст $26,3 \pm 12,5$ года. Большинство респонденток замужем (64%), 30,5% состоят в гражданском браке, 5% позиционируют себя как «одинокие», 71% беременных не имеют детей.

По параметру «социально-профессиональное положение» наибольший удельный вес имеют служащие – 28,5%. Среди респондентов домохозяйки составили 21,9%, высококвалифицированные специалисты 20%, студенты 14,2%. Среди опрошенных 39,8% имеют высшее образование, среднее специальное – 31,9%, 26,4% – среднее, незаконченное среднее – 1,9%.

Анализ жилищно-бытовых условий показал, что 57,9% проживают в благоустроенных квартирах, 22,1% – в собственных домах, 20% снимают жилье или живут в общежитиях; 71,2% респондентов проживают отдельно от родителей.

Из числа опрошенных женщин 21,3% оценивают свой уровень материального достатка как высокий, 74,1% как средний, 4,6% как низкий.

Статистическая обработка данных выполнялась при помощи программного пакета Statistica 6.1. Сравнение переменных производилось при помощи критерия парных сравнений Вилкоксона. Сравнение групп осуществлялось с использованием U-критерия Манна – Уитни. Надежность используемых статистических оценок принималась не менее 95%.

Отвечая на вопрос «Какие параметры в работе женской консультации важны для Вас в наибольшей степени?», все респонденты указали высокую квалификацию акушеров-гинекологов, комфортность условий и отсутствие очередей; 99% респондентов выбрали вариант ответа «вежливость и доброжелательность персонала», 55% – «медицинская оснащенность учреждения», 18% – «соблюдение стандартов медицинского обслуживания».

По вопросу «По каким параметрам Вы выбрали для посещения именно эту

поликлинику?» получены следующие данные: удобство расположения отметили 66,7% женщин, бесплатное обслуживание – 16,7% респондентов, рекомендации родных и знакомых – 13,3%, знакомство с персоналом женской консультации – 3,3%.

Респондентам было предложено по пятибалльной системе оценить собственную удовлетворенность объемом лечебно-диагностической помощи, оказываемой во время беременности. Средняя оценка по данному параметру составила 3,4 балла \pm 0,91. При определении оптимальной структуры и содержания медицинской помощи во время беременности респонденты единогласно выбрали осмотр акушера-гинеколога, комплексное диагностическое обследование (99%), осмотры узких специалистов (88%), консультацию психотерапевта (48%), социального работника (3%). Степень доверия к врачу оценивается респондентами в 3,3 балла \pm 0,89, доброжелательность врача в 3,7 балла \pm 0,73.

Размышляя над вопросом «Как повлияло на качество оказания медицинской помощи введение родовых сертификатов?», 79,5% женщин подчеркнули большую заинтересованность медицинского персонала, улучшение оснащенности медицинским оборудованием, лекарственными средствами, возможность выбрать врача, уверенность в поддержке со стороны государства; 82% опрошенных отметили, что поступили под наблюдение врачей женской консультации для получения квалифицированной медицинской помощи.

На вопрос «Возникают ли у Вас трудности в общении с наблюдающими Вас врачами?» 74,8% женщин ответили отрицательно; 25,2% посетовали, что информация, исходящая от врача, часто носит негативный характер. В беседах с пациентками обсуждаются возможные осложнения в течении беременности, врачи не комментируют результаты исследований, невнимательны к пациентам, торопливы.

Таким образом, родовой сертификат как инструмент, направленный на оптимизацию медицинской помощи в период беременности, гармонично вписывается в систему современной социальной политики в области охраны материнства и детства. Введение родовых сертификатов обеспечивает решение задач, основной из которых является медико-социальная помощь во время беременности. Учитывая важную роль социально-психологической помощи беременным женщинам и ее влияние на течение и исход беременности, целесообразно, с нашей точки зрения, увеличение затрат на развитие данной сферы деятельности женской консультации за счет средств, получаемых медицинскими учреждениями по родовому сертификату.

Библиографический список

1. Суханова Л.П., Скляр М.С., Уткина Г.Ю. Современные тенденции репродуктивного процесса и организации службы родовспоможения в России // *Здравоохранение Российской Федерации*. 2008. № 5. С. 37–39.
2. Андрюшина Е.В., Катков Н.П., Катков В.Н. Рождаемость и общественное здоровье // *Народонаселение*. 2007. № 2. С. 54–76.
3. Кулаков В.Н., Фролова О.Г. Репродуктивное здоровье в Российской Федерации // *Народонаселение*. 2004. № 3. С. 60–66.
4. Стародубов В.И. Здоровье населения России в социальном контексте 90-х годов: проблемы и перспективы. М., 2003.

5. *Величковский Б.Т.* Реформы и здоровье населения страны: (пути преодоления негативных последствий). М., 2001.
6. Здоровье детей России / под ред. А.А. Баранова. М., 1999.
7. *Гармашева Н.П., Константинова Н.Н.* Введение в перинатальную медицину. М., 1978.
8. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года [официальный сайт Мин-ва образ. и науки РФ]. URL: <http://mon.gov.ru/press/news/4194/>
9. Краткие итоги выборочного обследования «Семья и рождаемость» / Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2010/family.htm
10. Послание Президента Федеральному Собранию. [М., 2010]. URL: <http://news.kremlin.ru>
11. Материнство и здоровье детей: проект. URL: <http://www.rost.ru/>
12. О родовом сертификате: приказ Минздравсоцразвития РФ от 28 нояб. 2005 г. № 701. URL: <http://www.minzdravsoc.ru>
13. *Гусева Е.В., Филиппов О.С.* Динамика состояния службы родовспоможения в ходе реализации Национального проекта «Здоровья» // Здравоохранение Российской Федерации. 2008. № 4. С. 7–10.
14. Национальный проект «Здоровье», реализуемый в Саратовской области [сайт, 2010]. URL: http://sarmo.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=174&Itemid=621
15. Реализация проекта «Здоровье» на территории Саратовской области в 2010 году. URL: <http://minzdrav.saratov.gov.ru>
16. Подведены первые итоги реализации программы «Вместе с ребенком рождается мама». URL: <http://minzdrav.saratov.gov.ru>
17. *Касьянова О.А.* Социально-психологические факторы подготовки женщин к беременности, родам и материнству. Саратов, 2009.
18. *Деркунская Ю.С.* Опыт взаимодействия с медицинскими структурами при подготовке беременных женщин к родам [докл. на конф. «Естественные роды – роды XXI века» (Ярославль, январь 2009)]. URL: <http://naturalbirth.ru/public/kostroma.php>

T.V. Kovalchuk
Health and Reproductive
Behavior of Higher School Youth:
Results of Sociological Research

Health and reproductive behavior of high school youth is considered. Results of sociological research of students' lifestyle and reproductive behavior are cited.

Key words and word-combinations: health, lifestyle, reproductive behavior.

Рассматриваются здоровье и репродуктивное поведение вузовской молодежи. Приведены результаты социологического исследования образа жизни и репродуктивного поведения студентов.

Ключевые слова и словосочетания: здоровье, образ жизни, репродуктивное поведение.

УДК 316:61:316.34/.35
ББК 60.561.6:60.54

Т.В. Ковальчук

**ЗДОРОВЬЕ
И РЕПРОДУКТИВНОЕ
ПОВЕДЕНИЕ
ВУЗОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
РЕЗУЛЬТАТЫ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

В системе социальных ценностей и приоритетов общества важное место занимает сохранение здоровья. В современных усло-

виях оно перестает быть только личным делом человека, являясь мощным социальным, экономическим, трудовым, демографическим, культурным и духовным потенциалом любого общества. При этом в силу ряда причин отношение российского населения к своему здоровью представляет собой отдельную социологическую проблему.

Научные исследования свидетельствуют, что существует как минимум три типа отношения: самосохранительное, равнодушное, саморазрушительное [1, с. 44]. Они порождают соответствующие модели поведения, связанные в своих крайних проявлениях со здоровым (двигательная активность, нормальное питание) или же, напротив, разрушительным (наркомания, алкоголизм, табакокурение) образом жизни. Природа позаботилась о персональном ресурсе здоровья, снабдив людей от рождения структурной и сенсорной информационными системами, обладающими способностью к саморегуляции и поддержанию жизни. От того, как они будут этим распоряжаться, в каких условиях жить, в конечном счете от образа жизни зависят их активность и долголетие. В то же время забота о собственном здоровье не является значимой ценностью в сознании существенной части российского населения.

Кризисное состояние российского общества особенно болезненно отразилось на основных тенденциях социально-демографической эволюции населения. Сильнее всего подверглись деформации основные демографические показатели, в целом влияющие на геополитическую безопасность государства [2, с. 162–163].

Формирование здоровья нации в значительной степени зависит от образа жизни граждан страны. Создание у них стойкой мотивации к установкам, направленным на здоровый образ жизни, на утверждение нравственных семейных ценностей – насущная проблема. На демографическую ситуацию в России влияет много факторов, и лишь при выявлении и детальном анализе причин возникновения депопуляции населения возможен поиск оптимальных путей решения данной проблемы и определение приоритетных направлений политики государства в этой области.

Процесс снижения рождаемости имеет множество причин, среди которых можно выделить переход населения России к новому типу брачно-семейных отношений и репродуктивного поведения населения. В системе ценностей общества произошло разрушение норм высокой рождаемости, отпали запреты на предупреждение и прерывание беременности, добрачные связи и разводы, а это, в свою очередь, привело к падению статуса брака и семьи, репродуктивного и сексуального поведения. Все большую популярность стали приобретать неформальные брачные союзы, рождаемость в которых традиционно ниже, чем в юридически оформленных браках.

Низкий уровень рождаемости ведет к убыли населения страны; в условиях кризиса семьи отказываются от рождения желанных и планировавшихся детей. Наряду с фундаментальными факторами, определяющими изменения репродуктивных установок населения России в соответствии с общеевропейскими тенденциями, а также социально-экономическими факторами последнего десятилетия в стране, важную роль в формировании рождаемости играет уровень репродуктивного здоровья и репродуктивное поведение. Состояние

репродуктивного здоровья приобретает все большее значение в осуществлении демографической политики, направленной на преодоление депопуляции [3, с. 16–17].

Глобальное снижение рождаемости в нашей стране происходит на фоне весьма заметного ухудшения репродуктивного здоровья российских женщин, отказа от рождений. Состояние здоровья женщин – серьезный показатель состояния общества [4, с. 3]. Женщины относятся к той части населения, которая, наряду с детьми, наиболее чувственно реагирует на все изменения в общественной, экономической и социальной жизни страны, прежде всего состоянием своего здоровья, репродуктивным поведением и качеством здоровья своих детей. Значительное ухудшение состояния репродуктивного здоровья женщин стало непосредственной причиной низкой рождаемости [5, с. 123]. Серьезное беспокойство вызывает распространенность среди девушек болезней, передаваемых преимущественно половым путем и оказывающих отрицательное влияние на формирование репродуктивного здоровья [6, с. 4].

Социальная ценность здоровья определяется позицией оценки, которую индивиды или группы занимают по отношению к здоровью, приписывая ему значимую роль в жизни и стремясь делать все возможное, чтобы сохранить его и использовать как жизненный ресурс. Анализ результатов опросов показывает, что именно индивидуальные субъективные характеристики человека определяют его отношение к здоровью и, соответственно, к здоровьесберегающему поведению. Сегодня крайне необходимы конкретные практические шаги в утверждении позитивных ценностных ориентаций, формировании у молодежи демографического и, в частности, репродуктивного поведения, связанного с утверждением демографических установок и ориентаций на создание в ближайшем будущем семьи, воспитание и обучение детей.

С целью исследования процессов формирования ценностных ориентаций молодежи на здоровье, здоровый образ жизни и репродуктивное поведение, в декабре 2010 г. проведено анкетирование студентов – третьекурсников Саратовского государственного социально-экономического университета. Опрос проводился на шести факультетах по квотной выборке (по 50 студентов от факультета, всего 300 человек). При анализе результатов исследований использовались одномерные распределения: по возрасту – 20–21 год; по половому признаку: мужчины – 32%, женщины – 68%; по медицинским группам: не имеющие отклонений в состоянии здоровья юноши – 78%, девушки – 67%, что говорит о довольно высоком уровне соматического здоровья молодежи. Студенты с отклонениями в состоянии здоровья отнесены к специальной группе и составили 22% (юноши) и 33% (девушки).

О степени поддержания здорового образа жизни студентами-третьекурсниками говорят итоги опроса.

Двигательная активность респондентов поддерживается регулярными посещениями занятий по физической культуре. Утреннюю физическую зарядку выполняют всего 27% юношей, девушки более активны (48%). К закаливающим процедурам отношение примерно на одном уровне – 41% и 39% соответственно юноши и девушки, что говорит о недооценке данного компонента под-

держания организма в режиме адаптации к отрицательным воздействиям окружающей среды.

На пути формирования зрелой личности привитие навыков здорового образа жизни, считают старшекурсники, принадлежит в первую очередь родителям – 86% юношей и 92% девушек. Далее по значимости определяют юноши друзей, преподавателей физической культуры, всех преподавателей вуза, тренера в спортивной секции и средства массовой информации. У девушек в оценке приобретения к здоровому образу жизни после родителей определяются преподаватели физической культуры, все преподаватели вуза, друзья, тренер в спортивной секции и средства массовой информации. Таким образом, единодушное мнение юношей и девушек: семья является основным ядром формирования здорового образа жизни подрастающего поколения.

Субъективная оценка здоровья выразилась в следующих показателях: здоров(а) – 48% юношей, 33% девушек; хорошее здоровье – 32% юношей и 28% девушек; удовлетворительное (хотя есть некоторые проблемы со здоровьем) – 20% юношей и 39% девушек. Необходимо отметить, что девушки более критично относятся к самооценке своего здоровья, что соотносится с исследованиями женской модели самосохранительного поведения [7, с. 134–135].

Опрос выявил степень сформированности здорового образа жизни в семье у респондентов и его связь с занятиями спортом и активным отдыхом. 61% юношей и 58% девушек подтвердили довольно высокую двигательную активность и бережное отношение к здоровью, что положительно сказывается на будущем нравственном семейном образе жизни и формировании здоровой семьи. 93% юношей и 96% девушек желают, чтобы члены их будущей семьи вели здоровый образ жизни, занимаясь спортом и активным отдыхом. Риск здоровью будущего ребенка, его рождения с отклонениями увеличивается, если один из родителей или оба курят, употребляют алкоголь, наркотики – убеждены 95% юношей и 97% девушек.

В контексте с проблемами репродуктивного здоровья населения респондентам задан ряд вопросов. Самооценка репродуктивного здоровья выразилась в следующих ответах: здоровы – 78% юношей и 63% девушек; удовлетворительное здоровье (хотя и есть некоторые проблемы) – 22% юношей и 37% девушек. Такой высокий процент отклонений в репродуктивных функциях студентов связывают с половой жизнью молодежи 57% юношей и 64% девушек. Возраст вступления в половые отношения распределился следующим образом: у юношей в 16 лет – 7%, 17 лет – 12, 18 лет – 36, 19 лет – 2%; у девушек в 15 лет – 10%, 16 лет – 38, 17 лет – 16%. Таким образом, девушки начинают жить более ранней половой жизнью. При этом методы контрацепции используются следующим образом: у юношей – применение презерватива – 44%, прерванный половой акт – 12%, не предохраняется 1%; у девушек 38% используют презерватив, 26% – противозачаточные таблетки. Но несмотря на использование определенных методов контрацепции, 12% студенток указали на случаи искусственного прерывания беременности, что в свою очередь влечет ряд осложнений в репродуктивном здоровье.

Незначительная часть наших респондентов состоит в гражданском браке –

8% юношей и 12% девушек. 93% юношей считают приемлемым вступление в брак в возрасте 25–30 лет; 42% девушек – 20–25 лет, 57% – 20–30 лет. Для создания полноценной семьи 12% юноши хотели бы вступить в брак в возрасте 20–25 лет, а 76% старшекурсников планируют создание семьи в 25–30 лет. 31% девушек планируют создание семьи в 20–25 лет, 49% – в 25–30 лет. Сроки создания супружеской жизни откладываются из соображений карьерного роста, а значит откладывается и рождение детей.

По мнению старшекурсников, в семье должен быть один ребенок (41% юношей); два ребенка (53%); три ребенка (6%). 22% девушек считают, что семья может быть однодетной; 70% – два ребенка в семье, 8% – три ребенка, то есть большинство девушек считают нормой семью с двумя детьми. В реальности 21% юношей откладывают рождение детей до «лучших времен»; 56% планируют иметь двоих детей, 23% – троих детей. Девушки примерно так же планируют рождение своих детей: 18% откладывают рождение детей до «лучших времен»; 61% хотят иметь двоих детей, 19% – троих детей и только 2% – четверо детей и более.

Таким образом, результаты исследования показали, что вузовская молодежь имеет отклонения в репродуктивном здоровье, связанные с ранним вступлением в половую жизнь; причем девушки начинают половую жизнь раньше, чем юноши. В рамках установок на рождение детей большинство юношей и девушек считают «идеальным» и «планируемым» двое детей в семье, и только небольшая часть опрошенных планируют иметь троих и более детей. Примерно такая же часть откладывают рождение детей «до лучших времен».

Таким образом, несмотря на хорошее в целом состояние здоровья, у молодежи преобладает ориентация на рождение одного – двоих детей в семье, что не улучшит никоим образом демографическую ситуацию в стране. Для изменения сложившейся ситуации, на наш взгляд, необходим комплекс мер со стороны государства и реализация программ, направленных не только на улучшение здоровья молодежи в общем и репродуктивного здоровья в частности, но и на формирование установок на трех-четырёхдетную семью, что будет способствовать улучшению демографической ситуации в России.

Библиографический список

1. Шклярчук В.Я. Здоровье в системе самосохранительного поведения рабочих // Известия Саратовского университета. 2008. Т. 8, вып. 2.
2. Шабанов Я.В. Демографическая ситуация и демографическая политика в постсоветской России // Вестник СГСЭУ. 2010. № 2 (31).
3. Землянова Е.В. Репродуктивное здоровье женщин как фактор рождаемости в России: дис. ... канд. социол. наук. М., 2003.
4. Здоровье женщин России: анализ. докл. (экономические, социальные, экологические, правовые и медицинские аспекты). М., 1998.
5. Баранова Е.Л. Репродуктивные установки женщин России // Социально-экономические механизмы роста экономики и качества жизни: сб. науч. статей / под ред. Ю.Г. Быченко. Саратов, 2007.
6. О возможных путях демографического развития России в первой половине XXI века: по материалам Госкомстата России // Вопросы статистики. 2002. № 3.
7. Шилова Л.С. Трансформация женской модели самосохранительного поведения // Социология медицины. 2000. № 2.

E.A. Zinoveva
The Problem of Differentiating
Factors of Equality
in Educational Space

The equality factors in the modern space of higher school are grounded on the basis of the empirical data. The factors are differentiated from the position of forecasting the strategy of equality-based behavior in the space of high schools.

Key words and word-combinations: availability and quality of education, equality, the factor of equality, human capital.

На основе эмпирических данных обосновываются факторы равноправия в современном пространстве высшей школы. Факторы дифференцируются с позиции прогнозирования стратегий равноправного поведения в пространстве вузов.

Ключевые слова и словосочетания: доступность и качество образования, равноправие, фактор равенства, человеческий капитал.

УДК 316.74:37
ББК 60.561.9

Е.А. Зиновьева

ПРОБЛЕМА
ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
ФАКТОРОВ РАВНОПРАВИА
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ

Становление российской реальности как пространства либеральных ценностей предполагает смену парадигмы развития, в том числе в области образования. С одной стороны, университеты сегодня трансформируются в экономические корпорации, выступая в качестве самостоятельных субъектов на рынке образовательных услуг. В условиях разворачивающейся достаточно острой конкуренции они любыми способами привлекают студентов, которые рассматриваются как клиенты. Те, в свою очередь, будучи «рыночно ориентированными», оценивают предлагаемые им образовательные услуги по их актуальности, эффективности, доступности, сервисному сопровождению. С другой стороны, образование относится к важнейшим общественным благам и является ключевым элементом социальной жизни. Оно традиционно воспринимается как сфера инвестиций семей и индивидов в собственный человеческий капитал, как доступный социальный лифт, предоставляющий возможности для вертикальной мобильности и построения сбалансированной стратификационной структуры общества в целом.

В настоящее время российское общество переживает невероятный по европейским масштабам рост социально-экономического неравенства, который привел фактически к созданию двух систем образования – для бедных и богатых. Образовательные учреж-

дения находятся в сложной ситуации, обусловленной различным пониманием самого общества в целом и целей обучения в частности. В данном контексте образование становится «символическим полем битвы... окончательным испытанием государственной политики, подвергающим проверке наше видение общественных целей» [1, с. 4–9].

Идеальным вариантом видится такая система образования, которая давала бы высококачественное и одновременно доступное широким слоям населения образование [2, с. 309–319]. Однако большинством специалистов качество и доступность воспринимаются как две противоположности, располагающиеся на разных концах континуума. Двигаться в сторону одной цели означает отойти от другой; если достигается одна, то это делается за счет отдаления от другой. Вот почему равенство образовательных возможностей представляется одной из острейших проблем современной социологической науки.

Это понятие развивалось на протяжении многих лет, и разные ученые интерпретировали его по-своему. Исследование указанной проблематики начинается, как правило, с рассмотрения схожих черт и различий студентов, поступающих в вуз. Как показал в свое время П. Бурдьё, школы и университеты ретранслируют изначально неравные социоэкономические условия в различную степень одаренности обучающихся. Это приводит к ситуации, когда в вузы, номинально открытые для всех, на деле попадают обладатели определенных габитусов, усвоившие необходимые социальные и культурные диспозиции [3, с. 72]. Ситуация усугубляется еще и тем, что неравенство учеников накладывается на неравенство школ и вузов [4, с. 271]. Малообеспеченные учащиеся или те, кто поставлен в худшие условия в силу удаленности места жительства или инвалидности, имеют меньше возможностей получить место в вузе и вообще продолжить свое образование [5]. При этом в упрочении селективной системы активно принимают участие группы с наиболее высоким образовательным капиталом.

В России на протяжении всего советского периода образовательная политика была направлена на создание и воспроизводство интеллигенции. Став результатом и основным бенефициарием этой политики, «интеллигенция стремилась сохранить за собой образовательные привилегии, последовательно поддерживая введение все более и более селективных механизмов отбора, которые, если и не закрывали для социально чуждых доступ к высшему образованию как таковому, то препятствовали их проникновению в его элитарные формы» [6, с. 61]. Исходя из нашего опыта, в качестве иллюстрации отметим, что в провинциальном государственном вузе среди студентов первого курса отсутствуют представители социальных слоев ниже среднего уровня. Как правило, студентами такого вуза становятся дети семей, в которых доход на одного члена превышает так называемую среднюю стоимость потребительской корзины.

Понятие «равенство возможностей» привычно ассоциируется с образовательной политикой, обеспечивающей компенсаторное и специальное образование для учащихся, имеющих проблемы с учебой по определенной причине – будь то экономический уровень семьи, социальная принадлежность, раса, инвалидность или пол. В большинстве случаев исследователи этого явления исходят

из того, что успех студентов в вузе должен зависеть от способностей и усилий, а не от социального положения и благосостояния. Однако существуют различные мнения относительно того, в какой мере вуз должен компенсировать социальное неравенство: от неоконсервативной позиции, предусматривающей защиту основных прав, до социально-демократической позиции, подразумевающей перераспределение экономических благ [7, с. 18]. Расхождение позиций существует и относительно средств достижения обозначенных целей, и по вопросам, достижимо ли равенство вообще и можно ли его максимизировать, работать ли с разными (по тем или иным характеристикам) учащимися в группе или по отдельности. Данное противостояние описывается как «дилемма различий» [8, с. 48]. Однако равенство образовательных возможностей в целом ориентировано на уменьшение, если не на устранение препятствий для получения образования представителями меньшинств, имеющих высокий уровень притязаний и соответствующие образовательные ценности.

В специальных источниках встречаются различные подходы к толкованию указанных терминов, и они требуют пояснения. Так, препятствия для получения образования относятся к условиям, мешающим студентам извлекать пользу из образовательного опыта. Под меньшинством подразумевается определенная часть общества, которая часто, но не всегда малочисленна по сравнению с доминирующей (многочисленной) группой; к ней нередко относятся недоброжелательно; она характеризуется наличием меньшей власти. Так, учащиеся-инвалиды образуют одну из групп, которые де-факто не имеют равного с другими людьми доступа к образовательным возможностям. Эти учащиеся часто маргинализированы или выброшены образовательной системой.

На наш взгляд, инклюзия сегодня с полным правом может считаться одним из приоритетов государственной образовательной политики России, способствуя более полному развитию человеческого потенциала, формированию чувства достоинства и самоуважения, реализации прав человека, основных свобод и человеческого многообразия. Очевидно, вузам следует развернуть более активную деятельность по обеспечению доступности высшего образования, созданию безбарьерной среды и внедрению новых технологий обучения для инвалидов.

В России действует подписанная в сентябре 2008 г. Конвенция ООН по правам инвалидов. Согласно ст. 24 Россия признает право инвалидов на образование и обеспечивает это право на принципах инклюзии, то есть инвалиды должны иметь доступ к общему высшему образованию, профессиональному обучению, образованию для взрослых и обучению в течение всей жизни без дискриминации и наравне с другими. Однако образовательный выбор абитуриента с инвалидностью все еще весьма узок, а доля инвалидов, обучающихся в российских вузах, значительно меньше, чем в странах Европы, США, Австралии. Так, по данным на 2009 г., в вузах Саратова обучаются 570 сирот и 340 инвалидов при общей численности студентов в 129 тыс. человек (в развитых странах Европы, США и Австралии данный показатель достигает 5% от общего числа обучающихся в вузах) [9, с. 130].

В нашей стране всеобщее равенство в доступе к образованию формально было провозглашено еще при социализме. Для облегчения доступа к высшему

образованию лиц разных национальностей и рабоче-крестьянского происхождения были сформированы так называемые рабфаки (с льготным приемом целевых отдельных групп населения). Действовали квоты по приему в центральные высшие учебные заведения представителей различных национальностей. В период позднего социализма функционировали специализированные школы-интернаты для особо одаренных детей. Проводимая политика имела заметную гендерную составляющую. В результате представленность девушек среди студентов вузов возростала весь период строительства социализма. Интересно, что в период радикальных экономических реформ эти процессы не прервались.

Но, тем не менее, среди всех мужчин старше 15 лет доля имеющих высшее образование до сих пор остается более высокой, чем у женщин этого возраста: на 1000 мужчин старше 15 лет приходится 138 человек с высшим образованием, у женщин – 130. Однако на смену старшим поколениям, в которых доля женщин с высшим образованием существенно меньше, чем у мужчин, приходят поколения, для которых характерно обратное. Так, если у мужчин и женщин старше 70 лет доли тех, кто имеет высшее образование (они его получали в 1940–1950-х годах), различаются в 2,8 раза в пользу мужчин, а у 65–69-летних – уже в 1,6 раза, то среди 25–29-летних различие – в 1,4 раза, но уже в пользу женщин [10, с. 37].

Кроме того, на излете социализма выяснилось, что с точки зрения «равенства прав и возможностей для мужчин и женщин» именно образование является наиболее благополучным по сравнению с другими сферами жизнедеятельности. Так, социологический опрос, проведенный Госкомстатом СССР накануне радикальных экономических перемен, показал, что женщины ощущают неравенство с мужчинами в первую очередь в уровне оплаты и условиях своего труда и в последнюю очередь – в получении образования. При этом сказанное справедливо как для жительниц городских поселений, так и жительниц сельской местности [11, с. 47].

Необходимо подчеркнуть, что система высшего образования была не идеальна и ее невозможно назвать реально равнодоступной для всего населения страны, поскольку существовал запрет на обучение женщин по ряду профессий, фактически отсутствовали условия для обучения инвалидов. Кроме того, существовали неформальные или негласные ограничения (или, наоборот, дополнительные возможности, например система «блата») на прием в высшие учебные заведения.

С началом рыночных отношений ситуация с общедоступностью высшего образования для населения изменилась в худшую сторону. Принципиальным обстоятельством здесь стало кардинальное изменение состава факторов, искаряющих пространство равного доступа к образованию: если в социалистические времена главенствовал идеологический фактор, то в настоящее время можно говорить фактически уже о целой совокупности таких факторов, доминирующим из которых стал экономический.

Сегодня значительная часть родителей не в состоянии ни при каких обстоятельствах заплатить за подготовку своего ребенка к поступлению в вуз, за его обучение, поскольку имеет доходы ниже прожиточного минимума, который, в

свою очередь, не включает в себя оплаты образования. В сочетании со стремительно ухудшающимся качеством обучения в государственных школах это приводит к росту неравенства в доступе к высшему образованию населения с разным уровнем дохода.

Кроме того, доступ к высшему образованию становится все более дифференцированным и в зависимости от места проживания потенциальных абитуриентов. Исследования последних лет все чаще свидетельствуют о том, что для подавляющего большинства выпускников средних школ, проживающих в российской провинции и желающих получить высшее профессиональное образование, все более значимым становится фактор «близости» учебного заведения к родному дому. Так, исследования показали, что основным фактором при поступлении жителей окрестных сел в Балаковский институт техники, технологии и управления стало нахождение его в доступных территориальных пределах (по отношению к областному центру и, тем более, к Москве или Санкт-Петербургу).

Таким образом, поскольку условия доступа мужчин и женщин к высшему образованию за последние годы формально не изменились – более того, идеологический фактор потерял свою силу, то можно предположить, что сегодня фактическое неравенство складывается за счет иных неформальных механизмов. Наиболее вероятными из них, на наш взгляд, могут быть дискриминация со стороны учреждений высшей школы (если они по каким-либо причинам в большей степени заинтересованы в приеме на обучение юношей, чем девушек) и особые предпочтения со стороны семьи или ближайшего окружения (если в нашей стране под влиянием социально-экономической обстановки формируется или уже сформировался стереотип о большей пользе образования для мальчиков, чем для девочек).

Исходя из результата проведенного теоретического исследования и анализа вторичных социологических данных, следует вывод, что препятствия к получению образования проистекают из социальных и экономических факторов. Однако такое узкое рассмотрение приводит к суждению, что не все меньшинства сталкиваются с препятствиями к получению образования и не каждому представителю группы, испытывающей препятствия, нужна специальная помощь. На наш взгляд, политика равных образовательных возможностей должна учитывать тех, кто не является представителем таких групп, но кому необходима помощь.

Представляется, что ни один из факторов дифференциации доступности высшего образования (место жительства, социально-профессиональный статус семьи, культурный и экономический капитал, институциональный фактор), взятый в отдельности, не является главным или решающим при формировании ориентаций на получение высшего образования. Однако в совокупности они дают кумулятивный эффект, определяющий мотивации и особенно практики накопления ресурсов для поступления в вуз, сопутствующие этим мотивациям.

Библиографический список

1. *Bonstingl J.J.* The quality revolution in education // *Educational Leadership*. 2002. V. 50, № 3.
2. *Blits J.H.* Equality of opportunity and the problem of nature // *Educational Theory*. 2000. V. 40.
3. *Бурдье П.* Университетская докса и творчество: против схоластических деяний. М., 2001.

4. Константиновский Д.Л. Неравенство и образование. М., 2008.
5. Обзор национальной образовательной политики. Высшее образование и исследования в Российской Федерации. М., 2000.
6. Шаповская Л.Л. Советская образовательная политика: социальная инженерия и классовая борьба // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7, № 1.
7. Salomone R.C. Equal education under law: Legal rights and federal policy in the post-Brown era. New York: St. Martin's Press, 1986.
8. Minow M. Making all the difference: Inclusion, exclusion and American law. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1990.
9. Алешина М.В., Плева И.Р. Социальный лифт или социальное исключение? // Высшее образование в России. 2009. № 11.
10. Фрумлин И.Д. Основные подходы к проблеме равенства образовательных возможностей // Образовательная политика. 2009. Т. 1, № 1.
11. Кликунов Н.Д., Окорочков В.М. Рынок и доступность высшего образования // Университетское управление: практика и анализ. 2005. № 1 (34).

I.V. Nazarova

**Organization of Self-Study
in a Higher Education Institution
as a Means of Professional
and Creative Self-Development
of Students**

Students' self-study is considered as a means of their professional and creative self-development. The essence of self-study in a university is revealed, its components are considered, as well as conditions conducive to the effectiveness of students' self-study and self-development.

Key words and word-combinations: self-study, professional and creative self-development of students, the program of self-study organization.

Самостоятельная работа студентов рассматривается как средство профессионально-творческого саморазвития студентов. Раскрывается сущность самостоятельной работы в вузе, рассматриваются ее компоненты, а также условия, способствующие эффективности самостоятельной работы студентов и их саморазвитию.

Ключевые слова и словосочетания: самостоятельная работа, профессионально-творческое саморазвитие студентов, программа организации самостоятельной работы.

УДК 378+371.3
ББК 74.58+74.202

И.В. Назарова

**ОРГАНИЗАЦИЯ
САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ
В ВУЗЕ В ЦЕЛЯХ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-
ТВОРЧЕСКОГО
САМОРАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ**

Переход российской системы высшего образования на стандарты третьего поколения предусматривает возрастание роли самостоятельной работы студентов в обучении. По мнению В.И. Загвязинского, именно самостоятельная работа студентов формирует «готовность к самообразованию, создает базу непрерывного образования (образования через всю жизнь), возможность повышать свою квалификацию, а если нужно, переучиваться, быть сознательным и активным гражданином и созидателем» [1, с. 154].

Самостоятельная работа несет в себе огромный потенциал и может способствовать

расширению и углублению знаний студентов, формированию творческих способностей, а также интереса к учебно-познавательной и практической профессиональной деятельности. Она стимулирует самоорганизацию обучающихся, приучает их планировать свою деятельность и реалистично оценивать свои возможности. Самостоятельная работа вскрывает внутренний потенциал личности, заставляет формировать свою базовую культуру. В целом она интенсифицирует механизмы саморазвития студента.

Вместе с тем практикуемые в настоящее время в вузе формы самостоятельной работы в основном предполагают закрепление и повторение изученного материала с последующим применением его на практике, что сегодня уже явно недостаточно. В процессе такой деятельности не происходит накопления опыта творческого применения приобретаемых знаний.

С методических позиций самостоятельную работу «следует рассматривать как вид учебно-познавательной деятельности, стимулирующей потребность в самообразовании, самообучении и непрерывном профессиональном самосовершенствовании» [2, с. 80]; ее элементы необходимо включать на всех этапах учебного процесса.

Базируясь на исследованиях М.С. Кагана, П.И. Пидкасистого, Т.И. Шамовой, В.А. Сластенина, В.И. Андреева, Е.В. Корольковой и других отечественных педагогов, предлагается выделить следующие компоненты самостоятельной работы студента:

- мотивационно ориентирующий;
- организационно планирующий;
- содержательно-деятельностный;
- творческий;
- рефлексивный.

Мотивационно ориентирующий компонент самостоятельной работы является базовым и соответствует первому компоненту саморазвития – самоопределению, позволяющему интегрировать студента в профессиональную позицию и сделать его деятельность процессом, обеспечивающим профессионально-личностный рост и профессионально-творческое саморазвитие человека. *Организационно планирующий компонент*, предполагающий развитие у студентов умений ставить цели и планировать свою самостоятельную работу, соотносится с самоорганизацией – вторым компонентом саморазвития. Организация самостоятельной работы студентов, предполагающая создание для каждого индивидуальной траектории, с точки зрения содержания и видов самостоятельной деятельности (*содержательно-деятельностный и творческий компоненты*), способствует формированию навыков самообразования. Развитие *рефлексивного компонента* самостоятельной работы, состоящего в умении соотнести полученный результат с поставленной целью, необходимо для самореализации студента, процесса раскрытия и реализации его сущностных сил в учебно-профессиональной деятельности.

Эффективность самостоятельной работы студента зависит от ее организации, содержания и логики учебного процесса, от результатов ее выполнения студентами [3, с. 11]. Такое понимание сущности самостоятельной работы позволяет учитывать внешнюю и внутреннюю стороны рассматриваемого понятия.

С точки зрения педагогического руководства, самостоятельная работа есть деятельность преподавателя по определению содержания и объема самостоятельной работы и контролю процесса и результата ее выполнения студентом для стимулирования его профессионально-творческого саморазвития. С точки зрения студента, самостоятельная работа представляет собой самостоятельно осуществляемую субъектом деятельность, планируемую и контролируруемую им самим с целью своего профессионально-творческого саморазвития. С одной стороны, самостоятельная работа выступает в качестве педагогического средства организации и управления самостоятельной деятельностью студента в учебном процессе; с другой – представляет собой специфическую форму учебного и научного познания, осуществляемого самим студентом, является средством его самовыражения. В обоих случаях самостоятельная работа стимулирует саморазвитие студентов, поэтому можно говорить о *двуединой сущности самостоятельной работы* студентов в системе учебного процесса в высшей школе, как *со-деятельности преподавателя и студента*.

Основываясь на изложенных методологических позициях, была разработана и апробирована на практике программа организации самостоятельной работы по иностранному языку, нацеленная на повышение эффективности осуществляемой студентами самостоятельной работы. В структуре программы выделены диагностический, мотивационно стимулирующий, организационный, продуктивно-творческий и рефлексивно-оценочный этапы.

На *подготовительном* этапе проводилась диагностика индивидуальных, субъектных и личностных свойств обучаемых для формирования целостного представления преподавателя о каждом студенте, а студента – о себе (самопознание). С этой целью использовался метод наблюдения; анализировались уже имеющиеся результаты учебного процесса; применялись психолого-педагогические методики.

Специфика иностранного языка как дисциплины постоянно требует живого контакта преподавателя с обучающимися, поэтому без создания положительного эмоционального настроения невозможно достичь желаемых результатов в обучении. Задачей преподавателя на данном этапе было эмоционально-волевое стимулирование самостоятельной работы студентов, а задачей студентов – познание себя; раскрытие своего потенциала; осознание своих индивидуальных субъектных и личностных свойств; определение совместно с преподавателем стратегии саморазвития, самостоятельной работы по овладению иностранным языком.

На втором этапе – *мотивационно стимулирующем* – необходимо добиться повышения мотивации к изучению иностранного языка, с целью чего применялись специальные тестовые задания, раскрывающие актуальный и потенциальный уровни знаний студентов по иностранному языку, творческие способности и другие личностные качества студентов, побуждающие их к творческой рефлексии, осмыслению своих сильных и слабых сторон. На данном этапе использовались такие формы работы, как проведение страноведческих викторин, посещение выставок, экскурсии. Обучающимся демонстрировались возможности иностранного языка как средства общения и получения интересной информации. Задачей каждого студента было самовоспитание внутренней мо-

тивации к изучению иностранного языка: осознание себя специалистом, владеющим иностранным языком, а значит конкурентоспособным на рынке труда; понимание необходимости систематической самостоятельной работы над языком и приложении волевых усилий для этого.

Третий этап – *организационный* – направлен на стимулирование у студентов потребности в самоорганизации для проектирования самостоятельной работы, выбора траектории движения. Совместно с преподавателем студентами создавался индивидуальный план самостоятельной работы по иностранному языку, способствующий каждому оптимально организовать свою деятельность, двигаться в нужном для него темпе и направлении. Разработанный индивидуальный план не был жестко регламентированной схемой, однозначно предписывающей студентам отбор содержания их самостоятельной работы, видов и последовательности действий по ее осуществлению. Каждый студент должен уметь действовать компетентно не только при планировании своей самостоятельной работы, но и в процессе ее осуществления. Важно научить студентов самонаблюдению, сопоставлению получаемых результатов с запланированными. Большое значение при этом отводилось процедурам анализа накопленной информации, причин отклонений достигнутых результатов от ожидаемых и внесению необходимых корректив. Участие студентов в проектировании собственной самостоятельной работы должно было повысить меру их личной ответственности за ее результаты.

В целом основу этапа составляли факторы, способствующие повышению эффективности самоорганизации студентов, поэтому деятельность преподавателя состояла из следующих направлений: а) обучение целеполаганию, планированию самостоятельной работы, работе с учебным материалом, умению принимать оптимальные решения; б) побуждение студента к диалогу относительно его «Я-концепции» – «Я-реального» и «Я-идеального»; в) корректировку планов и программ, созданных студентами. Со стороны студентов предполагалось: а) изучение лучших образцов самоменеджмента; б) овладение навыками самостоятельной работы с учебным материалом, его преобразованием и применением в новых ситуациях; в) самоанализ, самоотчет по результатам сделанного за день, неделю, месяц, год с точки зрения продвижения в саморазвитии.

На четвертом – *продуктивно-творческом этапе* – проводилась работа по формированию готовности студентов к выполнению творческой самостоятельной работы как создания индивидуального результата на основе иноязычных умений и навыков, выражающегося в самостоятельном решении студентом коммуникативных задач; практическом использовании полученных знаний, в том числе и в новых ситуациях; поиске новых знаний в направлении избранной профессии. Все это являлось предпосылкой для осуществления студентами самообразовательной деятельности.

Повышению эффективности продуктивно-творческого этапа способствовали коммуникативно-творческие упражнения (для развития мышления, памяти, воображения, творческих способностей), предлагавшиеся студентам на выбор. На профессионально ориентированных занятиях по иностранному языку использовались активные методы обучения, благодаря которым студенты могли

показать эффективность своей самостоятельной работы, самореализоваться. В целом активные формы, используемые на занятиях, демонстрировали эффективность самостоятельной работы каждого студента, их умение организовать свою работу, способность привлечь дополнительный материал, а также желание посредством иностранного языка выразить себя.

Пятый – *рефлексивно-оценочный этап* – базировался на факторах, способствующих профессионально-творческой самореализации студентов. Данный этап предусматривал оценку самостоятельной работы студентов и их самооценку для совершенствования творческой деятельности.

В целях необходимости осуществления контроля сформированности у студентов умений самостоятельной работы и проведения коррекции, обеспечения профессиональной значимости полученных знаний и готовности к использованию студентами иностранного языка в личных и профессиональных целях, использовались методы проектирования и моделирования ситуаций общения, позволявших создавать в учебном процессе ситуации, максимально приближенные к реальным. Работа преподавателя предполагала: а) периодическую организацию учебно-творческой деятельности студентов на пределе их сил и способностей; б) постепенное увеличение сложности, проблемности заданий для самостоятельной работы; в) обучение студентов мобилизации и релаксации; г) применение мер поощрения студентов в случае их особых творческих достижений, оценка их значимости.

Следует отметить, что в ходе реализации программы переход студентов от одного ее этапа к другому был неравномерным. Например, студенты с высоким уровнем мотивации к изучению иностранного языка сразу приступали к составлению индивидуального плана самостоятельной работы, зная свои «пробелы» и четко осознавая профессиональные цели. Каждый студент двигался по индивидуальной траектории, осуществляя саморазвитие; при этом происходящие положительные изменения в компонентах его самостоятельной работы способствовали приращениям в соответствующих компонентах саморазвития. Для оценивания достижений студентов использовалась модульно-рейтинговая система оценки с формированием бонусного портфолио. Параллельно с этим студентом осуществлялась также самооценка.

Исполнение программы характеризует индивидуализация самостоятельной работы студентов, представляющая собой в исследовании такую систему ее организации (самоорганизации), в которой объем и содержание самостоятельной работы, способы и приемы ее осуществления и контроля (самоконтроля) определялись особенностями каждого студента.

Индивидуализация самостоятельной работы, с точки зрения «индивидуальной индивидуализации» (учет умственных способностей, сформированности творческого мышления, характера, темперамента), «субъектной индивидуализации» (учет учебных способностей, приемов индивидуальной деятельности), «личностной индивидуализации» (учет мотивационной сферы, жизненного опыта, контекста деятельности, нравственной культуры обучающихся и др.), служила раскрытию внутреннего потенциала студента, развитию мотивации его учебной деятельности, потребности в дальнейшем саморазвитии. При выборе форм и

методов работы учитывались особенности личности во всей целостности – ее психологические, социальные, биологические, интеллектуальные, волевые и эмоциональные стороны.

Особую значимость приобретало взаимодействие систем управления и самоуправления процессом организации и контроля самостоятельной работы студентов. Обращалось внимание на совместную работу преподавателя и студента по реализации функций нормирования, планирования и прогнозирования, организационно-методического обеспечения, контроля и коррекции самостоятельной работы. Для этого преподавателем процесса индивидуализации аудиторной и внеаудиторной самостоятельной работы студентов осуществлялась педагогическая координация, обеспечивающая общность целей, содержания, а также логику построения самостоятельной работы в учебной аудитории и вне ее для каждого студента.

В практике самостоятельной работы активно использовались информационно-коммуникационные средства (электронные учебники, учебные фильмы, компьютерные программы, возможности сети Интернет) с предоставлением студентам возможности поиска необходимой информации. Это позволило обучающимся рациональнее организовывать свою работу, получать нужную информацию, а преподавателям – осуществлять контроль и оказывать необходимую помощь. Например, в ходе реализации различных проектов особой популярностью пользовались информационные банки данных для просмотра, тиражирования, конспектирования лекций, материалов для самообразования, текстов контрольных работ, заданий и тестов, сборников упражнений, методических пособий и рекомендаций. Был обеспечен доступ студентов к программно-управляемым комплексам, аудиосредствам, видеокурсам; использовались учебное телевидение и возможности информационных коммуникативных каналов.

Созданная программа организации самостоятельной работы студентов способствовала самоопределению студентов, осознанию у них необходимости саморазвития, достижению готовности студента к совершению волевого усилия по преодолению трудностей в процессе организации своей самостоятельной работы и осуществления самоконтроля, что становилось причиной готовности обучающихся выходить за пределы учебных требований, упрочению теоретических знаний, развитию способности к самосовершенствованию и потребности в самореализации на практике.

Реализация авторской программы организации самостоятельной работы студентов содействует развитию творческого потенциала студентов, появлению у них желания объективно оценивать и изменять себя, совершать движение в направлении дальнейшего развития, самосовершенствования в избранной профессиональной сфере и в жизни в целом.

Библиографический список

1. *Загвязинский В.И.* Теория обучения: современная интерпретация: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2007.
2. *Тельтевская Н.В.* Формирование системы профессионально-педагогических знаний: теоретический аспект. Саратов, 2002.

3. Захарова Е.В. Организация самостоятельной работы студентов с использованием информационно-коммуникационных технологий (на примере иностранного языка): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Якутск, 2008.

4. Врублевская Е.С. Индивидуализация содержания самостоятельной работы студентов как фактор развития их профессиональной компетентности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2002.

К.А. Kozыrev
Research Activities as a Means
of Self-Affirmation of Students

The aims and objectives of the research activities carried out within the educational process of a high school are considered. The research activity is presented as a means of self-affirmation of students.

Key words and word-combinations: research activities, self-affirmation, personal development.

Рассмотрены цели и задачи исследовательской деятельности, организованной в учебном процессе средней школы. Исследовательская деятельность представлена как средство самоутверждения учащихся.

Ключевые слова и словосочетания: исследовательская деятельность, самоутверждение, развитие личности.

УДК 371.3+373
ББК 74.202+74.2

К.А. Козырев

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КАК СРЕДСТВО
САМОУТВЕРЖДЕНИЯ
УЧАЩИХСЯ

На всех этапах существования цивилизации содержание и характер образования как отдельной сферы деятельности определялись насущными потребностями общественного развития. В целом принято считать, что образование является фактором либо ускоряющим социально-экономический и культурный прогресс, либо, напротив, сдерживающим его.

В настоящее время неоспоримой признается ценность многомерности и гибкости мышления, определяющих исключительную роль творческого и образованного человека в дальнейшем развитии социума. Это обусловливается возросшим значением информационных и организационных технологий, изменением характера общественных отношений, возникающих в процессе совместного интеллектуального труда.

Однако потребность общества в творческой саморазвивающейся личности не удовлетворяется существующей образовательной практикой, в связи с чем возникает необхо-

димось пересмотреть некоторые основания образовательной и педагогической деятельности. Особенно актуальна эта проблема в нашей стране, поскольку парадигмальный кризис образования проистекает на фоне глубоких экономических и социально-культурных перемен. Произошедшие в последнее двадцатилетие трансформации привели российское общество к переосмыслению опыта и перспектив своего развития, переоценке значения образования как ценности и фактора социального и личностного развития.

Будущее человечества определяется в том числе и состоянием и уровнем развития отдельно взятой личности. Насколько совершенной будет личность – настолько совершенным будет и общество. Вот почему очевидной становится необходимость такого образования, которое даст каждому школьнику реальную возможность максимально раскрыть творческий потенциал сообразно своим интеллектуальным, психологическим и культурным особенностям. Следовательно, одна из задач школы, на наш взгляд, заключается в том, чтобы помочь школьнику в обретении себя и в работе с самим собой, то есть в самоопределении, самореализации и самоутверждении.

Успешность процесса самоутверждения современного школьника невозможно представить без создания адекватной развивающей среды. Она включает в себя субъекты образовательного процесса, образовательный материал, а также различные образовательные и педагогические кредо.

Очевидно, что такая среда не может быть результатом деятельности одного или нескольких педагогов – ее становление требует иногда нескольких лет напряженной работы всего педагогического коллектива, родителей и школьников. Лишь в этом случае в результате создаются благоприятные условия для максимального ее насыщения и предметным содержанием, и нравственно-этическими представлениями об общечеловеческих ценностях. Именно в такой образовательной среде становится возможным формирование особого типа учебного взаимодействия «Учитель – Ученик», связанного с преобразованием позиций основных участников в личностно равноправные позиции со-учащихся, со-воспитывающихся, со-трудничающих людей как на уровне обмена информацией, так и на уровне социального межличностного взаимодействия. В этом случае ученик имеет возможность получить прежде всего глубокие знания изучаемых предметов, что, безусловно, помогает ему сделать осознанный выбор направления своей дальнейшей, уже профессиональной деятельности.

Передача навыков исследовательской деятельности, связанных с постижением окружающей действительности, от учителя, ими обладающего, к ученику происходит в тесном личностном контакте, что предполагает высокий личный авторитет педагога в позиционных отношениях «Учитель – Ученик». Превращение ученика из «объекта» в «субъект», как показывает опыт, является самым трудным в образовательном процессе. Характер этого изменения определяется образовательной ситуацией, в которой, как правило, реализуются отработанные позиционные отношения «Учитель – Ученик» в рамках типичной классно-урочной схемы: учитель транслирует знания, а ученик их усваивает. Эволюция от объект-субъектного взаимодействия к совместному постижению окружающей действительности, на наш взгляд, начинается с

участия школьников в учебных исследованиях, организованных в процессе обучения.

В значении категории «исследовательская деятельность учащихся» сегодня уменьшается доля профориентационного компонента и факторов научной новизны исследований; в то же время усиливается доля содержательного компонента, связанного с пониманием исследовательской деятельности школьников как инструмента повышения качества получаемого ими образования.

При проектировании исследовательской деятельности учащихся в качестве основы берется модель и методология исследования, разработанная и принятая в сфере науки. Она характеризуется наличием нескольких стандартных этапов, присутствующих в любом научном исследовании независимо от его предметной области, и, как и любая другая целенаправленная деятельность подобного рода, имеет следующие составляющие: внутреннее представление цели; мотивация; критерии достижения цели и организация процесса; основные операции и действия, направленные на реализацию цели; последовательность операций и действий; контроль за исполнением операций и получение промежуточного результата; коррекция операций или представления цели; критерии прекращения реализации действий; фиксация конечного результата.

Разница между научным и учебным исследованием состоит в том, что в учебном исследовании не ставится задача получения объективно нового результата (производство новых знаний), как это формулируется в «высокой» науке.

Главной целью исследовательской деятельности, организованной в процессе обучения школьников, на наш взгляд, следует считать развитие личности. Учащиеся ориентированы на приобретение функционального навыка исследования как универсального способа освоения действительности, развития способности к исследовательскому типу мышления, активизации личностной позиции на основе приобретения субъективно новых знаний, являющихся личностно значимыми для конкретного обучающегося. К целям исследовательской деятельности относится и развитие личностного своеобразия «Я-исследователь», механизмов рефлексии, познавательных стратегий, самообучения и личностного опыта. Учебные исследования помогают школьникам разрабатывать индивидуальный алгоритм самостоятельного разрешения возникающих проблем, обретая самостоятельность.

Рассматриваемый процесс не может быть линейным, так как речь идет о накоплении субъектного исследовательского опыта. Здесь требуется особая сбалансированность учебных отношений, а также регулярное осуществление рефлексии и ученика и учителя. Лишь тогда потенциальные способности школьника смогут перейти в конкретное действие, позволяющее ему самореализовываться, то есть перемещаться вверх по ценностной лестнице самоутверждения.

Накопление школьником субъектного исследовательского опыта предполагает индивидуализацию образования, обеспечивающую включение учащихся в разработку их собственных образовательных траекторий и позволяющую сформировать у них умения самоопределения, прогнозирования, планирования без принуждения и опеки. По этой причине каждому школьнику предоставляется та степень свободы, за которую он в состоянии нести ответственность [1].

Ограничение степени свободы связано с требованиями возрастной психологии, накладывающих определенные запреты на тематику, характер и объем исследований. Глубина изучаемой темы может одновременно зависеть сразу от нескольких факторов: к примеру, далеко не каждая задача пригодна для реализации в образовательных учреждениях. Педагог должен учитывать особенности юношеского возраста, характеризующиеся несформированностью мировоззрения, и помнить о том, что самым важным в этом возрасте является общее образование и развитие. Следовательно, исследовательские задачи должны соответствовать таким требованиям, как ограниченность объема экспериментального материала, аппарата обработки данных и междисциплинарного анализа.

В процессе решения исследовательских задач у школьников накапливается собственный материал, на основании которого они делают анализ и выводы о характере исследуемого явления, поэтому чрезвычайно важно применение учащимися корректной с научной точки зрения методики.

Особенностью учебных исследований является неопределенность их конечных результатов. В этом случае объект анализа (влияние факторов на исследуемую величину) должен быть посильным для учащихся, находясь в их «зоне ближайшего развития» [2]. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что реализация потенциалов исследовательской деятельности учеников строится на принципах лично ориентированного образования.

Таким образом, исследовательская деятельность учащихся позволяет решить важнейшие цели обучения: формирование у школьников лично значимых знаний и развитие умений приобретать эти знания. Возможность продолжения учебных исследований, заложенная в самой системе их организации, обеспечивает каждому обучающемуся необходимые условия для личного роста – достижение нового уровня самоутверждения [3, с. 112–117].

Исследовательская деятельность, как правило, осуществляется в рамках какого-либо проекта, тип которого, тему и степень сложности задания определяет прежде всего запрос школьника (долгосрочный или краткосрочный, индивидуальный или групповой). Темп выполнения проекта, необходимые информационные источники, сроки и формы презентации результатов (выступление на конференциях, участие в олимпиадах и конкурсах, поступление в вуз) предопределяются как целью самого проекта, так и индивидуальными особенностями школьника.

Планирование и осуществление исследовательских проектов происходит в определенной последовательности. Выполнение начинается с совместного обсуждения учителем и учеником перспектив исследования. Педагог помогает учащемуся сделать выбор направления деятельности; школьник, принимая на себя ответственность за этот выбор, начинает самостоятельно работать над проектом.

Вариативность этапов исследования зависит от личностных и индивидуальных особенностей ученика. Школьнику всегда предоставляется возможность самостоятельно определить гипотезу, задачи и методы исследования, согласовывая их с учителем. План работы разрабатывается, меняется и уточняется в зависимости от промежуточных результатов деятельности.

Учитель, наблюдая за деятельностью учащегося, при необходимости создает педагогические ситуации для стимулирования его активности, корректируя при

этом как свои представления, так и самооценку обучающегося. Так, результаты исследовательской деятельности сначала фиксируются как внутренние и качественные достижения ученика, а потом – как способы социального признания, начиная с ближайшего окружения, что особенно ценно для самоутверждения личности.

Учитель организует последовательность лично значимых событий в образовательной деятельности учащихся (стимулирование), а также осуществляет консультирующую коррекцию исследования. Работая над проектами, ученики становятся субъектами образовательной деятельности, так как, находясь в ситуации постановки и решения исследовательской задачи, они ищут и строят новые способы своего действия по собственным запросам. В результате у школьников формируется и развивается не только способность к самоопределению, повышается степень их готовности к самореализации, но и появляется возможность перехода на более высокий уровень самоутверждения.

Таким образом, включение школьников в учебные исследования создает благоприятные условия для преобразования внутренних потенций в реальное интеллектуальное творчество, приобретения исследовательских навыков, востребованных в современном обществе.

Библиографический список

1. *Александрова Е.А.* Педагогическая поддержка как деятельность // Педагогическая поддержка детей в образовании: учеб. пособие / под ред. Н.Б. Крыловой. М., 2006.
2. *Выготский Л.С.* Педагогическая психология / под ред. В.В. Давыдова. М., 1991.
3. *Козырева Н.А.* Самоутверждение учащегося в процессе обучения // Свободное воспитание: отечественные традиции и инновации. 2003. № 3 (14).

E.A. Andreeva
Modern Tutoring Models
in Russia, Countries of European
Union and Gulf Region
(Comparative Studies)

This paper explores the results of the comparative study which was held on the base of modern tutoring models analysis in Russia, Germany and the United Arab Emirates.

Key words and word-combinations: education, up-bringing, tutor, modern tutoring models.

Представлены результаты сравнительного исследования содержательной базы современных моделей тьюторства в России, Германии и Объединенных Арабских Эмиратах.

Ключевые слова и словосочетания: образование, воспитание, тьютор, современные модели тьюторства.

УДК 371
ББК 74.04

Е.А. Андреева

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ТЮТОРСТВА В РОССИИ, СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Принципиально тьюторство можно определить как индивидуальное консультирование учащегося, в процессе которого педа-

гог помогает ребенку разработать индивидуальную образовательную траекторию [1]. В тьюторской работе реализуются ценности индивидуализации, самоопределения личности, осмысленного отношения человека к собственной жизни.

Сегодня тьюторство в Европе уже стало, а в России и на Ближнем Востоке становится полноценной системой поддержки формирования индивидуальной образовательной траектории учащегося. При этом значимость самого феномена тьюторства для образовательной системы любой страны несомненна, но причины возникновения, методы и содержание, которое вкладывается в это понятие, разнообразны. Именно поэтому представляется необходимым сравнить существующие в различных цивилизационных условиях модели тьюторства.

В основу проводимого анализа положен культурологический подход, что можно объяснить специфичностью предмета исследования – тьюторское сопровождение в зарубежных странах рассматривается как феномен культуры. При исследовании образовательных систем использован проблемный метод Б. Холмса, предполагающий дедукцию. Для сравнения были выбраны системы образования Великобритании – как страны зарождения тьюторства, Германии – как одной из ярчайших представителей «продвинутой» системы европейского образования, России – как страны только начинающей использовать тьюторство, Объединенных Арабских Эмиратов – в качестве выразительного примера «инновационного» Востока. Сравнительный анализ проводился по основаниям, отражающим основные характеристики исследуемого феномена:

тьютор как субъект;

тьюторство как процесс;

формы, содержание деятельности и результат работы тьютора.

Тьютор как субъект представляет собой лицо, помогающее учащемуся обучаться. В российской научной литературе существует множество вариаций определения данного понятия, что не характерно для европейских или ближневосточных стран. Зарубежные университеты придерживаются четкого определения, которое было дано еще для классической английской модели [1]. Многообразие интерпретаций приводит к размыванию отличий тьютора от научного руководителя, психолога, преподавателя-предметника, классного руководителя, классного воспитателя. На наш взгляд, это говорит о своеобразии концепций развития личности, с позиции которых ученые выявляют сущность тьюторства, и многогранности его составляющих.

В каждой использующей тьюторское сопровождение стране оно основывается на принципе индивидуализации. Рассматривая *тьюторство как процесс*, следует придерживаться определения, согласно которому «тьюторство – это индивидуальное консультирование, в процессе которого педагог помогает ребенку разработать индивидуальную образовательную траекторию как программу собственной деятельности, сопровождает процесс ее реализации» [1]. Необходимо отметить, что данное определение отражает сущность не только российской модели тьюторства, но *может быть применимо к процессу тьюторского сопровождения в любой стране* и отражает основу классической английской модели тьюторства.

Формы деятельности тьютора весьма разнообразны. В университетах Англии, Германии, России и Объединенных Арабских Эмиратов тьюторство пред-

ставлено как в очном варианте получения образования, так и в дистанционном. Российская и немецкая модели предлагают индивидуальную и групповую форму реализации тьюторского сопровождения. На Ближнем Востоке существуют проблемы с введением индивидуальной формы обучения: восточные страны считаются коллективистскими, весьма замкнутыми, однако понимают необходимость модернизации своих систем с помощью использования положительного зарубежного опыта.

Функции тьюторов обусловлены структурой образовательного процесса. Помимо воспитательной функции, доминирующей в классической (английской) модели, тьютор стал носителем образовательной, обучающей и развивающей функций. Главное, за что ответственен тьютор во всех странах сегодня – это составление совместно с учеником его индивидуальной образовательной траектории и ее реализация на практике.

При сравнении тех воспитательных функций, которые тьютор выполняет в указанных образовательных системах, можно сделать вывод, что стране с исходными функциями более близки функции тьютора в ОАЭ. Развивающая функция в самом широком виде представлена в России, однако здесь развитие интерпретируется скорее как интеграция в социум, как социализация личности, нежели как ее индивидуализация. В Германии обязанности тьютора подразумевают выполнение также образовательных функций. В этой области обнаружены самые значительные сходства с классической моделью.

В основе тьюторской модели обучения лежит сократовский метод обучения (использование расспрашивания, критики, теории анализа и сравнения, предоставление аргументации) и написание эссе, на основе которого строится диалог с обоснованием своей точки зрения. *Содержание деятельности тьютора* сохранило свою первозданную самобытность в британских университетах, в таком же виде оно было заимствовано арабскими университетами.

Цель применения тьюторской модели обучения в современных условиях зависит от особенностей национальной модели. В классическом случае это развитие метакогнитивных способностей (умственной гибкости). Такая направленность в высшей степени соответствует принципу индивидуализации обучения. Она сохраняется в Великобритании и культивируется в арабских университетах. В России главной целью является сопровождение становления индивидуальной образовательной траектории, в Германии – развитие профессиональных компетенций.

Проведенное сравнение позволило выявить общие тенденции и особенности процесса модернизации современных моделей тьюторства в России, странах Европейского Союза и Ближнего Востока. Основные результаты представлены в таблице.

Анализ данных, представленных в таблице, показывает, что к причинам, подтолкнувшим страны идти путем внедрения тьюторских моделей обучения, можно отнести *религию* (при полярности трех религий все они призывают к обучению при помощи самообразования), *тип системы образования* (необходимость в тьюторстве при открытости образования, которая существовала в Англии и Германии и к которой переходят Россия и ОАЭ), *цель* (способность к самоопределению в любых сферах жизни и ситуациях).

**Специфические характеристики современных моделей тьюторства
в России, Германии и Объединенных Арабских Эмиратах**

Критерии сравнения	Англия	Россия	Германия	ОАЭ
Религия	Англиканство	Христианство	Протестантизм	Ислам
Цели	Развитие метакогнитивных способностей	Сопровождение становления индивидуальной образовательной траектории (по Т.М. Ковалевой)	Развитие профессиональных компетенций	Развитие метакогнитивных способностей
Время зарождения	XII век	90-е годы XX в.	50-е годы XX в.	IX – начало XXI в.
Метод обучения	Распрашивание, обратная связь, сократический диалог	Вопрос, распрашивание, анализ	Сотрудничество, консультирование, психолого-пед. поддержка, тренинги, коллегиальное «советование»	Проблемный, сократический диалог; проведение лекций, устных и письменных презентаций; разбор конкретных практических случаев
Основа обучения	Принцип индивидуализации обучения	Индивидуальный подход	Принцип индивидуализации обучения	
Кто выполняет роль тьютора	Неквалифицированный специалист	Квалифицированный специалист-тьютор	Студент	Профессор-предметник
Вид образ. системы времени зарождения	Свобода выбора для студентов	Отсутствие свободы	Свобода выбора для студентов	
	Открытое образовательное пространство	Авторитарно-знаниевая система	Открытое образовательное пространство	
Название должности	Тьютор	Тьютор / освобожденный классный воспитатель	Тьютор-ровесник / ментор / мультипликатор	Тьютор, фасилитатор
Сфера распространения	Университет. образование	Общеобразоват. учреждения	Университет. образование; Вальдорфское образование; продуктивные школы	Университет. образование

Критерии сравнения	Англия	Россия	Германия	ОАЭ
Функции, выполняемые тьютором	Воспитательная	Воспитательная, развивающая	Воспитательная, образовательная	Воспитательная
Официальное оформлен- ие деятельности		Формируется нормативная база	Не существует нормативной базы, однако деятельность контролируется руководством университета	Не существует нормативной базы
Современная система		Единственная полностью разработанная система, имеющая свои методы, принципы, подходы, функции	Модернизировано в Reeg-Coaching	Содержание классической модели + европейские виды тьюторства

К общим характеристикам тьюторских моделей обучения в России, Германии и ОАЭ можно отнести следующие:

1. Тьюторское сопровождение ориентируется на процесс индивидуализации обучающегося и имеет своей целью самоопределение личности.

2. В качестве процесса оно представляет собой «индивидуальное консультирование, в процессе которого педагог помогает ребенку разработать индивидуальную образовательную траекторию как программу собственной деятельности, сопровождает процесс ее реализации» [2].

3. В качестве базового метода используется сократовский метод.

4. В странах Европы и Ближнего Востока тьютор – это не профессиональный наставник, не квалифицированный специалист.

5. В странах Европы и Ближнего Востока существует открытое образовательное пространство и свобода выбора для учащихся.

6. Для контроля работы тьюторской системы не существует нормативной базы ни в одной стране мира; в России она только начинает оформляться.

7. Базовой формой работы тьютора являются индивидуальные консультации.

8. В университетах Германии и ОАЭ тьюторство представлено как в очном образовании, так и в дистанционном.

9. Общая функция, выполняемая тьютором – обучающая, то есть составление совместно с учеником его индивидуальной образовательной траектории и ее реализация на практике;

К особенностям современных тьюторских моделей обучения в России, Германии и ОАЭ можно отнести следующие:

1. Все указанные страны имеют разные религии, что является, с одной стороны, причиной возникновения тьюторства, а с другой – причиной разного отношения к процессу индивидуализации.

2. Время зарождения модели во всех странах сильно отличается.

3. Как субъект тьютор в России имеет множественные интерпретации, однако каждая из них отличается сужением роли тьютора или ограничением ее формами или методами обучения, что не характерно для немецкой или арабской тьюторской деятельности.

4. В российской действительности тьюторство может быть представлено в дистантном, социальном и антропологическом виде.

5. В Германии деятельность тьютора контролируется администрацией университета, в остальных странах не контролируется.

6. Предполагается, что в России роль тьютора будет выполнять квалифицированный специалист в отличие от Германии и ОАЭ.

7. В России учащиеся не готовы к самоопределению, поскольку здесь всегда отсутствовала свобода выбора в отличие от Германии и ОАЭ.

8. В России преобладающей всегда была авторитарно-знаниевая система, в то время как в Германии и ОАЭ – открытое образовательное пространство.

9. Цель обучения в каждой стране разная.

10. Помимо определения «тьютор», в России было предложено название «освобожденный классный руководитель»; в Германии – «пер-коучинг / ментор», в ОАЭ – «фасилитатор» [1].

11. В Германии тьюторское сопровождение представлено на университетском уровне, в то время как в ОАЭ оно начинает развиваться также и в дошкольном и школьном образовании; в России – в школьном образовании.

12. В Германии и России помимо индивидуального тьюторства существует групповое, чего нет в ОАЭ.

13. Систему классической организации тьюторства не сохранила ни одна из стран: ни в одной из них в настоящее время тьютор не выполняет традиционных функций.

Сравнительный анализ модернизированных моделей тьюторства в России, Германии и ОАЭ показал, что классическая тьюторская модель за прошедшие с момента ее появления восемь веков эволюционировала, в результате чего в разных странах мира появились модели со своими особенностями в силу национальных и культурных традиций своих стран, но в то же время имеющие много общего.

Библиографический список

1. Андреева Е.А. Эволюция классической модели тьюторской деятельности и ее современные формы // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2010. № 4 (25). С. 140–144.

2. Ковалева Т.М. Культурные границы тьюторства // Управление школой. 2009. № 15. С. 13–16.

L.M. Herrera
Features of Socio-Educational
Work with Informal Youth
in Higher Schools

The process of organizing socio-educational work with young people in higher schools is studied. Approaches taking into account the factor of presence of subculture young people among students are proposed.

Key words and word-combinations: youth, subcultures, socialization, creativity.

Исследуется процесс организации социально-воспитательной работы с молодежью в вузе. Предлагаются подходы, учитывающие фактор присутствия среди студентов молодых людей, относящих себя к субкультурным молодежным образованиям.

Ключевые слова и словосочетания: молодежь, субкультура, социализация, творчество.

УДК 316.34/.35+371.4
ББК 60.54+74.200

Л.М. Эррера

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С НЕФОРМАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖЬЮ В ВУЗЕ

Социальная работа со студентами имеет целью воспитание высоконравственной, духовно развитой и физически здоровой личности гражданина новой России, способного к высококачественной профессиональной деятельности и моральной ответственности за принимаемые решения. Этим в вузах занимаются отделы по воспитательной работе, кураторы, социально-психологические службы и преподаватели в силу особенности их профессиональной деятельности.

Часть студентов относит себя к субкультурным молодежным образованиям (рокеры, панки, эмо и др.), что в настоящее время – явление обычное, но в большинстве случаев не учитываемое в учебно-воспитательной работе. Помощь, оказываемая преподавателями и администрацией вуза представителям таких молодежных объединений в решении возникающих у них проблем, нацелена на повышение интереса студентов-неформалов к учебе и их социализацию. Вместе с тем влияние на них могло бы оказаться гораздо эффективнее, если были бы учтены субкультурные особенности представителей «неформальной» молодежи.

Проведенное нами социологическое исследование позволяет расширить представление об особенностях современной вузовской молодежи и использовать эти знания в воспитательном процессе.

В опросе приняли участие 200 студентов 1–3 курсов технических (100 респондентов) и гуманитарных (100 респондентов) специ-

альностей Новомосковского института Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева. Целью исследования стало определение личностных особенностей представителей «субкультурной» молодежи, выявление их отличий от молодых людей, не ассоциирующих себя с тем или иным неформальным объединением. Нами была применена методика «Дерево Коха». Полученные результаты позволят продемонстрировать сравнение «формальной» и «неформальной» молодежи (табл. 1, 2).

Таблица 1

**Основные качества личности,
наиболее часто встречающиеся у «субкультурной» молодежи,
% от общего числа опрошенных**

Качества личности	Выбор респондентов
Уравновешенность	71
Преобладание интеллекта, идеализм	66
Отношение к жизни, как к интересной игре	50,7
Способность преодолеть ограничивающие рамки, ненахождение языка с окружающим миром	49,9
Гибкость мышления	49,3
Фантазирование, жизнь в сказочном мире	44,1
Энтузиазм, безудержное рвение	34,0

Таблица 2

**Основные качества личности,
наиболее часто встречающиеся у «формальной» молодежи,
% от общего числа опрошенных**

Качества личности	Выбор респондентов
Эмоциональность, впечатлительность	41,6
Уравновешенность	41
Отношение к жизни, как к интересной игре	41
Преобладание интеллекта	38,3
Зависимость от настроения	30
Недостаточная способность к самовыражению	28,3
Больше практик, чем теоретик	25

Наиболее значимыми для представителей молодежной субкультуры, а также наиболее типичными качествами личности оказались уравновешенность характера, самовыражение и нормальное чувство собственного достоинства, преобладание интеллекта, идеализм, фантазирование, жизнь в выдуманном мире (см. табл. 1).

По высоким показателям пунктов «идеализм, фантазирование» можно предположить, что причастность к какой-либо субкультуре выполняет регуляторную функцию. Неудовлетворенность окружающим миром воплощается в немного

выдуманном мире субкультуры. Это приносит снижение напряжения и снимает внутренний конфликт.

Преобладание интеллекта, идеализм свидетельствует о том, что у «субкультурной» молодежи имеются предпосылки к анализу окружающего мира, поиску противоречий, проявляется интерес к разнообразным абстрактным философским, религиозным, этическим проблемам. Студенты-неформалы сравнительно часто рассуждают об идеалах, о будущем, имеют более глубокий и обобщенный взгляд на мир, отличаются особенным мировоззрением.

Одним из важных показателей «субкультурной» молодежи является пункт «способность выйти за рамки дозволенного, ненахождение языка с окружающим миром и усиленное стремление к деятельности». К этому склонна половина опрошенных неформалов, тогда как у «формальной» молодежи этот ответ встречается всего у 8% опрошенных. По нашему мнению, увлечение субкультурой для представителей «неформальной» молодежи и есть воплощение варианта «выйти за рамки». Не менее важным является пункт «отношение к жизни, как к интересной игре». Для приверженцев субкультур он по значимости сопоставим с пунктом «способность преодолеть ограничивающие рамки» – практически по 50%, тогда как «формальная» молодежь полностью равнодушна к этой позиции.

Фантазирование, мечтательность отмечены у 44,1% опрошенных представителей молодежных субкультур. Этот показатель практически одинаков как у «субкультурной», так и у «формальной» молодежи и составляет около 40%. Видимо, для многих молодых людей абстрактная возможность кажется интереснее и важнее действительности, поскольку нет никаких ограничений, кроме логических, причем увлечение абстрактным часто соседствует с мечтами [1, с. 37].

В целом же по всем показателям «субкультурную» молодежь можно отнести к *творческим личностям*. Творчество предполагает умение освободиться от влияния обыденных представлений и запретов. Наше утверждение не оригинально, поскольку такое предположение высказывали американские психологи М. Парлоф и Л. Датт (1968 г.), которые проводили исследования по сравнению личностных свойств творческих людей нескольких возрастных групп – взрослых и юношей – друг с другом и с менее творческими людьми. Оказалось, что более творческие люди, независимо от их возраста и направленности интересов, отличались от менее творческих следующими показателями: большей уравновешенностью характера (в нашем исследовании у «субкультурной» молодежи этот показатель равен 71%, у остальных – 41%); большей уверенностью в себе; наличием спонтанных реакций (в нашем исследовании гибкость ума присутствует у 49,3% опрошенных «неформалов»); напористостью («энтузиазм, безудержное рвение» отмечены у 34% приверженцев субкультур, против 20% у «формальной» молодежи).

Наряду с позитивными чертами, в ходе исследования выявлено, что у «субкультурной» молодежи присутствует оборонительное поведение, ранимость до враждебности (28,6%), ощущение давления на себя у 27,9%. Это, скорее всего, связано с негативной реакцией окружающих на причастность их к какой-либо субкультуре. У «формальной» же молодежи эти показатели находятся на уровне 5%.

Полученный в анализируемом исследовании результат заметно отличается от итогов, полученных американскими учеными, тем, что они обнаружили у творческих людей наличие самоконтроля, в то время как нами у субкультурной молодежи это качество ярко не выделено. У данной группы молодежи практически отсутствуют такие качества, как «раздражительность, нервозность» и «неуверенность в себе»; у остальной молодежи фиксируются довольно высокие показатели – 25 и 16,6% соответственно.

Психологи отмечают, что творческие достижения чаще всего имеют те обучающиеся, которые не обладают блестящей успеваемостью (Р. Хогэн, 1980). В подтверждение часто приводятся примеры, когда известные люди в школьные годы отличались низкой успеваемостью, считались неспособными и посредственными (Дарвин, Свифт, Гейне). На наш взгляд, это, скорее всего, связано с шаблонностью школьной программы, не дающей возможности для творчества. К тому же учителя, как правило, в своей деятельности ориентированы на «среднячка» и проявляют чрезмерную опеку, что претит творческим личностям.

Несомненно, в подростковом и юношеском возрасте молодые люди сталкиваются с характерными проблемами общего плана. Однако у представителей «неформальной» молодежи есть специфические, присущие только им проблемы.

Любой молодой человек стремится развивать в себе большую независимость от окружающих его людей. Это значит, что ему необходимо прежде всего научиться самостоятельно принимать решения, ставить реалистичные задачи, находить источники личного и профессионального признания. При этом от него зачастую требуется пересмотреть свою систему ценностей, соотнести личные интересы с важнейшими ценностями, господствующими в обществе.

Юноше или девушке предстоит развивать в себе готовность взрастать шаг за шагом, становиться все более уверенными в себе, сознавая и оценивая свой потенциал, ставя перед собой долгосрочные цели в личной и профессиональной жизни и демонстрируя готовность твердо идти к ним. Не последнюю роль в этом играет приобретение знаний и умений, дающих возможность выбирать работу и успешно реализовываться в профессии. Особенное значение на этом пути имеют социальные контакты и дружба. От молодого человека в период взросления требуется выработать навыки установления и поддержания разного рода отношений. Он должен уметь осознать, что ему дают контакты с другими, проявлять готовность к дружбе, умение доверять и вызывать доверие к себе. В молодежной компании ценятся дружелюбие, способность принять друг друга.

Взросление сопряжено с тем, что человеку необходимо научиться справляться со всевозможными трудностями, в том числе вызванными противоречиями собственного статуса. Он должен самокритично судить и оценивать себя, отказаться от снисхождения, проявляемого по отношению к детям. В своих действиях ему следует научиться руководствоваться собственным мнением и собственной ответственностью. Одновременно от него требуется принять тот факт, что определенные лица и инстанции поставлены над ним. В таком сложном контексте ему предстоит выработать умение постоять за себя в рамках действующих правил и законов.

С необходимостью более или менее успешно решать эти задачи сталкиваются все подростки, но у «субкультурной» молодежи к ним добавляются специфические проблемы. В частности, «неформалам» остро необходимо научиться толерантности по отношению к обществу, в котором они находятся. При этом от них потребуются «научиться жить» в реальном, а не выдуманном мире. Им предстоит преодоление собственного инфантилизма, в частности научиться быть ответственными за последствия совершаемых поступков. Чрезвычайно актуальна для представителей «неформальной» молодежи проблема алкоголизации и наркотизации, которые в качестве нормы присутствуют в некоторых субкультурах. Из позитивных задач, стоящих перед «субкультурной» молодежью, отметим использование имеющегося творческого потенциала во взрослой жизни.

Исходя из названных общих и частных задач, предлагаем следующий набор основных направлений социально-воспитательной работы с «неформальной» молодежью, обучающейся в вузе:

– создание у «субкультурной» молодежи социальной компетенции, предполагающей обладание индивидуумом достаточными навыками, с помощью которых он может адекватно исполнять обязанности, налагаемые на него повседневной жизнью;

– оказание помощи в реализации творческого потенциала, который предполагается у такой молодежи;

– содействие формированию асертивного поведения при необходимости отказа от употребления алкоголя и других негативных атрибутов молодежной коммуникации.

Начало социально-воспитательной работы с вузовской молодежью должно начинаться с установления имеющихся проблем. Далее следует их решение с помощью определенного набора методов.

Для эффективной работы с молодежью педагог-воспитатель должен быть осведомлен о типичных социально-психологических особенностях представителей той или иной субкультуры. Социально-воспитательному работнику желательно как можно ближе познакомиться с субкультурами в их наиболее значимых проявлениях – музыке, изобразительном искусстве, литературе, кумирах. При этом недопустимо открыто проявлять неуважение к имиджу, взглядам и мировоззрению носителей субкультуры, поскольку субкультура детерминирует многие из когний молодежи. Она определяет, во что молодые люди верят, что отрицают, что воспринимают и что игнорируют, насколько они готовы делиться с посторонним человеком, какие отношения они предпочтут иметь с педагогом, какие ценности они считают важными, какой стиль работы будет для них приемлем, а какой сразу отвергнут, что они считают возможной причиной их эмоциональных проблем [2, с. 473]. Эмпатия и позитивное отношение могут сыграть решающую роль в получении положительного результата. Для того чтобы работать с «субкультурной» молодежью, нужно уметь видеть мир ее глазами. Воспитателю желательно понимать сленг, на котором общаются «неформалы».

При работе с такой молодежью можно выделить два принципиальных подхода: 1) стратегия, ориентированная на индивида, и 2) стратегия, ориентиро-

ванная на группу. В первом случае в социально-психологической работе перво-степенное внимание предполагается уделять индивидуальным факторам личности – нацеливать молодых людей на использование имеющегося у них творческого потенциала в учебе и работе, преодоление инфантилизма и развитие ответственности. Во втором – упор делается на профилактике аддиктивного поведения (умение противостоять алкоголю и наркотикам), обучении толерантности.

Основным методом диагностики, которую в вузе проводит обычно работник социально-психологической службы, является тест. Наиболее успешными при работе с подростками и молодежью, по нашему мнению, представляются проективные тесты. Они разрабатываются на основе неопределенных стимулов. Испытуемому предлагается интерпретировать, дополнять, развивать эти стимулы, давать волю своему воображению: интерпретировать содержание сюжетной картинки, завершать незаконченное предложение. Конечно, ни один из ответов не является необоснованным или случайным. Предполагается, что в интерпретации подобных объектов человек бессознательно «вкладывает» и «проецирует» самого себя, переносит собственные свойства и переживания, элементы своей личности, что позволяет проанализировать их и дать им оценку.

Все проективные методики позволяют использовать поведение обследуемого как часть испытания. В оценке ответов, к примеру, интонация, манера говорить всегда затрагивают содержание. Все поведение обследуемого воспринимается как систематизированная совокупность, на основе которой тоже можно сделать определенные выводы. При использовании данных методик интервьюер не раскрывает свои намерения в задаваемых вопросах. Стимулы, которые предоставляются обследуемому, не дают для этого оснований, благодаря чему возможность обследуемого контролировать свои ответы заметно уменьшается.

Зарубежными психологами выделены несомненные достоинства проективных тестов [3, с. 36]. Проективные тесты могут использоваться как в индивидуальной, так и групповой форме тестирования. По нашему мнению, наиболее подходящими для изучения психологических особенностей личности представителей «субкультурной» молодежи являются проективные методики «дом – дерево – человек», аддитивный тест незаконченных предложений, японские проективные тесты.

После проведения диагностики появляется возможность установить проблемы, для решения которых подбираются соответствующие методы. Один из таких методов для решения общих проблем (готовность взрослеть и становиться все более уверенным в себе, ставить долгосрочные цели) – упражнения К. Фопеля, направленные на работу с основными проблемами юношеского возраста [4].

Для обучения толерантности рекомендуется соответствующий тренинг (И. Димов, М. Шкробов), представляющий собой групповое занятие с использованием игровых методик. Ожидаемым результатом будет осознание студентами, что толерантность – основа конструктивного пути решения проблемы. Молодые люди получают представления о роли толерантности в историческом развитии народов, у них развивается уважения, терпимое отношение к другому мнению, другой культуре.

Формирование толерантности способствует развитию межличностных отношений и пониманию содержания и значения культурного и исторического прогресса. Важным составным элементом в данном случае является восприятие набора «ассертивных прав человека» как непосредственно действующих. В их числе следующие:

- Вы имеете право сами судить о своем поведении, мыслях и эмоциях и несете ответственность за их последствия;
- Вы имеете право не давать никаких объяснений и обоснований, оправдывающих ваше поведение;
- Вы имеете право сами решить, отвечаете ли и в какой мере за проблемы других людей;
- Вы имеете право не зависеть от доброй воли других людей;
- Вы имеете право менять свои взгляды;
- Вы имеете право совершать ошибки и отвечать за них;
- Вы имеете право на нелогичные решения;
- Вы имеете право сказать: «Я не знаю»;
- Вы имеете право сказать: «Я тебя не понимаю»;
- Вы имеете право сказать: «Меня это не волнует».

С одной стороны, эти права позволяют человеку быть свободным и независимым, но с другой – при доведении до абсолюта – могут привести к крайнему индивидуализму и игнорированию интересов окружающих. Современной наукой разработаны методики, закрепляющие позитивные навыки ассертивного поведения. Молодые люди обучаются выражать свои чувства, позиции, мнения и желания, считаясь с чувствами, позицией, мнением, правами и желаниями другого человека. Хотя они делают это решительно и непосредственно, от них требуется проявлять вежливость по отношению к другому человеку. Наличие ассертивных отношений дает возможность человеку свободно выражать чувства, реализовывать свой творческий потенциал, не боясь выглядеть не таким, как все.

Специалистами по формированию ассертивного поведения выработаны столь необходимые молодым людям рекомендации по противостоянию манипуляции [5, с. 300]. В частности, с помощью определенных методик можно избавиться от рефлекса обязательно отвечать на любой вопрос, выработать привычку внимательно анализировать ситуацию, в которой осуществляется убеждение.

Положительным моментом популярных методик является то, что жизненные вопросы поднимаются в кругу сверстников. При этом студент получает возможность спросить себя, что он хочет и что может. Одновременно у вузовских педагогов появляется возможность восприятия представителей «субкультурной» молодежи не как девиантов, а как интересных людей, имеющих творческий потенциал, который им необходимо помочь реализовать и в учебе, и в жизни.

Результатом социально-воспитательной работы должно стать развитие личности молодых людей, повышение их самооценки, нахождение ориентиров жизненных норм и ценностей, не противоречащих современному обществу.

Библиографический список

1. Психология подростка / под общ. ред. А.А. Реана. СПб., 2007.
2. Райан М.М. Практикум по когнитивной терапии. СПб., 2001.
3. Кото Х. Японские тесты / пер. с исп. М., 2008.
4. Фопель К. На пороге взрослой жизни / пер. с нем. М., 2008.
5. Косарецкая С.В., Косарецкий С.Г., Синягина Н.Ю. Неформальные объединения молодежи. СПб., 2006.

Е.А. Koreneva
The Technology of Training
Future Teachers to work
on Early Intellectual
Development of Preschool
Children

The pedagogical technology of preparation of the future teachers to work on early intellectual development of preschool children is presented. Special attention is given to the characteristic of its structural components.

Key words and word-combinations: future teachers' training, pedagogical technology, early intellectual development of children.

Представлена педагогическая технология подготовки будущих педагогов к работе по раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста. Особое внимание уделяется характеристике ее структурных компонентов.

Ключевые слова и словосочетания: подготовка будущих педагогов, педагогическая технология, раннее интеллектуальное развитие детей.

УДК 373.2

ББК 74.1

Е.А. Коренева

ТЕХНОЛОГИЯ ПОДГОТОВКИ
БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ
К РАБОТЕ ПО РАННЕМУ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМУ
РАЗВИТИЮ ДЕТЕЙ
ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Одной из приоритетных целей современного дошкольного образования является воспитание и обучение, основанное на усложнении и обогащении ментального опыта каждого ребенка. Совершенствование дошкольного образования сегодня во многом связано с поиском и выбором стратегии психического, физического и нравственного развития ребенка. Оно в значительной степени зависит от обеспечения дошкольных учреждений высококвалифицированными педагогическими кадрами.

Интерес специалистов к раннему интеллектуальному развитию детей во многом обусловлен тем, что выяснение закономерностей их психического развития может значительно углубить понимание механизма развития интеллекта и личности в целом. В то же время сегодня появилось осознание, что успехи любого общества в развитии экономики, социальной и культурной сферы в значитель-

ной мере зависят от интеллектуального потенциала и творческой активности личности. Построение новых отношений с детством становится требованием самой жизни и изменившейся парадигмы образования. Вместе с тем, анализ научной литературы, программ воспитания и образования детей дошкольного возраста, изучение массовой практики дошкольных образовательных учреждений показывают, что процесс психического развития личности в период раннего дошкольного детства не удовлетворяет запросам современного общества и требованиям личностно ориентированного образования.

В целом проблема раннего интеллектуального развития детей остается теоретически и практически не решенной. Объясняется это не только ее сложностью, но и недостаточной подготовленностью педагогов дошкольных образовательных учреждений к работе по раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста.

Возникшие противоречия между социальным заказом на формирование интеллектуально развитой личности и недостаточным вниманием современной образовательной системы к целенаправленной подготовке молодых специалистов соответствующей направленности обусловили острую необходимость в освоении и разработке специальной технологии, которая должна быть нацелена на оптимизацию процесса подготовки будущих педагогов к работе по раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста, так как используемые ранее традиционные методы обучения в вузе уже не удовлетворяют текущим запросам.

Понятие «технология» в настоящее время прочно вошло в педагогическую науку и составляет целое направление исследований [1–5], в которых содержится широкий спектр взглядов в определении данной категории и наблюдается неоднозначность в трактовках. Несмотря на разночтения, авторы едины в том, что педагогическая технология представляет собой педагогическую деятельность, имеет в качестве методологической основы системный подход, содержит и реализует на практике законы развития обучения и воспитания [6–9]. Основываясь на исследовательских разработках, следует определить авторскую технологию подготовки будущих педагогов к работе по раннему интеллектуальному развитию детей в учебном процессе вуза как структурно-функциональное образование, которое можно представить в виде синергетической связи выделенных компонентов – целевого, содержательного, операционно-деятельностного и результативно-диагностического.

Учитывая теоретически обоснованные требования, а также собственный практический опыт работы в вузе, представим технологию подготовки будущих педагогов к работе по раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста (таблица).

Целевой компонент авторской технологии состоит из одной главной цели: подготовки будущих педагогов к работе по раннему интеллектуальному развитию детей. Он характеризуется заданным конечным результатом, исходным побудителем педагогической деятельности, которая носит системный, целенаправленный характер и является ведущим средством развития личности будущих специалистов.

**Педагогическая технология подготовки будущих педагогов
к работе по раннему интеллектуальному развитию
детей дошкольного возраста**

Целевой компонент

Формирование готовности к педагогической деятельности как цель и результат подготовки будущих педагогов к работе по раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста

Содержательный компонент

теоретический блок	практический блок	творческий блок
Формирование философских, общекультурных, психолого-педагогических, предметных и специальных знаний о раннем интеллектуальном развитии детей; знание развивающих программ, технологий их применения на практике. Проведение спецкурса «Раннее интеллектуальное развитие детей: педагогические системы и программы»	Формирование практических умений и навыков по раннему интеллектуальному развитию детей при применении программ и методик в рамках педагогических практик	Развитие творческого потенциала у студентов при применении знаний, умений и навыков, полученных в учебном процессе вуза; стремление вносить элементы новизны и креативности с учетом возрастных, индивидуальных особенностей детей раннего дошкольного возраста

Операционно-деятельностный компонент

формы	методы	средства
<p><i>Аудиторные:</i> лекции, практические занятия, семинары, тренинги, научные конференции.</p> <p><i>Внеаудиторные:</i> самостоятельное изучение методических материалов, подготовка рефератов, курсовых и дипломных проектов.</p> <p>Выездные занятия в ДОУ и центрах развития детей</p>	<p><i>Имитационные:</i> проблемно-деловые игры тренинги, упражнения; методы ситуаций и методы исследований.</p> <p><i>Неимитационные:</i> проблемные лекции и семинары; тематические дискуссии и «круглые столы»</p>	<p><i>Методические:</i> учебники, пособия, справочники, программы.</p> <p><i>Технические:</i> кино- и видеофильмы, компьютерные программы, Интернет-ресурс.</p> <p><i>Вербальные:</i> речь с хорошей дикцией и произношением преподавателя.</p> <p><i>Невербальные:</i> выразительные жесты и мимика</p>

Результативно-диагностический компонент

Достижение высокого уровня готовности будущих педагогов к профессиональной деятельности по раннему интеллектуальному развитию детей

Для достижения заданного конечного результата – готовности к работе по раннему интеллектуальному развитию детей – студенты должны четко осознать цель обучения как жизненно важной задачи. Им необходимо понимать, с

помощью каких действий и способов они смогут ее достигнуть. Для этого от них требуется активно включиться в учебный процесс, накапливая знания и приобретая необходимые профессиональные умения и навыки для будущей педагогической деятельности.

Целевой компонент технологии тесно связан с личностными мотивами, которые направлены на формирование положительной учебной мотивации и побудительных моментов у будущих педагогов. Он предусматривает развитие внутренней потребности в ценностном отношении к проблемам воспитания и образования детей раннего дошкольного возраста. Целевой компонент направлен на понимание личностной и социальной значимости будущей педагогической деятельности по раннему интеллектуальному развитию детей и субъективной готовности к данной деятельности.

Содержательный компонент составляет теоретический фундамент педагогической технологии. Он включает в себя не только систему фундаментальных знаний, но и умение приобретать эти знания, навыки познавательной деятельности и творческого решения задач, необходимые для соблюдения научного подхода и целесообразности действий в подготовке будущих педагогов к работе по раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста. В содержательном компоненте представляется целесообразным выделить три логически взаимосвязанных блока: теоретический, практический и творческий, последовательно раскрывающие развитие уровней готовности к работе по раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста.

Теоретический блок содержательного компонента несет в первую очередь развивающую функцию, то есть предусматривает усвоение теоретического и методологического материала по проблеме раннего интеллектуального развития детей. Он способствует формированию представлений о значимости и необходимости раннего интеллектуального развития детей. Усвоение студентами содержания методологических и методических дисциплин обеспечивает не только фундаментальные знания, но и условия для развития профессионально значимых качеств личности. Подготовка студентов на методическом уровне предполагает изучение современных образовательных, вариативных и альтернативных программ по обучению и воспитанию детей дошкольного возраста: их структуру, содержание, ключевые положения и сравнительный анализ.

Информационное наполнение теоретического блока планируется в совместной деятельности преподавателя и студентов в учебном процессе с учетом достаточного уровня знаний и умений по изучаемой проблеме. Сам учебный процесс воспринимается при этом как стимул не только для образовательной деятельности, но и для самообразования, самовыражения и саморазвития студентов.

Практический блок содержит формирование практических умений и навыков, необходимых для работы по раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста, на основе полученных теоретических и методологических знаний по данной проблеме. Задачей данного блока является усиление практической подготовки студентов без снижения теоретического уровня знаний. Закрепление учебного материала, его актуализация, систематизация и владение педагогическими умениями и навыками происходит в практической

деятельности. Блок включает различные виды самостоятельной работы и заданий во время прохождения студентами педагогической практики.

Творческий блок содержательного компонента занимает важное место в реализации предлагаемой технологии и направлен на подготовку будущих педагогов, способных к творческой работе по раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста.

Научно-исследовательская работа, проводимая в его рамках, включает развитие у студентов творческих, нестандартных решений. Она подразумевает стремление к овладению практическими умениями и методами научного поиска, интерес к экспериментальным исследованиям по проблеме раннего интеллектуального развития детей и внедрению полученных теоретических результатов в будущую практическую деятельность.

К условиям интенсивного развития педагогического творчества можно отнести включение студентов в самостоятельную деятельность, в процессе которой они овладевают разными способами получения знаний, что позволит им находить оригинальные решения нестандартных педагогических задач. Найденные теоретические решения молодые специалисты могут применять в практической деятельности, тем самым развивая в себе такие качества, как гибкость и критичность мышления, сообразительность, самостоятельность, умение обосновывать собственное мнение.

Теоретический, практический и творческий блоки содержательного компонента технологии имеют относительную самостоятельность. В то же время они взаимосвязаны и дополняют друг друга.

Педагогическая деятельность студентов, которая реализуется в каждом блоке, имеет системообразующий и прикладной характер. Она направлена на выполнение конкретных целей и задач по совершенствованию готовности к работе по раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста и формирование профессионально значимых качеств личности будущих педагогов.

Операционно-деятельностный компонент педагогической технологии включает в себя формы, методы и средства, реализуемые в учебном процессе, которые направлены на достижение главной цели – подготовки будущих педагогов к работе по раннему интеллектуальному развитию детей. В основе этого компонента лежит идея воспроизводства разных форм учебных процедур, которые должны реализоваться на аудиторных и внеаудиторных занятиях.

Аудиторные формы работы традиционно используются в различных видах, таких, как лекционные, практические и семинарские занятия, консультации, работа на специальных и факультативных курсах.

Педагогическая технология подготовки будущих педагогов к работе по раннему развитию детей дошкольного возраста требует проведения не только традиционных, но и нестандартных лекций, направленных на улучшение качества подготовки будущих специалистов и оперативное решение возникающих педагогических проблем. В качестве апробированных и успешно себя зарекомендовавших примеров можно привести лекцию-дискуссию, лекцию-беседу, проблемную и проблемно-фрагментарную лекцию, лекцию с экспресс-контролем в виде пресс-конференции.

Хорошие результаты дают консультации и тематические дискуссии, в ходе которых предусматривается активное моделирование предметного, социально-го и воспитательного содержания технологии. Основной авторской формой реализации технологии подготовки будущих педагогов к работе по раннему интеллектуальному развитию детей стал собственный спецкурс «Раннее интеллектуальное развитие детей: педагогические системы и программы».

Внеаудиторные занятия направлены на перенос полученных знаний, умений и навыков в новые условия, например в дошкольные образовательные учреждения и центры развития детей.

Выездные тематические занятия необходимы для знакомства студентов с передовым опытом, реальным состоянием организации и планирования образовательной и воспитательной работы в дошкольных учреждениях. Они позволяют изучать практическую работу руководителей и педагогов дошкольных образовательных учреждений, что расценивается нами как одно из важных условий формирования профессиональных качеств будущих педагогов.

Реализация авторской технологии потребовала использование оптимального (количественного и качественного) арсенала разнообразных *средств обучения*: методических, технических, вербальных, невербальных, экспрессивных, инновационных.

В качестве методических средств учебного процесса нами применялись научная и учебно-методическая литература по изучаемым дисциплинам, комплексные, вариативные и парциальные программы воспитания и образования детей дошкольного возраста. Важным средством признается общение преподавателя и студентов, которое осуществляется с помощью вербальных и невербальных средств коммуникации.

К вербальным средствам относится речь преподавателя, то есть передача информации посредством языка. В качестве единицы языка могут выступать слово, фраза, текст, сообщение. Для восприятия информации имеет значение техника речи – голос преподавателя, его дикция и звукопроизношение. К невербальным средствам общения относятся экспрессивные проявления – жесты, мимика, пантомимика, при помощи которых преподаватель выражает эмоциональное отношение к содержанию информации. Общение преподавателя и студентов осуществляется не только на аудиторных, но и на внеаудиторных занятиях, например при подготовке деловых и проблемных игр, обсуждении творческих работ, рефератов, сообщений, работе над курсовыми и дипломными проектами.

Результативно-диагностический компонент технологии предполагает достижение гарантированного результата профессиональной подготовки будущих педагогов, а именно: высокого уровня готовности студентов к работе по раннему интеллектуальному развитию детей. Он призван показать эффективность выбранных форм, методов и средств реализации авторской педагогической технологии в учебном процессе вуза.

Полученный результат должен подтвердить личностное и профессиональное развитие студентов, что находит выражение в увеличении объема знаний, умений и навыков молодых специалистов.

Компонент выполняет диагностическую функцию, поскольку включает контроль, рефлексию и оценку деятельности, предполагает материальные и личностные изменения будущих педагогов, их развитие, саморазвитие и самоусовершенствование, которые происходят в процессе обучения и влияют на результат. Контроль и самоконтроль заключаются в анализе выполненного, осознании и оценке студентами собственных действий, психических процессов и состояний, своевременной коррекции.

Разработанная нами технология подготовки будущих педагогов к работе по раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста представлена в виде образовательного маршрута. Ее реализация возможна при наличии соответствующих материально-технических, организационно-управленческих условий, а также должного психолого-педагогического обеспечения. Представленная технология призвана содействовать достижению запланированного результата – повышения уровня готовности молодых педагогов к специфической профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. *Атутов П.Р.* Технология и современное образование // Педагогика. 1996. № 2. С. 12–14.
2. *Беспалько В.П.* Слагаемые педагогической технологии. М., 1989.
3. *Кларин М.А.* Педагогическая технология в учебном процессе. М., 1989.
4. *Колеченко А.К.* Энциклопедия педагогических технологий: пособие для преподавателей. СПб., 2001.
5. *Монахов В.М.* Технологические основы проектирования учебного процесса. Волгоград, 1995.
6. *Селевко Г.К.* Современные образовательные технологии: учеб. пособие. М., 1998.
7. *Сериков В.В.* Личностный подход в образовании: концепции и технологии Волгоград, 1994.
8. *Смирнов С.Д.* Технологии в образовании // Высшее образование в России. 1999. № 1. С. 109–110.
9. *Тельтевская Н.В.* Формирование системы профессионально-педагогических знаний: теоретический аспект. Саратов, 2002.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

O.S. Mironova
**Problems of Improving
the Pension System of Russia**

The condition of Russia's pension system is analyzed. The main challenges are reported: the paternalistic principle of forming the pension fund, the increase of the budget deficit of the state pension fund, a large number of recipients of early retirement. Measures to improve the pension system are proposed.

Key words and word-combinations: pension system, pension fund, pension liabilities of the state.

Анализируется состояние пенсионной системы России. В качестве основных проблем отмечены: патерналистский принцип формирования пенсионного фонда, нарастание дефицита бюджета государственного Пенсионного фонда, большое количество получателей досрочных пенсий. Предложены меры по совершенствованию пенсионной системы.

Ключевые слова и словосочетания: пенсионная система, пенсионный фонд, пенсионные обязательства государства.

УДК 364:368.4(470+571)
ББК 65.272(2Рос)

О.С. Миронова

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Задача повышения социального благополучия граждан считается приоритетной для всех цивилизованных государств. Современное государство невозможно представить без эффективной системы социального обеспечения граждан, где одной из важнейших составляющих является пенсионное обеспечение.

Начиная со второй половины XX в. национальные пенсионные системы западных стран, а также СССР / РСФСР / Российской Федерации строились преимущественно на перераспределительном механизме и развивались именно как государственные пенсионные системы. Ведущим фактором, определяющим степень устойчивости таких систем в среднесрочном периоде, выступает возрастная структура населения, исходящая из соотношения численности населения трудоспособного и старше трудоспособного возраста. По понятной причине тенденция «ста-

рения» общества (увеличение доли лиц, старше трудоспособного возраста) способствует возрастанию нагрузки на трудоспособное население. Данное обстоятельство побудило правительства развитых стран в 1980-х годах предпринять шаги по реформированию национальных пенсионных систем. Для Российской Федерации это также стало весьма актуальным, поскольку согласно демографическим прогнозам после 2010–2020-х годов ожидается значительный рост доли пожилого населения.

В России реформа пенсионной системы была начата в 2002 г. Ее основой стала специально разработанная для этого Программа пенсионной реформы, одобренная Национальным советом при Президенте России по пенсионной реформе. Ее целью было заявлено повышение уровня пенсионного обеспечения граждан на основе обеспечения финансовой устойчивости пенсионной системы. Однако в уже модернизированной пенсионной системе сохраняются серьезные проблемы, отрицательно влияющие на ее развитие.

Первая проблема связана с тем, что в целом сохраняется патерналистский принцип формирования Пенсионного фонда. Пенсия носит явно уравнилительный характер и мало зависит от трудового вклада работника. В структуре трудовой пенсии растет доля ее базовой части, не связанная с размером заработной платы. Не создан механизм, побуждающий работодателя и работника к формированию пенсионных накоплений.

Фактически пенсия представляет собой социальное пособие, размер которого зависит от возраста получателя (моложе или старше 80 лет), состояния его здоровья (наличие и тяжесть инвалидности) или количества иждивенцев на содержании. Единственным звеном, связывающим базовую часть пенсии с обязательным пенсионным страхованием, является требование по продолжительности страхового стажа, дающего право на назначение трудовой пенсии. Однако, по данным Росстата, за пять лет стажа лишь 4% работающих в Российской Федерации смогут сформировать себе базовую часть пенсии, равную хотя бы половине от установленной законодательством. Среднестатистический же работник за указанный период не может обеспечить и менее десятой доли базовой части, а абсолютному большинству трудоспособного населения недоступно даже это. Таким образом, стажевое ограничение применительно к базовой части пенсии носит исключительно номинальный характер и не наполнено реальным практическим смыслом.

С 2005 г. из Налогового кодекса РФ изъято указание на то, что средства единого социального налога (ЕСН), поступающие в федеральный бюджет, направляются на выплату базовой части трудовой пенсии – таким образом, последняя полностью утратила связь с обязательным пенсионным страхованием. Дополнительным аргументом этой оценки является установленный порядок финансирования базовой части пенсии за счет средств федерального бюджета, когда в бюджет Пенсионного фонда России передается не сумма поступивших в казначейство средств от ЕСН, а весь лимит государственных обязательств на выплату базовой части. В связи с этим закономерно является исключение базовой части из состава трудовой пенсии и перевод ее в систему государственного пенсионного обеспечения с соответствующим фи-

нансированием из государственного бюджета за счет общих налоговых поступлений [1, с. 41].

Зарубежный опыт развития национальных пенсионных систем показывает, что они включают в себя подсистемы добровольного дополнительного пенсионного страхования и частного корпоративного пенсионного обеспечения – так, сами работники и работодатели принимают активное участие в формировании пенсионных накоплений.

В среднем работник на Западе до 50% своего заработка откладывает на будущую пенсию. В России, хотя пенсионная система структурно включает помимо государственного пенсионного обеспечения и обязательного пенсионного страхования рыночную пенсионную инфраструктуру, тем не менее основная нагрузка ложится на государство. В добровольное пенсионное страхование включено около 10% трудящихся. Это означает, что, в отличие от большинства развитых стран, где пенсионные системы формировались как результат компромисса между работником и работодателем, в России по-прежнему ответственность за пенсионное обеспечение ложится на государство.

Вторая проблема заключается в нарастании дефицита бюджета государственного пенсионного фонда.

Размер пенсионных обязательств Российского государства не совпадает с величиной реально полученных страховых взносов. В результате наполнение пенсионного фонда попадает во все большую зависимость от федерального бюджета. Финансовая необеспеченность текущих страховых пенсионных обязательств покрывается за счет средств из государственного бюджета, что увеличивает размер государственного долга.

Особую остроту проблеме финансовой обеспеченности пенсионных обязательств государства в нашей стране придают обстоятельства демографического характера [2, с. 161]. Во-первых, продолжается естественная убыль населения как результат демографического кризиса. Во-вторых, наблюдается тенденция сокращения доли трудоспособного населения и увеличения доли нетрудоспособных граждан, преимущественно пенсионеров. В-третьих, среднестатистическая продолжительность цикла формирования и исполнения пенсионных обязательств Российского государства составляет примерно 60–70 лет, тогда как в странах Запада – 80–85 лет.

Вследствие указанных факторов становится невозможным увеличение размера пенсий без прогрессирующего роста бюджетного дефицита пенсионного фонда. Это обстоятельство, в свою очередь, снижает качество жизни пенсионеров, так как средний размер пенсий является явно недостаточным для полноценной жизни. Большинство пенсионеров по труду получают недостаточные по величине систематические выплаты, а «разовые вливания, широко пропагандируемые, с лихвой съедает инфляция, которая для пенсионеров примерно вдвое выше официально объявленной, рассчитываемой по потребительским товарам и услугам, потребляемым как богатыми, так и бедными» [3, с. 4]. Как показывают исследования социологов, нехватку денег на покупку одежды и обуви ощущают 90% пенсионеров, на приобретение лекарств – 60%. Выход на пенсию у значительной части населения ассоциируется с бедностью и социаль-

ной неустроенностью; низкие размеры пенсий ухудшают психологическое состояние пожилых людей, вызывают депрессивные настроения, социальную апатию, стрессы.

Стремление решить задачу финансового наполнения бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации и сокращения его дефицита посредством введения единого социального налога на фонд оплаты труда (вместо страховых взносов) успеха не имело. Более того, практика взимания взносов по обязательному пенсионному страхованию в рамках налогового вычета из суммы единого социального налога привела к увеличению бюджетного дефицита пенсионного фонда. Прогнозные расчеты показывают, что при сохранении существующей модели пенсионного обеспечения, даже при увеличении единого социального налога, финансовая неустойчивость будет усугубляться.

Третья проблема связана с большим количеством получателей досрочных пенсий и претендентов на их получение. Федеральный закон «О трудовых пенсиях Российской Федерации» [4] закрепляет право на пенсионное обеспечение ранее общеустановленного (60 лет для мужчин и 55 лет для женщин) возраста в отношении двадцати семи различных категорий работников. В общем лимите средств Пенсионного фонда РФ, выделяемых на финансирование пенсий, 20% предусмотрены для досрочного пенсионного обеспечения [5, с. 58].

Многолетняя практика льготного пенсионного обеспечения в России применялась как правовая форма компенсации работникам профессиональной утраты трудоспособности, а именно возмещения ущерба, причиненного его здоровью в процессе производственной деятельности в опасных и вредных условиях труда. Несвершенство действующего механизма льгот в пенсионной системе России заключается в том, что на микроуровне (в хозяйственных организациях) он не стимулирует работодателей осуществлять затраты на улучшение условий и охраны труда (автоматизацию, дистанционное управление) [6].

В настоящее время решена только одна проблема пенсионной системы, а именно приведение величины базовой пенсии к размеру прожиточного минимума. Но этого явно недостаточно, так как «прожиточный минимум не отражает реальные потребности человека, необходимые для нормальной жизнедеятельности» [7, с. 34]. Кроме того, по мнению специалистов, получение доходов в размере прожиточного минимума «позволяет говорить о состоянии «умеренной бедности» – об уровне жизни, при котором удовлетворяются элементарные потребности (физиологические, социальные), но нет возможности удовлетворить более сложные и высокие» [8, с. 23].

Одна из главных причин неудач в реформировании пенсионной системы России заключается в отказе от страховых взносов в пользу взимания единого социального налога. Не была решена задача установления зависимости величины пенсии от размера страховых взносов, что значительно ослабило действие страховых мотивационных механизмов. В результате в России так и не возник институт пенсионного страхования.

Существующие проблемы пенсионной системы России свидетельствуют о необходимости принятия ряда мер по их решению:

1. Создание эффективных механизмов пенсионного страхования, чему будут способствовать, во-первых, установление взаимосвязи размеров пенсий от сумм страховых платежей; во-вторых, увеличение заработной платы как базы для пенсионных страховых взносов; в-третьих, внедрение страховых механизмов профессионального пенсионного обеспечения; в-четвертых, расширение числа работников, охваченных пенсионным страхованием.

Создание действенной системы пенсионного страхования является весьма масштабной и комплексной задачей. От степени эффективности данной системы зависит жизненный уровень как пенсионеров, так и трудящихся. При этом необходим такой механизм пенсионного страхования, который бы дал возможность работникам посредством страховых взносов накопить себе пенсию, сопоставимую по величине с заработной платой. Европейская социальная хартия предусматривает, что минимальная пенсия должна быть не менее 55% размера средней заработной платы по стране.

2. Проведение реформы системы оплаты труда. В России сложилась ситуация «многократного занижения цены рабочей силы по сравнению с ее стоимостью, не допустимое для страны, претендующей на роль цивилизованной» [9, с. 29]. По этой причине первоочередной мерой должно стать увеличение заработной платы, доведение ее доли в ВВП не менее 35%. Заработная плата должна расти более высокими темпами, чем цены. Следует, учитывая рекомендации Международной организации труда (МОТ), довести зависимость минимальной и средней заработной платы до соотношения не менее 50% [10], что позволит снизить страховую пенсионную нагрузку на работодателей. Кроме того, весьма актуальным для России является принятие мер по уменьшению дифференциации заработной платы. «Без глубоких преобразований в одном из важнейших звеньев хозяйственного механизма – регулировании доходов и оплаты труда – невозможны качественные сдвиги в развитии производства» [11, с. 45]. Это станет основой для формирования качественной системы пенсионного страхования с тем, чтобы обеспечить достойный уровень жизни пенсионеров.

3. Законодательное определение размеров дотаций, перечисляемых из федерального бюджета в Пенсионный фонд РФ как необходимая мера во время переходного периода становления страховых отношений при нехватке ресурсов.

4. Развитие института профессионального пенсионного обеспечения. В России практически каждый пятый работник, занятый в промышленности, обладает правом на досрочную пенсию за работу во вредных и опасных условиях труда. Кроме того, необходимо решить вопрос особого режима финансирования северных пенсий. Неприемлема ситуация, когда работники при выходе на пенсию получают доход, равный 12–15% от величины прежде получаемой заработной платы. Следовательно, важно установить схему финансирования данного вида пенсионного страхования.

5. Развитие негосударственного пенсионного страхования, потенциал которого в настоящее время явно используется не полностью. В целях стимулирова-

ния деятельности негосударственных пенсионных фондов требуется предоставить им льготы по выплате ЕСН. Позитивно скажется введение налоговых вычетов для тех физических лиц, которые переводят часть заработной платы на добровольные пенсионные накопления. Следует также увеличить размеры средств, которые негосударственные пенсионные фонды могут вкладывать в ценные бумаги учредителей и вкладчиков; разрешить им направлять средства на солидарные счета.

Предложенные меры будут способствовать совершенствованию пенсионной системы России, хотя и не являются исчерпывающими.

Итак, решение проблем совершенствования пенсионной системы России возможно на основе пенсионного страхования, вовлечения в этот процесс работодателей и самих работников, а также установления правовых норм, ставящих в зависимость размеры страховых взносов и величину пенсий. При этом для формирования эффективной системы пенсионного страхования необходимо, используя потенциал государственной власти, провести реформирование системы доходов и оплаты труда в стране, ввести государственное стимулирование дополнительных систем пенсионного страхования с вовлечением в них значительной части как занятых, так и самозанятых работников. Следует помнить, что заработная плата, регулируемая государством, и институты социального страхования выступают главными инструментами в осуществлении социальной защиты населения.

Библиографический список

1. Соловьев А.К. Проблемы долгосрочной финансовой стабилизации ПФР на основе усиления страховых принципов // Пенсионные фонды и инвестиции. 2007. № 2.
2. Мустиева З.С. Институциональные факторы функционирования пенсионной системы в условиях модернизации // Экон. вестн. Ростовского гос. ун-та. 2010. Т. 7, № 4, ч. 2.
3. Захаров М.Л. Формирование доходной части бюджета пенсионного фонда Российской Федерации: реальность и перспективы // Журнал российского права. 2009. № 6.
4. О трудовых пенсиях Российской Федерации: Федер. закон от 17 дек. 2001 г. № 173-ФЗ (в ред. от 27 июля 2010 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4920; 2010. № 31. Ст. 4196.
5. Салмина М. Досрочная пенсия // ЭЖ-Юрист. 2010. № 27.
6. Чернышев С.Д. О проблемах досрочного назначения пенсии // Пенсионные фонды и инвестиции. 2006. № 6.
7. Лескова Ю.Г. Право пенсионера на достойную пенсию (в аспекте нового законодательства) // Социальное и пенсионное право. 2010. № 1.
8. Челнокова Г.Б. Социальное законодательство, направленное на защиту от бедности в России. М., 2009.
9. Роиц В. К реформированию в стране современного института обязательного пенсионного страхования // Российский экономический журнал. 2009. № 1/2.
10. О минимальных нормах социальной защиты: Конвенция МОТ № 102 (1952 г.). URL: <http://pensionreform.ru/36930>
11. Логинова Л.В. Согласование социально-экономических интересов в условиях социально ориентированной экономики // Социально ориентированное развитие общества: сб. науч. трудов. Саратов, 2010.

S.A. Dikunov
Social Problems of Employment
Transformation in Russia

Transformational processes in the sphere of employment of the population in Russia are analyzed to reveal social problems of the use of labor resource. It is noted that educational and professional-qualification potential of human resource is used inefficiently in Russia.

Key words and word-combinations: employment, employment structure, transformation, human potential.

Анализируются трансформационные процессы в сфере занятости населения в России с целью выявления социальных проблем использования трудовых ресурсов. Отмечено, что в России неэффективно используется образовательный и профессионально-квалификационный потенциал человеческих ресурсов

Ключевые слова и словосочетания: занятость, структура занятости, трансформация, человеческий потенциал.

УДК 316.334.2
ББК 60.561.2

С.А. Дикунов

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ

Тенденции трансформации российской занятости связаны не только с рыночными преобразованиями экономики, но и с общемировыми сдвигами системы социально-трудовых отношений, происходящими под влиянием глобализации, формирования информационного общества и инновационной экономики. Данные проблемы находят отражение в научной литературе, но не достаточно исследованным остается вопрос о том, насколько новые параметры характера российской занятости соответствуют или не соответствуют параметрам занятости информационного общества. Пока не удастся описать системную «производность» характера изменения занятости от характера изменения общества, правильно выразить активно-преобразовательную роль государства. Выявление социальных проблем трансформации занятости позволит избежать поспешных решений в регулировании занятости.

Анализ показывает, что трансформационные процессы занятости в России характеризуются рядом социальных проблем, тормозящих переход российского общества на новый уровень общественного развития.

Первая проблема связана с неэффективным использованием образовательного и профессионально-квалификационного потенциала человеческих ресурсов. В России преобладает доля занятых в сфере нематериального производства (60,9% всех занятых в 2008 г.), что на первый взгляд отвечает требованиям современного развитого общества, но качественная структура российской рабочей силы в

целом уступает странам Запада и США. Так, в начале 1990-х годов соотношение доли занятых преимущественно умственным трудом и преимущественно физическим трудом у нас составляло приблизительно 40 : 60, тогда как в США 58 : 42. В 2008 г. данное соотношение в России ухудшилось и составило 37 : 63, тогда как в США улучшилось (59 : 41) [1, с. 760].

В нашей стране наблюдается ярко выраженная тенденция роста количества людей с высшим образованием. По данным статистики, доля специалистов с высшим образованием в экономически активном населении за период с 1992 по 2009 г. выросла с 17,6 до 28,7% [1, с. 147]. По этому показателю Россия занимает третье место в мире (после США и Норвегии). Однако такое количество обладателей дипломов с высшим образованием не способствует повышению эффективности экономики и росту производительности труда. Это происходит в силу того, что на фоне роста спроса на квалифицированные рабочие кадры (в цементной, химической, текстильной, швейной, обувной промышленности) происходит значительное сокращение их предложения. Например, за период с начала 1990-х годов подготовка рабочих профессий для металлургии сократилась в 2,5 раза, для швейной промышленности – в 1,5 раза [2, с. 188]. Подобные процессы наблюдаются с подготовкой работников связи, транспорта, сельского хозяйства. В результате рабочие места в данном секторе заполняются либо профессионально не подготовленными работниками, либо лицами, прошедшими подготовку по другим профессиям и специальностям. В России до 90% выпускников школ поступают в высшие учебные заведения, но при этом более половины выпускников вузов работают не по специальности [3, с. 34].

Мировая практика использования трудовых ресурсов показала, что образование выступает источником роста эффективности труда только в том случае, если есть благоприятные условия для использования трудового потенциала, то есть увеличение качества предлагаемого труда должно сопровождаться увеличением спроса на высококвалифицированный труд. В 1970-е годы в европейских странах и США произошел резкий рост количества безработных с высоким уровнем образования и квалификации, что побудило фирмы модернизировать свою политику занятости. Результатом стало улучшение структуры рабочих мест, введение индивидуального подхода к каждому занятому в организации, предоставление возможности повышения квалификации, продвижения по карьерной лестнице.

Качество экономического роста находится в тесной взаимосвязи с качеством трудовых ресурсов. В России, несмотря на экономический рост, не происходит положительных сдвигов в структуре хозяйственной системы. Экономика по-прежнему имеет однобокий характер развития, топливно-сырьевую ориентацию, близкую странам третьего мира, но не инновационного общества.

Долгое время российская система образования готовила специалистов в области теоретической физики, математики, информатики, химии, качество которых было одним из лучших в мире. В настоящее время в нашей стране, по сравнению со странами Запада, судя по уровню оплаты труда, социальным гарантиям занятости, работники в сфере науки и образования составляют одну из самых малозащищенных социальных групп. Более высокий уровень дохода,

а следовательно, социального престижа имеют работники, занятые на таких работах сферы услуг и торговли, где формально не требуется высшего образования и высокой профессиональной подготовки. В западных странах, наоборот, данная категория занятых относится к сегментам рынка труда с наименьшей ценой труда. Таким образом, относительно низкий уровень оплаты труда, падение социального престижа профессий и специальностей, требующих высокоинтеллектуального труда, способствуют снижению качества трудовых ресурсов российского общества.

В России усиливается обесценивание человеческого капитала и его растрачивание. Работники высокой квалификации переходят на более высокооплачиваемую работу, но не требующую высокоинтеллектуальных знаний и навыков, переезжают в другие страны («утечка мозгов»). По некоторым данным, за 1991–2002 гг. из России выехали 637 тыс. человек. В 2003–2008 гг., по разным оценкам, Россию покинули от 229,5 до 440 тыс. человек, причем качественная структура эмигрантов складывается не в интересах России. Среди выезжающих из страны 39% – это специалисты с высшим образованием; 20% – молодые люди (20–24 года), 25% – работники возрастной группы 35–40 лет. Велика доля россиян, выезжающих за рубеж по учебным визам. Например, в Великобританию на учебу ежегодно уезжают более 30 тыс. студентов, свыше 5 тыс. молодых россиян устремляются в Германию, Францию, Канаду и Австралию. При этом почти 30% из них после получения образования остаются за границей [4, с. 9].

По данным опроса, проведенного ВЦИОМ в 44 российских регионах, в 2007 г. каждый третий россиянин имел родных или знакомых, уехавших из страны. Среди опрошенных россиян 14% сами хотели бы переехать в другую страну на постоянное место жительства, а 3% предпринимают для этого активные действия [5].

Таким образом, Россия по-прежнему теряет довольно значительную и наиболее энергичную часть человеческого капитала. К 2020 г. кадровый дефицит в России может составить 22 млн человек [6, с. 24].

Данный процесс осложняется изменением трудовых предпочтений российской молодежи, что находит выражение в росте склонности к примитивным видам занятий, которые быстро приносят относительно высокие доходы, а не к получению профессий высококвалифицированного труда. В России растет число населения, занятого в сфере обслуживания, особенно в оптовой и розничной торговле. Так, если за 1992–2008 гг. среднегодовая численность занятого населения в сфере науки и научного обслуживания уменьшилась на 49,6%, то занятость в торговле и общественном питании возросла на 96,0% [7, с. 25].

Явным проявлением социально-экономической дестабилизации в сфере занятости российского общества является и тот факт, что многие молодые специалисты с высшим образованием не имеют возможности трудоустроиться по своей специальности в течение длительного времени. Они вынуждены соглашаться на такие виды работ в различных коммерческих структурах, которые не соответствуют ни их специальности, ни уровню образования.

В здоровой социальной среде, отличающейся высокой стабильностью, имеется возможность прогнозировать последствия выбора профессии на долгосроч-

ную перспективу. В таких условиях молодежь отдает предпочтение профессиям, которые на начальных этапах карьеры приносят небольшие доходы, но в последующем, по мере накопления знаний, приобретения профессионального опыта, карьерного продвижения, гарантируют рост благосостояния.

В российском обществе, напротив, в условиях социальной и экономической нестабильности, низкой оценки высокоинтеллектуального труда превалирует ценностная ориентация на получение максимально высоких доходов в ближайшей перспективе. В результате происходит примитивизация структуры российской занятости, снижение человеческого потенциала. Поэтому нужны такие целевые программы занятости, которые направлены на укрепление позиций на рынке труда работников с высоким уровнем образования и квалификации. Например, в Великобритании, Франции, Дании в структуре служб занятости были созданы специальные отделы, отвечающие за решение проблем эффективной занятости безработных с высоким уровнем образования и квалификации.

Еще одной немаловажной проблемой трансформации занятости является рост непостоянной и неформальной занятости. Так, в 2007 г. в России насчитывалось примерно 8 млн непостоянно занятых, которые сосредоточены в основном в малооплачиваемом секторе экономики, на рабочих местах, не требующих высокой квалификации и хорошего образования. Кроме того, в России продолжает развиваться тенденция деформализации занятости. По данным статистики, число занятых в неформальном секторе экономики возросло с 12,5% в 2001 г. до 18,0% в 2009 г. [7, с. 45].

Одна из причин неэффективного использования потенциала трудовых ресурсов в России заключается в отставании политики занятости, практикуемой бизнесом, от требований инновационной экономики, когда «растет значение не только квалификации, но и творческих способностей наемного работника, его самостоятельности» [8, с. 257]. Следовательно, происходит изменение иерархии ценностных предпочтений работников в направлении растущего интереса к творческому труду и возможности иметь больше свободного времени.

Традиционная политика занятости, проводимая российским бизнесом, закрепляет институт дешевого работника, не обеспечивает справедливого баланса между величиной и сложностью труда и размером его оплаты. Соответственно мотивация эффективной трудовой деятельности снижается, так как даже высококачественный и интенсивный труд не дает человеку надеяться на достойное вознаграждение и повышение уровня благосостояния. В результате труд для большинства россиян остается, как и прежде, лишь средством выживания, а не способом реализации творческих способностей.

Следующая социальная проблема трансформации занятости связана с низкой степенью мобильности трудовых ресурсов российского общества. Социологические исследования свидетельствуют, что российские граждане в большинстве своем (67,3%) не готовы к изменению своей профессии (специальности). Несмотря на кризис, когда ряд предприятий сократили объемы производства или закрылись, россияне остаются привязанными к своему месту жительства. При этом довольно значительная их часть готова работать за более низкую

заработную плату (46,8%) и по более низкой квалификации (32,4%) [9, с. 19]. Это означает, что, во-первых, российские работники неадекватно оценивают собственные шансы на трудоустройство и не способны реально оценить ситуацию на рынке труда в целом. Во-вторых, в стране консервируется профессиональный дисбаланс, когда в одних регионах остро стоит вопрос дефицита работников по отдельным профессиям, а в других по этим же профессиям наблюдается избыток рабочей силы.

Для российского общества характерна определенная специфика и в оценке социальной опасности безработицы. По международным стандартам уровень безработицы в 6–7% не представляет угрозы социально-экономическому развитию. По оценкам Международной организации труда, в нашей стране такой уровень безработицы воспринимается более болезненно, чем в западных странах. Это объясняется тем, что в обществе сохранились стереотипы полной занятости, на идеологии которой строилась система социально-трудовых отношений советского общества.

Более того, проблема видится не в норме безработицы как таковой, а в том, какие социально-экономические процессы трансформации и тенденции в сфере занятости населения она отображает и воспроизводит. За одним и тем же синтетическим показателем уровня безработицы может скрываться диаметрально разная обстановка в сфере занятости населения. Так, в России на фоне относительно невысокого уровня безработицы в отдельных сегментах рынка труда наблюдается тенденция роста застойной безработицы. Ее отрицательные социально-экономические эффекты выражаются в том, что данная категория безработных постепенно теряет свои профессиональные знания и навыки, возникает угроза формирования у них «культуры безработицы». В этих условиях требуется повышенное внимание к их реабилитации. Данная ситуация осложняется еще и тем, что до сих пор не отработан эффективный механизм оказания помощи безработным, а также низким уровнем ресурсной обеспеченности регулирования занятости.

Итак, в России в силу снижения занятости в отраслях, требующих высококвалифицированного труда, и увеличения занятости в сфере торговли, посреднических услугах, неформальном секторе экономики происходит ухудшение структуры рабочих мест и снижение человеческого потенциала. На этих проблемах, связанных с трансформацией занятости, и должна, на наш взгляд, сосредоточиться современная политика занятости, как государства, так и хозяйственных организаций.

Стратегической задачей политики занятости становится обеспечение трудоспособной части общества не просто любыми рабочими местами, а возможностями развивать и реализовать свой творческий потенциал, получая достойную оценку своего труда. Приоритетами содействия занятости должны стать, во-первых, специалисты-профессионалы как наиболее дорогостоящая и ценная категория работников, во-вторых, молодежь, с целью снижения опасности того, что потенциал приобретения и эффективного использования человеческого капитала может быть не реализован, в-третьих, длительно безработные, с целью сохранения накопленного человеческого капитала.

Библиографический список

1. Российский статистический ежегодник, 2010: стат. сб. М., 2010.
2. Попова Н.Ю. Механизм формирования эффективной системы занятости населения // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Т. 6, № 4, ч. 4. С. 186–192.
3. Ильин И. Ситуация в области заработной платы и трудовых отношений // Труд и страхование. 2007. № 2. С. 32–43.
4. Смирнов А.В. О социальной термодинамике в российской истории и ее значении для концепции правового государства // Законодательство и экономика. 2010. № 1. С. 9–21.
5. Всероссийский центр изучения общественного мнения [Интернет-ресурс]. 2008. Пресс-вып. № 687. URL: <http://wciom.ru>
6. Чиждова Л.С. Трудовой фактор в макроэкономических прогнозах // Российский экономический журнал. 2008. № 8. С. 23–39.
7. Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований), 2010: стат. сб. М., 2010.
8. Логинова Л.В. Социальный механизм институционализации интересов субъектов экономического действия: теория, методология и практики функционирования. Саратов, 2009.
9. Возьмитель А.А., Осадчая Г.И. Образ жизни в России: динамика изменений // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 17–27.

T.V. Treneva
**Organizational and Corporate
Identity in the Context
of Referent Groups Theory**

Aspects of worker's organizational identity are analyzed. The term "corporate identity" is proposed to distinguish positive organizational identity of an individual.

Key words and word-combinations: identity, referent group, corporation.

Анализируются аспекты организационной идентичности работника. Для выделения позитивной организационной идентичности индивида предлагается использовать понятие «корпоративная идентичность».

Ключевые слова и словосочетания: идентичность, референтная группа, корпорация.

УДК 316:334.2
ББК 60.551.2

Т.В. Тренева

**ОРГАНИЗАЦИОННАЯ
И КОРПОРАТИВНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ
РАБОТНИКА
В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ
РЕФЕРЕНТНЫХ ГРУПП**

В настоящее время значительный интерес ученых вызывает социальный концепт «идентичность». Это является закономерной реакцией науки на стремительное изменение социальных условий. Резкие перемены, происходящие во многих странах мира, в том числе в современной России, множество проблем экономического, культурного, политического характера постоянно подвергают проверке представления человека о самом себе и ставят перед ним вопрос о его идентичности [1].

Трудовой процесс, который протекает в основном в рамках формальных трудовых организаций, является для современного человека одной из важнейших сфер социальной самореализации. Соответственно, различные виды идентичности, связанные с трудовыми организациями, занимают все большее место в самоопределении человека, понимании им своего положения в системе социальных взаимодействий. Однако понятие организационной идентичности в настоящее время недостаточно разработано в рамках социологической науки. В еще большей степени это относится к одной из разновидностей организационной идентичности – корпоративной идентичности работника, которая и является предметом нашего внимания. Предлагаем рассмотреть корпоративную идентичность работника с позиции теории референтных групп.

В социальных науках, психологии определение идентичности двойственно. Во-первых, это свойство индивида оставаться самим собой в изменяющихся ситуациях, для чего требуется предварительное осознание себя как особой личности, отличающейся от других. В этом смысле термин «идентичность» близок термину «самосознание». Во-вторых, идентичность – это соотнесение себя с другими людьми, социальной общностью или идеалом путем избирательного и внутренне согласованного усвоения информации о себе самом как единстве личностного и одновременно социального. По нашему мнению, в данном случае более подходит термин «самоопределение». Таким образом, возможно выделение двух аспектов идентичности – личностного и социального.

В современном мире идентичность, особенно социальная, не задана человеку от рождения, а развивается на протяжении всей жизни человека. Она отражает динамичную сторону структуры сознания. Изменение идентичности обусловлено изменениями в социальной жизни индивида. Кроме того, человек может «вбирать» в себя несколько идентичностей, выделяемых по разным основаниям. Особенно это касается социальной идентичности. Ученые уже давно обратили внимание, что социальная идентификация является обозначением «групповых идентификаций личности, то есть самоопределения индивидов в социально-групповом пространстве относительно многообразных общностей как «своих» и «не своих»» [2, с. 597].

Представляется верной точки зрения на социальную идентичность как на результат самоопределения личности в различных измерениях социального пространства, самоидентификации в разнообразных социальных группах, являющихся для данной личности референтными.

Словарное определение референтной группы следующее: «Реальная или воображаемая социальная группа, система ценностей и норм которой выступает для индивида эталоном... Все объединения, которые являются для индивида эталоном при оценке им собственного социального положения, действий, взглядов и т.д.» [3, с. 237]. Инструментально рассматривая феномен референтной группы, В.И. Ильин полагает: «Если мы дорожим членством в данной группе, если мы... рассматриваем нормы и ценности ее субкультуры как наиболее авторитетные... то эта группа может считаться в качестве референтной» [4, с. 134].

В системе отношений «личность – общество» референтная группа выполняет три главные функции. Статусная (информативная) функция способствует формированию у индивида представления о его месте в социальной структуре общества и эталоне исполнения социальных ролей. Регулятивная (нормативная) – устанавливает и интерпретирует для личности социальные нормы общества, через них обуславливает определенный тип поведения. Мировоззренческая (ценностно-оценочная) – определяет установки, ценности, идеалы и цели личности.

В качестве исходной посылки для изучения корпоративной идентичности нами была выбрана концепция идентичности, предложенная Р. Мертонем. Именно этим ученым в социологию было широко введено понятие «референтная группа» и обосновано положение, что идентичность индивида складывается в результате его самоотнесения со своей референтной группой [5; 6]. Мертон сделал вывод, что систему координат задает индивиду прежде всего группа, членом которой он является (ин-группа). Через систему коммуникаций индивид получает представление о положении иных групп, членом которых он не является (аут-групп), а также узнает стандарты, принятые в них. Возможно, что именно стандарты аут-групп становятся для человека критерием оценки собственного положения. В один и тот же момент индивид может воспринимать как референтные сразу несколько групп.

Выбор индивидом референтной группы непостоянен. Он зависит от мотивации индивида, оценки им возможностей удовлетворения своих статусных и иных ожиданий в рамках группы. При неудовлетворенности своим положением в группе индивид может перестать воспринимать ее как референтную. Тогда его поведение в рамках «старой» группы начнет становиться все менее конформным. Об этом процессе выразительно пишет В.Ф. Чеснокова: «Мертонский мир референтных групп – это взбаламученное море, в котором границы между группами постоянно меняются, члены и не члены бродят между группами, входя и выходя из них» [7, с. 501]. Идентичность индивида становится переменной, «текучей», говоря в терминах З. Баумана [8], зависящей от того, какую группу индивид выбрал (или сконструировал) для себя в качестве референтной. Такой характер референтных групп полностью корреспондирует с современным типом социальной идентичности, характеризующимся множественностью и неустойчивостью этой идентичности.

Как один из видов социальной идентичности может рассматриваться организационная идентичность индивида. В данном случае определяющим для индивида является выбор формальной трудовой организации (организационно оформленного объединения работников, занятых производством необходимых обществу благ) в качестве референтной группы для самоидентификации.

В условиях множественной идентичности организация может не только быть избрана индивидом в качестве референтной группы для самоидентификации, но и расцениваться им как очень значимая референтная группа. Ведь в обществе современного типа главный социальный статус индивида в большинстве случаев определяется на основе статуса этого индивида в трудовой органи-

зации и статуса самой трудовой организации. Именно учитывая эти моменты, человек отвечает на вопрос «Кто я такой, чего я достиг?».

Организационная идентичность – достаточно новое понятие для социологической науки. Оно стало появляться в зарубежной и отечественной литературе только в последней трети XX в. Предлагаем авторское определение, сформулированное на обоснованном нами понимании организации как референтной группы. *Организационная идентичность работника – это разновидность социальной идентичности индивида, связанная с осознанием себя как члена организации, с формированием чувства принадлежности к организации. Организация в этом случае выступает для индивида как референтная ин-группа для самоидентификации.*

Напомним, что референтная группа может быть не только позитивной, но и негативной. Любая организация (трудовая в том числе) заинтересована именно в позитивной идентичности своих членов. Для выделения *позитивной организационной идентичности индивида* предлагаем использовать понятие «*корпоративная идентичность*». Корпоративная идентичность работника в такой трактовке будет рассматриваться как та часть «Я-концепции» индивида, которая связана с трудовой организацией как ин-группой этого индивида.

Уточним, что в менеджменте субъектом корпоративной идентичности нередко выступает не работник как индивидуальный социальный актор, а организация как совокупный социальный актор. В непосредственной связи с данным обстоятельством заметим, что под корпоративной идентичностью понимаются, как правило, те константы внешних и внутренних коммуникаций организации, которые, во-первых, позволяют быстро идентифицировать эту организацию, ее подразделения, ее представителей в процессе внешних и внутренних коммуникаций; во-вторых, формируют имидж этой организации в глазах целевых аудиторий. Наиболее очевидным проявлением такой идентичности считается так называемый «фирменный стиль» организации («корпоративный стиль»), воплощенный в названии организации, ее логотипе, слогане, стандартных моделях поведения персонала. Есть и расширительные трактовки корпоративной идентичности, приближающие ее к понятию «корпоративная культура» – широкому спектру внутренних смыслов и внешних атрибутов деятельности организации, формирующих ее образ в глазах внешних и внутренних аудиторий, ее отличительную позицию в ряду других организаций [9, с. 73].

Под «корпоративной идентичностью работника» имеется в виду причастность индивида к особой системе отношений, а не просто членство в формальной группе.

Обычно в менеджерских подходах к организационной и корпоративной идентичности не просматривается существенной разницы между понятиями «организация» и «корпорация», один термин просто заменяется другим. Вряд ли это правильно. По нашему мнению, замена «организации» на «корпорацию» в современной литературе, особенно в литературе по менеджменту, вызвана отчасти особенностями перевода англоязычной литературы на русский язык, но отчасти и существенными вещами. Юридически корпорация – одна из форм

организации. В этом случае социологической разницы между двумя понятиями нет. Но корпорацией называют также различные формальные и неформальные группы (объединения, союзы и пр.), защищающие интересы своих участников, отстаивающие их привилегии. Так, в качестве корпорации в Средние века рассматривался ремесленный цех, город, получивший привилегии от своего сеньора, университет. Самое же широкое определение корпорации – любое объединение лиц, созданное для какой-то деятельности в интересах этих лиц.

Современная трудовая организация может, при определенных условиях, рассматриваться работниками не только как юридически оформленная структура, но и как неформальное объединение, дающее своим участникам особые привилегии, ведущее свою деятельность в их интересах, защищающее корпоративные привилегии. Организация в глазах своих членов трансформируется из формальной группы в неформальную, в рамках которой все внутренние акторы связаны не только «прописанными» правами и обязанностями, но и общностью частных интересов, единой групповой культурой. В таком случае речь идет не об организационной форме предприятия, а об особой системе отношений некоторой общности, в качестве которой может выступать коллектив предприятия [10, с. 75]. И тогда между понятиями «организация» и «корпорация», с точки зрения социолога, появляется очевидная смысловая разница.

Именно система отношений в организации как неформальной группе может быть названа, по нашему мнению, корпоративной культурой – системой коллективных базовых представлений, приобретаемых группой при разрешении проблем адаптации к внешней среде и внутренней интеграции. Эти представления доказали свою эффективность и поэтому рассматриваются членами группы как ценность, передаются новым членам группы в качестве правильной системы восприятия, мышления и чувствования в отношении названных проблем [11, с. 31]. Следование таким фреймам (устойчивым структурам атрибутов и значений, определяющих основные компоненты поведения) признается группой обязательным. Без этого индивид фактически не может быть полноценным членом группы, то есть не может в полной мере идентифицироваться с ней.

Проанализируем изложенные положения с точки зрения идентичности работника.

Организация может рассматриваться работником как некоторая внешняя ситуация. Хотя он является членом группы «организация» и идентифицирует себя как члена организации, освоения культуры этой группы не происходит или же она осваивается им частично, на уровне организационного дизайна, а не базовых групповых представлений. Принадлежность к организации носит в таком случае формальный (в социологическом смысле слова) характер. Как следствие, организация воспринимается индивидом как референтная группа для самоидентификации, но эта референтность может быть не только позитивной, но и негативной. Например, работник воспринимает себя как члена данного предприятия, но оно ему не нравится, он не отождествляет себя с предприятием в сколь-нибудь значительной степени.

Организация может восприниматься работником и как корпорация, то есть неформальная группа, в рамках которой он может наилучшим образом удовлетворить свои как моральные, так и материальные интересы и получить значимые для него привилегии. Человек включается в корпоративную культуру, воспринимает ценности, нормы, философию корпорации как внутреннюю личностную установку, обеспечивающую ему личностный успех. В этом случае организация играет для работника роль неформальной позитивной референтной группы. Именно такую идентичность мы предлагаем называть корпоративной идентичностью.

Корпоративная идентичность – разновидность организационной идентичности, когда работник воспринимает трудовую организацию как неформальную группу с позитивной референтностью. В этом случае работник старается на личностном уровне воспринять групповую культуру, практикуемые в этой группе ценности, нормы, модели взаимодействия. Как следствие, группа становится для работника реальной, а не номинальной (выделяемой искусственно). Сама же группа преобразуется в подлинного субъекта социальной жизни, социальных взаимодействий.

Итак, корпоративная идентичность работника в предложенном нами понимании этого термина формируется тогда, когда он воспринимает свое членство в организации как членство в престижной социальной группе, когда это членство удовлетворяет его потребность в устойчивой групповой принадлежности.

Корпоративная идентичность может «выстраиваться» стихийно, но тогда возможно возникновение противоречий и конфликтов между частными интересами работников и общей целью организации. Поэтому более оптимальным для трудовой организации вариантом является осознанное «переформатирование» субъектом управления формальной организации в неформальную корпорацию работников, то есть в привлекательную для их самоидентификации референтную группу.

Библиографический список

1. *Заковоротная М.В.* Идентичность человека. Ростов н/Д, 1999.
2. *Ядов В.А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Психология самосознания: хрестоматия. Самара, 2003.
3. *Антипина Г.С.* Группа референтная // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 1.
4. *Ильин В.И.* Поведение потребителей. СПб., 2000.
5. *Мертон Р.К.* Референтная группа и социальная структура / пер. с англ. М., 1991.
6. *Merton R.K.* Reference Group, Invisible colleges, and deviant behavior in Science // *Surveying Social Life.* Connecticut, 1998.
7. *Чеснокова В.Ф.* Язык социологии: курс лекций. М., 2010.
8. *Бауман З.* Текучая современность / пер. с англ. СПб., 2008.
9. *Крылов А.Н.* Корпоративная идентичность для менеджеров и маркетологов. М., 2004.
10. *Попов Ю.Н., Шевчук А.В.* Введение в социологию труда и занятости. М., 2005.
11. *Шейн Э.* Организационная культура и лидерство / пер. с англ. СПб., 2007.

**A.Yu. Yunkov
Staff Preparation for the Branch
of Physical Training and Sports
in Conditions of Reforming
the Educational System**

The problems of staff preparation for the branch of physical training and sports are shown. The condition of the branch staffing is assessed and approaches to solve the problems are proposed.

Key words and word-combinations: physical training and sports, the trainer, physical training teacher, new educational programs.

Показаны проблемы подготовки кадров для отрасли физической культуры и спорта. Дана оценка состоянию кадрового обеспечения отрасли и предложены подходы к решению обозначенных проблем.

Ключевые слова и словосочетания: физическая культура и спорт, тренер, преподаватель физкультуры, новые учебные программы.

УДК 377:796.06

ББК 74.5:75.4

А.Ю. Юньков

**ПОДГОТОВКА КАДРОВ
ДЛЯ ОТРАСЛИ
ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
И СПОРТА
В УСЛОВИЯХ
РЕФОРМИРОВАНИЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
СИСТЕМЫ**

Вступление России в Европейское образовательное пространство способствовало заметным преобразованиям в системе вузовского и послевузовского профессионального образования. Инновационные изменения охватили все стороны образовательной деятельности. Процесс затронул в том числе и подготовку специалистов-физкультурников.

Профессиональное образование в отрасли физической культуры и спорта является самостоятельным сегментом национальной образовательной системы, поскольку имеет свои специфические особенности и характеризуется определенными чертами. Сегодня требуется существенное, с использованием инновационных подходов улучшение подготовки специалистов. Большое значение имеет деятельность, направленная на преобразование существующих форм и методов образования, определение новых целей, обоснование средств творческой реализации образовательных технологий. Однако непрерывные организационные трансформации в структуре государственного управления отраслью, ощутимая нехватка должного финансирования и контроля негативно сказывались на решении этой задачи.

Подготовка высококачественных специалистов для всех звеньев системы физической

культуры и спорта должна осуществляться на основе реального спроса услуги, обеспечивать высокое качество педагогического сопровождения всего многообразия физкультурно-оздоровительных программ в различных образовательных учреждениях. Ее важными составными частями представляются обязательное повышение квалификации с последующей аттестацией, а также сертификация работников сферы физической культуры и спорта.

В Российской Федерации действует широкая сеть образовательных учреждений, готовящих специалистов в области физической культуры и спорта. В настоящее время во всех типах образовательных учреждений отрасли обучается около 90 тыс. человек, однако идет процесс сокращения численности студентов. Подготовка соответствующих кадров осуществляется по шести специальностям в 219 образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования, включающих в себя колледжи, техникумы, училища олимпийского резерва, учреждения дополнительного специального образования [1, с. 129]. Кроме того, функционирует специализированная докторантура и аспирантура.

Выделяются два образовательных направления. Подготовка ученых-исследователей и педагогических кадров большей частью осуществляется факультетами физической культуры университетов, педагогических институтов и педагогических училищ, подведомственных Министерству образования и науки РФ, в то время как подготовка тренерских кадров возложена на специализированные вузы физической культуры и спорта, находящиеся в ведении Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ. Разная ведомственная принадлежность учебных заведений обусловила определенную децентрализацию управления образовательной сетью, что, с одной стороны, расширяет возможности поиска высшими и средними учебными заведениями наиболее эффективных способов привлечения молодежи и применения инноваций в подготовке специалистов; с другой – заставляет искать новые организационные формы, позволяющие успешно функционировать в современных экономических условиях.

В системе федерального Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ подготовку кадров осуществляют 14 вузов (пять университетов, шесть академий, три института), 13 филиалов вузов, 20 средних учебных заведений, а также два научно-исследовательских института. В ведении исполнительных органов власти субъектов РФ находится 33 училища олимпийского резерва [2, с. 110–111]. Наряду с подготовкой кадров и повышением квалификации педагогических кадров образовательные учреждения в регионах выполняют функции центров по развитию профессионального образования. Они ведут научные исследования и осуществляют разработку методологии и организации физкультурно-оздоровительной и спортивной работы среди населения.

В настоящее время функционирует многоуровневая система подготовки кадров для физической культуры и спорта. Четырехлетнее высшее образование, получаемое в рамках бакалавриата, рассматривается в значительной мере как составная часть подготовки специалиста или магистра. Фактически на этой базе строятся годовичные программы подготовки дипломированных специалистов и двухлетняя образовательная программа магистра. Вместе с тем для отрасли крайне важно иметь специалистов высшего уровня, получивших дополнитель-

ную подготовку в аспирантуре и докторантуре, имеющих навыки научно-исследовательской деятельности в сфере физической культуры и спорта и педагогической науки, а также в области организации и управления отраслью. Отдельного внимания к себе требуют средние специальные образовательные учреждения: в последние годы ощущается острый дефицит выпускаемых ими специалистов, происходит снижение численности приема абитуриентов.

Обеспечение физкультурными кадрами организаций отрасли и общеобразовательных учреждений страны зависит от количества выпускников высших и средних профессиональных учреждений, однако существует проблема распределения и трудоустройства выпускников.

Сегодня практикуется как централизованное, так и свободное трудоустройство молодых специалистов. В 2001 г. было распределено 23%, в 2005 г. – 24,5% общего числа выпускников. Доля самостоятельно устроившихся на работу по специальности снизилась за этот период с 23 до 13,3%. Существенно возросла доля выпускников, направленных на дальнейшую учебу – с 36,3 до 49,7%, что отражает возрастающую заинтересованность молодежи и работодателя в повышении уровня профессионализма. В целом повышается доля приема студентов в вузы по договорам (с 26 до 37%). Среди выпускников вузов направления Росспорта на работу в отрасль получили 57,3% от общего числа выпускников [3, с. 232].

Воспроизводство кадров в рамках отраслевой образовательной системы не решает в полной мере проблему кадрового обеспечения отрасли: несмотря на имеющийся спрос на таких специалистов в стране, далеко не все остаются работать по полученной специальности. Из пяти тысяч тренеров и преподавателей, которых ежегодно готовят институты физической культуры и спорта России, работать по специальности остаются только 20%. Около 10% выпускников, получивших среднее и высшее образование, сразу же призываются на службу в российские Вооруженные Силы. Остальные уходят из сферы физической культуры и спорта либо из-за отсутствия необходимых условий работы, либо из-за низкой оплаты труда. При дефиците такого рода профессионалов на отраслевом рынке труда около 20 тыс. российских специалистов в области физической культуры и спорта работает за рубежом. В определяющей степени решение указанных проблем связано с материальным обеспечением. Следует отметить заметное увеличение объемов финансирования образовательных учреждений.

Анализ направлений реформирования отраслевой системы образования позволяет сделать вывод, что в нем происходят существенные организационные сдвиги. Изменяется концептуальный подход к социально ориентированному развитию физической культуры, и появляется целый ряд новых аспектов в процессе формирования нового содержания, отражающего тенденции развития отрасли и потребности общества.

Предъявляются новые все возрастающие требования к кадрам, занятым в области физической культуры и спорта и направленные на оказание высокопрофессиональных услуг населению и спортсменам с учетом сегментации рынка. Самостоятельным направлением работы по реформированию специализированного вузовского образования является стремление приблизить его к европей-

ским стандартам. Такое сближение осуществляется путем достижения унификации базовых образовательных программ на первом этапе обучения и использования многообразных специализированных программ на заключительном этапе обучения. По существу речь идет о четком разграничении этапов базовой и специализированной подготовки. В европейских вузах около 20% учебного времени отводится научным изысканиям студента – как следствие меняются функции преподавателя, выступающего уже, скорее, в роли консультанта, чем просто педагога. Аналогичные изменения предстоят и в российской системе образования. Большая работа предстоит в системе повышения квалификации и переподготовки кадров.

Анализ состояния и особенностей функционирования отраслевой образовательной системы позволяет определить основные ее нерешенные проблемы:

1. В недостаточной степени осуществляется модернизация подготовки кадров с учетом специфики отраслевого рынка труда. Такая модернизация предполагает активизацию механизмов совершенствования профессионального образования с учетом тенденций развития отрасли физической культуры и спорта.

2. Требуется организовать регулярное изучение рынка труда на основе данных учета и анализа не только структуры и численности выпускников, но и ревизии качества и количества штатных специалистов, имеющих в отрасли. Предстоит выполнить задачу подготовки благоприятных условий для профессионально-творческого развития личности специалиста, что должно сопровождаться регулярным мониторингом качества профессионального образования, корректировкой содержания учебных программ в целях приведения их в соответствие с текущими требованиями отрасли.

3. В организации подготовки российских спортсменов наблюдается отсутствие системности в планировании создания школ олимпийского резерва. Есть регионы, где во всех спортивных школах занимается около 20 тыс. человек, но при этом имеется только одна спортивная школа олимпийского резерва. В то же время в пяти регионах страны нет ни одной специальной спортивной школы и школы олимпийского резерва [4, с. 14].

4. Состояние образовательного комплекса отрасли таково, что есть все основания признать его неспособность обеспечить имеющий на отраслевом рынке труда спрос на определенные категории специалистов. Не удовлетворяются в достаточной мере потребности в спортивных тренерах и педагогах как у самих образовательных заведений, так и у коммерческого сектора. Возникает необходимость в организации работы по прогнозированию в сфере кадрового обеспечения, выявлению прогнозных изменений в составе различного рода специалистов, занятых в отрасли физической культуры и спорта.

5. Современная индустрия физической культуры и спорта в ее широком понимании не способна далее функционировать без прихода в нее квалифицированных менеджеров, обладающих специальными знаниями и навыками в такой специфической сфере бизнеса. Следует особенное внимание уделять профессиональной подготовке специалистов, способных высококвалифицированно осуществлять управление организациями, оказывающими физкультурные и спортивные услуги. Наряду со специалистами-менеджерами и руководителями спор-

тивных организаций управленческие навыки требуются каждому работнику, оказывающему услуги в этой сфере. Фактически речь идет о развитии отраслевого менеджмента, особенность которого состоит в том, что объектом управления выступает совокупность различных типов организаций – спортивных клубов и школ, команд по видам спорта, стадионов, спортивных оздоровительных центров, спортивных федераций.

Таким образом, с учетом факторов неравномерного развития сферы физической культуры и спорта по регионам, происходящих там демографических процессов назрела настоятельная необходимость конкретизации путей развития и совершенствования отраслевой образовательной системы.

Библиографический список

1. Бахнова Т.В., Борцова А.Н. Основы менеджмента и экономики физической культуры и спорта: учеб. пособие. Волгоград, 2009.
2. Итоги работы Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ за 2009 год // Вестник Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ. 2010. № 1.
3. Экономика физической культуры и спорта: учеб. пособие / под ред. Е.В. Кузьмичевой. М., 2008.
4. Развитие спорта высших достижений: стенограмма отчета о заседании Совета при Президенте РФ по развитию физической культуры и спорту от 23 окт. 2009 г. // Сборник официальных документов и материалов. Министерство спорта, туризма и молодежной политики РФ. 2009. № 12.

T.P. Cherkasova
The Potential and Constraints
of the Investment-Innovation
Growth Model Implementation
in Russia

A number of constraints and opportunities for investment-innovation growth model implementation are revealed. The need for the development of legislation on innovation activities, innovation clusters, public-private partnership is emphasized.

Key words and word-combinations: economic growth, innovation cluster, investments crisis.

Выявлен ряд ограничений и возможностей для реализации инвестиционно-инновационной модели роста. Акцентирована потребность в развитии законодательства об инновационной деятельности, инновационных кластерах, государственно-частном партнерстве.

Ключевые слова и словосочетания: экономический рост, инновационный кластер, инвестиционный кризис.

УДК 338.2(470+571)
ББК 65.050(2Рос)

Т.П. Черкасова

ПОТЕНЦИАЛ И ОГРАНИЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННО- ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕЛИ РОСТА В РОССИИ

В Российской Федерации, равно как и во многих государствах – членах СНГ, продолжается переход от административно-командной системы к современной рыночной экономике. Процесс формирования социально ориентированного и эффективно регулируемого рынка и его инфраструктуры остается

далеки от завершения. Реальная сложность текущего этапа трансформационного периода заключена в том, что России необходимо осуществить переход к *инвестиционно-инновационной модели роста*, характерной для постиндустриального общества.

Решать задачи создания современной рыночной экономики и установления в ней указанной модели роста приходится одновременно. Это, безусловно, усложняет выработку долгосрочной стратегии развития, адекватной современным мировым тенденциям. Становится очевидным, что даже озвученное решение задачи удвоения объемов ВВП (за десять лет) не решает всех назревших проблем. Речь, следовательно, должна идти не о цифрах экономического роста как такового, а о повышении его качества с целью создания конкурентных основ в экономике.

Вопрос о принципиальной возможности эффективно совместить такие процессы, как осуществление прогрессивных структурных изменений и поддержание высоких темпов экономического роста, представляется, на наш взгляд, чрезвычайно значимым как в теоретическом, так и в практическом плане.

Общеизвестно, что проведение глубоких структурных преобразований, как правило, сопровождается снижением темпов роста. Должен ли экономический рост в России по-прежнему опираться на внешний спрос и расширение экспорта, что в наших условиях означает сохранение сырьевой ориентации экономики, или его «мотором» будут выступать внутренние потребности? Наконец, какие риски – внутренние и внешние – могут нарушить складывающуюся в стране экономическую стабильность, осложняя реализацию поставленных задач?

На наш взгляд, в числе первоочередных задач, связанных с переходом к инвестиционно-инновационной модели роста, предполагающей внедрение наукоемкой, конкурентоспособной на внутреннем и мировом рынках продукции, стоит максимальная мобилизация достаточно пострадавшего и постаревшего интеллектуального капитала. В сложившейся ситуации необходимо, во-первых, сохранить его, а во-вторых, обеспечить преемственность поколений, что позволит наращивать научный потенциал. Очевидно, что без современной и постоянно обновляемой науки у страны нет будущего. Прорыву в решении проблемы «утечки умов» может способствовать реализация национального проекта развития образования, способного стать мощным «локомотивом» экономического роста и центральным звеном долгосрочной социально-экономической программы национального развития.

По своему содержанию долгосрочная социально-экономическая стратегия страны должна быть альтернативной по отношению к практической организации текущей действительности и характеризоваться системностью, целостностью, выверенным «деревом целей». Она призвана обеспечить России постепенный, поэтапный курс на модернизацию производства, освоение наукоемкой и конкурентоспособной продукции, оздоровление финансовой и денежно-кредитной политики, создание мощной инфраструктуры.

Задача замены сырьевого роста инвестиционно-инновационным сегодня сформулирована как одна из наиболее приоритетных. Анализ же экономических итогов последнего десятилетия показывает, что ее практическое решение даже

и не начато. Более того, если не последует коренного пересмотра общегосударственной экономической политики, практическое решение будет отложено как минимум на последующие три года, поскольку результатом бессистемных усилий явится замыкающая динамика промышленного производства, как видно из табл. 1 [1, с. 30–36].

Таблица 1

**Динамика основных показателей
экономического и социального развития России, % к предыдущему году**

Показатель	2004	2005	2006	2007	2008	2008, % к	
						1990	1999
ВВП	7,2	6,4	7,4	8,1	6,0	109,5	182,1
Производство промышленной продукции	8,0	5,1	6,3	6,3	2,0	82,4	163,5
Продукция сельского хозяйства	3,0	2,3	3,6	3,3	10,0	85,5	147,5
Инвестиции в основной капитал	13,7	10,9	16,7	21,1	13,4	66,7	301,8
Реальные располагаемые доходы населения	10,4	12,4	13,5	10,7	4,0	82,1	252,2
Цены на нефть на мировом рынке (долл. за баррель)	36,0	52,0	65,0	65,5	94,6	661,5	276,1
Оборот розничной торговли	13,3	12,8	14,1	15,9	13,6	240,2	56,4
Доля импорта в товарных ресурсах внутреннего рынка	43,0	45,0	46,0	47,0	47,0	333,1	114,9
Индекс потребительских цен	11,7	10,9	9,0	11,9	13,4	–	–
Валютный курс, руб. за долл.	27,8	28,8	26,3	24,6	24,9	–	94,8

Приведенные в табл. 1 данные позволяют сделать ряд выводов.

Во-первых, при таких «высоких» темпах экономического развития (рост промышленного и сельскохозяйственного производства соответственно в 1,6 и 1,5 раза, инвестиций – в 3 раза, реальных доходов – в 2,5 раза) в 2008 г. по сравнению с уровнем 1990 г. объем промышленного производства составил лишь 82,4%, продукции сельского хозяйства – 85,5, инвестиций в основной капитал – 66,7, реальных доходов населения – 82,1%. Стало быть, задача восстановительного роста еще не решена.

Во-вторых, темпы роста экономики за указанный период во многом обусловлены эффектом импортозамещения в связи с девальвацией отечественной валюты после 1998 г. и одновременно благоприятной конъюнктурой цен на энергоносители. Уже начиная со второй половины 2000 г. поддерживать конкурентоспособность отечественной легкой, пищевой и перерабатывающей промышленности в рамках указанной конъюнктуры стало невозможно.

В 2001–2002 гг. по важнейшим показателям темпы экономического роста были в 2–3 и более раз ниже темпов 2000 г. В 2004–2008 гг. они заметно

поднялись: по ВВП – до 7,3% в среднем за год; промышленному производству – до 6,9; по инвестициям – до 15%. Однако этот прирост обусловлен существенным увеличением цен на нефть на мировом рынке (соответственно с 25 до 65,5 долл. за баррель) и рекордным увеличением добычи нефти (в 2003–2007 гг. добыто соответственно 421, 459, 470, 481 и 491 млн т против 380 млн т в 2002 г.).

По экспертным оценкам, более 60% в приросте ВВП приходится на топливно-энергетический комплекс. Если в 2005–2007 гг. государством получен максимальный доход из-за сверхвысоких цен на нефть, то в дальнейшем влияние и этого основного фактора экономического роста резко ослабло, поскольку темпы важнейших показателей экономического развития в эти годы не превышали или были заметно ниже темпов 2000 г. А в 2008 г. при наиболее высоких ценах на нефть (в среднем за год 94,6 долл. за баррель) прирост промышленного производства оценивается не более 2%.

Необходимо обратить внимание на крайне недостаточные темпы роста инвестиций в условиях кризисного состояния материально-технической базы. Для ее обновления (это показывают расчеты ИЭ РАН и других научных учреждений) инвестиции должны были возрастать в 2000–2008 гг. ежегодно на 30–35%, фактически они выросли на 13,1% [2, с. 30].

За 1990-е годы объемы капитальных вложений в основные фонды уменьшились в 5 раз. В 2008 г. они составляли только 66,7% к уровню 1990 г. При свертывании инвестиций технические и технологические мощности в промышленности отстали от уровня развитых стран на 17–20 лет. Заметим, кстати, что последние более или менее значимые обновления были проведены еще в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Доля оборудования со сроком эксплуатации до пяти лет (что определяет технико-технологический уровень) сократилась с 29% в 1990 г. до менее чем 7% в текущий период. Свыше двух третей всех машин и оборудования эксплуатируются более 15 лет (этот показатель вдвое выше показателей развитых стран). Средний возраст оборудования в промышленности составляет 20 и более лет.

Отечественный высокотехнологичный комплекс (совокупность авиационной, радиотехнической, средств связи, электронной, ракетно-космической, оборонной отраслей), обеспечивающий инновационную направленность развития экономики и воспроизводящий инновации, продолжает деградировать. Его мощности используются на 15–20%. В настоящее время доля российской промышленности на рынках наукоемкой продукции составляет только 1%, тогда как на долю США приходится 36%, а Японии – 30%.

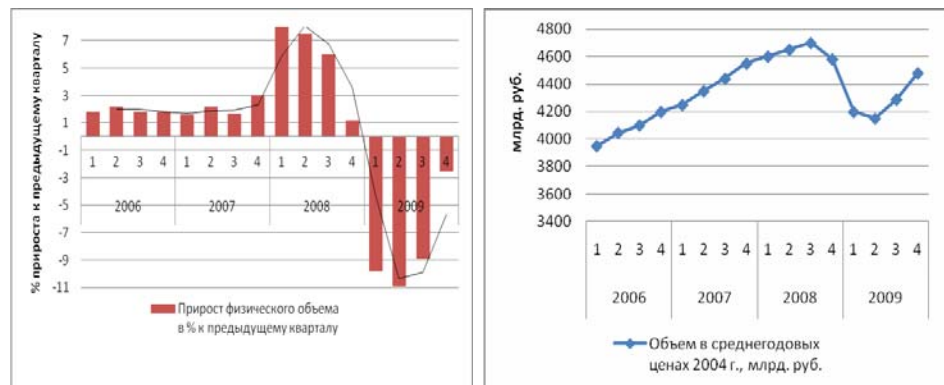
Наш экспорт сформирован на 60% за счет энергоносителей (нефти, нефтепродуктов, газа), на 15% – за счет металлургической продукции. Товары с высокой степенью переработки занимают незначительную долю: машины и оборудование, продукция химической промышленности – менее 6%.

Разразившийся в 2008 г. глобальный финансово-экономический кризис прервал десятилетний рост национального хозяйства России. Реакцией российской экономики с ее экспортно-сырьевой моделью развития на сужение финансовых, а затем и товарных рынков стало падение экспорта товаров и услуг. В I квартале

2008 г. экспорт снизился на 0,2% относительно предыдущего квартала (с исключением сезонного фактора), в следующем квартале – уже на 5,5%, а максимальное падение в I квартале 2009 г. составило уже 6,6%.

Вслед за внешнеэкономической сферой рецессия распространилась на инвестиции и потребление. С III квартала 2008 г. темпы падения валового накопления основного капитала постоянно возрастали: с 1,8% к предыдущему кварталу (с исключением сезонного фактора) до 6,9 и 9,6% соответственно в IV квартале 2008 г. и I квартале 2009 г. В IV квартале 2008 г. начали снижаться расходы на конечное потребление домашних хозяйств, рецессия здесь продолжалась четыре квартала подряд, а наибольшее падение произошло в I квартале 2009 г. – 7,7% к предыдущему кварталу.

Достигнув пика в III квартале 2008 г. (прирост ВВП на 0,2% к предыдущему кварталу с исключением сезонного фактора), производство в течение трех последующих кварталов сокращалось, что стало закономерной реакцией экспортно-сырьевого механизма воспроизводства российской экономики на внешние шоки (рисунок).

**Производство валового внутреннего продукта
(с исключением сезонного фактора)**

Глобальный кризис поразил в той или иной степени большинство стран и привел к сокращению объема мировой торговли в 2009 г. на 12,3% против ее роста на 2,8% в предыдущем году. По предварительной оценке страновых статистических организаций и МВФ [3], в 2009 г. ВВП США сократился на 2,4%, Евросоюза – на 4,2, Японии – на 5,0%. Хотя снижение инвестиций в основной капитал по развитым странам в острой фазе кризиса в годовой оценке составляло 11–15%, во втором полугодии 2009 г. их падение (за исключением Японии), по сути, прекратилось. В то же время экономики Китая и Индии в 2009 г. выросли соответственно на 8,7 и 5,6% при увеличении инвестиций в основной капитал на 30,5 и 7,7%. В России спад был наиболее глубоким по сравнению с развитыми экономиками: физический объем ВВП сократился на 7,9% (табл. 2 [4, с. 26]).

**Сравнительная динамика ВВП и инвестиций,
% к соответствующему периоду
предыдущего года**

Страны, группы государств	2007	2008				2009				год
		I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	
ВВП										
<i>Развитые экономики</i>										
Евросоюз	2,9	2,4	1,7	0,6	-1,8	-5,0	-5,0	-4,3	-2,3	-4,2
США	2,1	2,5	2,1	0	-1,9	-3,3	-3,8	-2,6	0,1	-2,4
Япония	2,3	1,4	0,6	-0,3	-4,4	-8,4	-5,9	-4,9	-0,9	-5,0
БРИК										
Китай	13,0	10,6	10,1	9,0	6,8	6,1	7,9	8,9	10,7	8,7
Индия	9,0	8,9	8,2	7,8	4,8	4,1	6,0	6,7	-	5,6
Бразилия	6,1	6,3	6,5	7,1	0,8	-2,1	-1,6	-1,2	-	-0,4
Россия	8,1	8,7	7,5	6,0	1,2	-9,8	-10,9	-8,9	-2,5	-7,9
Инвестиции										
<i>Развитые экономики</i>										
Евросоюз	5,4	3,0	1,8	-0,9	-6,0	-11,2	-12,6	-11,9	-9,7	-
США	-2,2	-1,7	-2,4	-3,9	-7,6	-15,5	-16,9	-15,4	-10,7	-
Япония	-0,6	-4,4	-3,6	-4,8	-5,6	-13,9	-15,0	-15,8	-11,9	-
БРИК										
Китай	25,8	25,9	27,2	28,7	23,1	28,8	35,9	32,9	26,2	30,5
Индия	13,9	-	9,2	12,5	5,1	6,4	4,2	7,3	-	7,7
Бразилия	15,9	15,5	16,8	19,0	2,7	-14,2	-16,0	-12,5	-	-
Россия	21,0	23,5	17,4	12,1	-2,0	-16,3	-21,7	-20,9	-14,7	-18,2

Принято считать, что сворачивание инвестиционных проектов предприятий и масштабная распродажа запасов были обусловлены падением внешнего и внутреннего спроса на продукцию российских предприятий, в первую очередь промышленных; снижением собственных инвестиционных ресурсов организаций (прибыли) во всех отраслях экономики; сжатием кредитования; сокращением притока средств иностранных инвесторов.

В кризисный период резко сократился объем средств из всех, прежде всего внешних источников финансирования. В 2009 г. прервалась многолетняя устойчивая тенденция роста поступлений в Россию прямых иностранных инвестиций: по данным Росстата, их привлечение нефинансовыми организациями составило 27% от уровня 2008 г. (соответственно 15,9 млрд и 58,6 млрд долл.).

Кроме того, для обслуживания внешнего долга предприятия использовали значительную часть средств из другого источника инвестиций, а именно из прибыли.

Так, если сальдированный финансовый результат организаций (сальдо прибыли и убытков) в 2008 г. сократился в номинальном выражении на 30,4% по сравнению с предыдущим годом, то в I квартале 2009 г. он упал в годовой оценке уже на 70,9%. Несмотря на некоторое улучшение ситуации во второй половине 2009 г., по итогам года сальдо финансового результата в реальном выражении (рассчитанное по индексу цен производителей промышленных товаров) осталось на уровне 2008 г., хотя в номинальном выражении оно выросло на 14,2%. За счет собственных средств в 2009 г. было профинансировано только 38,3% общего объема инвестиций в основной капитал, при том что в 1995–2008 гг. их доля не опускалась ниже 40%, а в отдельные периоды инвестиционного бума достигала 46–47%.

Нижняя точка общеэкономического спада была пройдена в середине лета 2009 г. Экспортно-сырьевой механизм роста российской экономики начал выводить из рецессии элементы внешнего и внутреннего спроса в той же последовательности, в которой они в нее входили: сначала экспорт, затем инвестиции в основной капитал и, наконец, потребление домашних хозяйств. С середины 2009 г. общеэкономическая динамика становится позитивной.

Во второй половине 2009 г. было соблюдено техническое условие свидетельства выхода российской экономики из кризиса. После рецессии, которая длилась три квартала (IV квартал 2008 и I–II кварталы 2009 г.), на протяжении последующих двух кварталов ВВП России увеличивался (III–IV кварталы 2009 г.).

Предприятия и организации привыкают работать в новых воспроизводственных условиях, адаптируя к ним производство, инвестиции, сбыт и управление, разрабатывая антикризисные мероприятия, в первую очередь по снижению издержек, а также реструктуризации долговой нагрузки. Помимо улучшения экономической ситуации в различных регионах мира, здесь срабатывает эффект антикризисных монетарных, фискальных и инвестиционных и иных мер властей по поддержке предприятий и населения.

Тем не менее, несмотря на позитивные тренды, ждать быстрого достижения докризисных уровней производства, потребления и накопления, на наш взгляд, не следует. Пока сложно судить, приобрела ли тенденция к восстановлению российского хозяйства необратимый характер и вошла ли экономика в фазу устойчивого восстановительного роста.

В конце 2009 г. экспортно-сырьевая машина российского хозяйства вновь начала набирать обороты. Наиболее вероятные изменения на мировых рынках энергоносителей и других основных составляющих российского экспорта вряд ли обеспечат существенный рост общеэкономической прибыльности, которую будет сдерживать медленная коррекция трудовых издержек. Несмотря на размораживание внешних рынков капитала и укрепление обменного курса рубля, в ближайшей перспективе финансовые потоки из-за границы будут, по многим

прогнозам, значительно меньше, чем в предшествующие годы. Вряд ли динамика национального хозяйства России в 2010-е годы приблизится к показателям уникально благоприятного десятилетия «тучных» 1999–2008 годов, когда среднегодовые темпы экономического роста составляли 6,8%.

Считается общепринятым, что одним из главных факторов, приведших к глубокому спаду российской экономики (–7,9% в 2009 г. против 2–3% по остальным странам), является низкое качество и слабость институтов российской экономики.

Известно, что качество государственных и корпоративных институтов может воздействовать на экономическую динамику не только в долгосрочном (как фактор долговременной конкурентоспособности национальной экономики), но и в краткосрочном (как показатель рисков потерять инвестиции в условиях экономического кризиса) плане. Следовательно, в ходе кризиса в странах с менее развитыми институтами может отмечаться более глубокое падение ВВП или более резкое торможение экономического роста.

Согласно данным ВЭФ, Россия относится к числу стран с наихудшим развитием институтов. Среди 24 крупнейших стран мира Россия находится на последнем месте по двум из 19 «номинаций» (достоверность отчетности и права миноритариев), на предпоследнем – по трем (защита прав собственности, независимость судебной системы, уровень корпоративной этики), на третьем с конца – еще по пяти. Интегрально ситуация оценивается хуже только в Аргентине. При этом заметим, что относительно высокое качество институтов присуще не только развитым, но и многим развивающимся странам, в частности Саудовской Аравии, Южной Африке, Тайваню, Южной Корее, Индии, Китаю, которые обычно находятся в верхней половине списка, упорядоченного по качеству институтов.

Значительные различия в качестве институтов (особенно государственных, а не корпоративных) между Россией и Китаем должны насторожить российских сторонников «китайского пути развития». Очевидно, что Китай характеризуется не только высокой степенью централизации, но и соблюдением, в отличие от России, неких писаных и неписаных сугубо специфических китайских правил. Поэтому сложнее всего будет суметь адаптировать китайский опыт «чудесного развития» к российской институциональной действительности.

Реформирование отечественной экономики последних лет с очевидностью убеждает, что рыночный механизм в его российском исполнении и либеральная политика для решения проблемы вывода экономики из нынешнего состояния непригодны. Необходимы государственная стратегия экономического развития, промышленная политика и при этом активная роль государства. Российская экономика, втянутая, вопреки ее истинным интересам, в мировую капиталистическую систему в качестве сырьевого придатка и не использовавшая возможности в последнее десятилетие (полученные сверхдоходы от экспорта нефти) для развития прежде всего высокотехнологичного производства, сельского хозяйства, науки, образования и культуры, не может быть «островком благополучия».

Следуя объективным и настоятельным требованиям социально-экономического развития России, необходимо основательно пересмотреть программу решений и действий в пользу формирования вертикально интегрированной экономической системы на базе инновационных кластеров. С помощью такой системы практически будет гарантировано обеспечение промышленного высокотехнологического и конкурентоспособного роста, поскольку появятся субъекты интегрированного и устойчивого внутреннего спроса на новый промышленный капитал и высокопроизводительные рабочие места. Данные выводы подтверждает весь мировой опыт, демонстрирующий, что высшие уровни конкурентоспособности присущи прежде всего крупным национальным, транснациональным и многонациональным компаниям, лидирующим в создании, разработке, производстве и коммерческом освоении изделий высоких технологий.

Инновационная деятельность российских хозяйствующих субъектов, особенно на прорывных и приоритетных направлениях, требует постоянной поддержки государства, федеральных и региональных органов власти в разных формах. Абсолютно необходимо в связи с этим в законодательном порядке закрепить определение понятия «инновационная деятельность предприятий». Без этого нельзя построить эффективную налоговую и иную поощрительную политику государства и бизнеса, сформировать основные требования, которыми следует руководствоваться в производственно-экономической, научно-технической и других видах деятельности, в том числе на конкурсах и торгах.

Понадобится закрепить зоны ответственности государства и бизнеса. В государственно-частном партнерстве государство могло бы в большей мере финансировать научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, включая создание опытных образцов, конструкторской и технической документации. Участвующий в этом процессе бизнес покрывал бы затраты на производство и все, что относится к коммерческой реализации продукта, созданного наукой.

Конечно, поставленные задачи не могут быть решены сразу. Для этого необходимы и консолидированная заинтересованность участников рынка, и политическая воля, и объективные экономические условия. Требуется системный и креативный в масштабах всего государства подход по формированию основ устойчивого и долгосрочного развития страны, позволяющих ей эффективно интегрироваться в глобальную экономику, укрепляя позиции национального бизнеса на базе постиндустриализации и инновационного типа роста.

Библиографический список

1. Россия в цифрах, 2009: краткий стат. сб. М., 2010.
2. *Нешитой А.* Социально-экономические итоги 2000–2008 гг. // *Экономист*. 2009. № 2.
3. World Economic Outlook Update // IMF. 2010. Jan. 20.
4. *Борисова И., Замараев Б., Киоцевская А.* [и др.]. Российская экономика в 2009 году: стремительное падение и медленное восстановление // *Вопросы экономики*. 2010. № 4.

**M.V. Arkhipova
Contents of the Mechanism
of Territorial Socio-Economic
System Investment Potential
Public Administration**

The mechanism of the territorial socio-economic system investment potential public administration is defined. The content of this mechanism is revealed, and its constituents are characterized.

Key words and word-combinations: public administration, system management mechanism, territorial socio-economic system, investment potential.

Дается определение механизму публичного управления инвестиционным потенциалом территориальной социально-экономической системы. Раскрывается содержание и характеризуются составляющие данного механизма.

Ключевые слова и словосочетания: публичное управление, механизм управления системой, территориальная социально-экономическая система, инвестиционный потенциал.

УДК 338.24:330.322

ББК 65.050:65.263

М.В. Архипова

**СОДЕРЖАНИЕ МЕХАНИЗМА
ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ИНВЕСТИЦИОННЫМ
ПОТЕНЦИАЛОМ
ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ**

Задачи по модернизации российской экономики и ее инновационному развитию невозможно решать без инвестиций в реальный сектор экономики, в новые технологии, в обучение персонала. Следовательно, процесс преобразования отечественной экономики должен быть организован на инвестиционной модели роста, а инвестирование становится основой развития экономики государства и территориальных социально-экономических систем.

Несомненно, что в современных условиях эффективность инвестиционной деятельности непосредственно связана с умением управленческой команды разрабатывать реализуемые инвестиционные планы и обеспечивать повышение инвестиционной привлекательности территории, поэтому самого пристального внимания со стороны публичной власти требует задача установления на территории субъекта Федерации эффективных инвестиционных взаимоотношений. Необходимость и важность их установления обусловлена также тем, что на территориях субъектов РФ пока слабо работают саморегулируемые рыночные механизмы, а производственные отношения между субъектами хозяйствования различных отраслей экономики, как и отношения между участниками инвестиционной деятельности, далеки от совершенства.

Эффективный механизм управления инвестиционным потенциалом территориальной социально-экономической системы нельзя сформировать без согласования и взаимосвязи различных его элементов. В целом комплекс управленческих мер должен быть направлен на мотивацию деятельности всех субъектов инвестиционной инфраструктуры по достижению целей и решению задач, предусмотренных социально-экономической политикой конкретного субъекта Федерации.

В самом общем смысле любой механизм можно рассматривать как систему для преобразования и передачи какого-либо состояния или движения. Трактовку механизму управления как «совокупности средств воздействия, используемых в управлении...» и как «...комплексу рычагов, используемых в управлении» дает Дж. Лафта [1, с. 61]. Э.М. Коротков рассматривает механизм управления как «совокупность мотивов деятельности активной личности персонала, которые определяют как саму возможность, так и эффективность управления, от которых зависит восприятие воздействия» [2, с. 91]. Общеизвестно определение любого механизма управления как совокупности принципов, методов, инструментов и связующих процессов, обеспечивающих стабильность функционирования и целенаправленное развитие объекта управления в динамичной среде.

Наиболее содержательной и близкой к предмету исследования представляется трактовка В.М. Мишина, который рассматривает механизм управления как совокупность организационных и экономических компонентов, обеспечивающих согласованное, взаимосвязанное и взаимодействующее функционирование всех элементов системы для достижения целей организации [3, с. 46]. Механизм управления инвестиционным потенциалом территориальной социально-экономической системы, на наш взгляд, следует представить как систему управления, обеспечивающую сбалансированное развитие на конкретной территории сфер и объектов инвестирования, формирующих инвестиционный спрос, а также создание и функционирование объектов инфраструктуры, необходимых для разработки, оценки, отбора и реализации инвестиционных проектов и инвестиционных программ.

В структуре механизма обязательно должны быть ведущий и ведомые элементы. При этом ведомые элементы могут быть весьма сложными и представлять собой либо отдельную систему, либо быть подсистемой более высокого порядка, которая будет исполнять уже роль особого ведущего элемента в другом процессе. Следовательно, решая проблему управления инвестиционным потенциалом, механизм управления данным процессом необходимо представлять сложным объектом исследования. Это означает, что такой механизм должен стать ключевым элементом общей системы управления инвестиционным процессом, являясь ее подсистемой, в которую входят множество составляющих более низкого порядка, обеспечивающих рост инвестиционного потенциала.

Если рассматривать механизм управления инвестиционным потенциалом конкретной территории в качестве системы, то ее подсистемами будут такие составляющие, как система государственного регулирования инвестиционного процесса, система инвестиционных нормативно-правовых документов, система

стратегического территориального инвестиционного управления, система управления производственным потенциалом и другие. Ведущим же элементом в механизме управления инвестиционным потенциалом следует считать производственный потенциал, система управления которым ставит перед другими системами, подсистемами и элементами задачу устойчивого функционирования в едином режиме.

Система управления производственным потенциалом задает режим работы и механизму управления инвестиционным потенциалом в целом, поскольку предельная величина инвестиций, которую способна освоить территориальная социально-экономическая система в конкретный период времени, напрямую зависит от развития производственного потенциала в различных отраслях экономики (промышленности, строительстве, сельском хозяйстве). Именно падение рентабельности производственной сферы отражается на изменении предпочтений инвесторов и стимулирует отток капиталов из данной сферы, тем самым реализуя рыночный принцип распределения свободных ресурсов в рамках социально-экономической системы, основанный на критериях эффективного вложения капитала в производство.

В содержательном плане механизм публичного управления инвестиционным потенциалом территориальной социально-экономической системы будет представлять собой совокупность последовательно осуществляемых процессов, определяющих комплексное управленческое воздействие на субъекты инвестиционной деятельности в целях снижения для них инвестиционного риска, обеспечения гарантированного уровня дохода на инвестированный капитал и роста инвестиционного спроса на конкретной территории. Кроме того, подобный механизм должен представлять собой комплекс элементов, объединенных на полисистемной основе, обеспечивающих превращение инвестиционного потенциала в реальную инвестиционную емкость посредством активной разработки и реализации инвестиционных проектов. Полисистемность данного механизма означает, что каждый его элемент является системой управления соответствующей сферой либо системой, обеспечивающей эффективность деятельности в конкретной сфере.

Механизм публичного управления инвестиционным потенциалом территориальной социально-экономической системы должен быть ориентирован на стратегический аспект управления экономическим, социальным и инвестиционным развитием территориальной социально-экономической системы, отражающий формируемые территориальной властью стратегические цели, задачи, приоритеты и условия для инвестиционной деятельности. Подобная ориентация предполагает тщательный мониторинг, информационное обеспечение и прогнозирование социально-экономического развития территории, а также необходимость формирования региональной инвестиционной системы и создания условий для ее стабильной работы. Следовательно, основными элементами данного механизма должны быть нормативная, организационная, финансовая, кадровая и информационная составляющие, без которых любой механизм управления не может быть действенным. Такие составляющие могут с успехом реализовываться в рамках соответствующих аспектов региональной политики

(в экономическом, социальном, промышленном, бюджетно-финансовом, кадровом и других).

Нормативная составляющая механизма представляет собой комплекс мер нормативно-правового регулирования инвестиционного процесса, основу которого составляют совокупность законодательных актов и нормативных документов, а также система законодательных и исполнительных институтов, обеспечивающих практическое применение данной нормативно-правовой базы. При отсутствии четкого правового регулирования инвестиций, юридического определения фундаментальных понятий и категорий в соответствующей области неизбежны сложности во взаимоотношениях между участниками инвестиционной деятельности, что скажется на эффективности публичного управления конкретной территорией в целом. Соответствующая нормативно-правовая база должна представлять собой целостную систему нормативно-правовых документов стратегического, отраслевого и оперативного характера, согласующих между собой функционально-структурные составляющие инвестиционной и инновационной политики, реализуемой на конкретной территории.

Организационный аспект состоит в создании необходимых элементов инвестиционной инфраструктуры и инфраструктуры публичного управления, ответственных в равной мере за благоприятные условия для поддержки и развития инвестиционного процесса, а также за формирование и реализацию государственной инвестиционной политики. Кроме того, для внедрения инноваций необходимо создание в регионе инновационно-предпринимательских экономических зон и института независимых инвестиционных советников. Наряду с этим необходимы еще такие организационные элементы, как бизнес-школы; центры поддержки малого предпринимательства и соответствующие фонды; научно-технические парки и инновационно-технологические центры; информационно-аналитические и консалтинговые центры и другие составляющие.

Финансовая составляющая механизма публичного управления инвестиционным потенциалом территориальной социально-экономической системы должна основываться на эффективном финансово-кредитном механизме региональной экономики, элементами которого являются банки и инвестиционные фонды, включая венчурные.

Кадровая составляющая механизма зиждется на дальнейшем развитии образовательных комплексов по обучению и переподготовке квалифицированных менеджеров и консультантов бизнеса, а также на высоких требованиях к представителям инновационного и инвестиционного менеджмента.

Информационный аспект содержания механизма публичного управления инвестиционным потенциалом территориальной социально-экономической системы должен базироваться на справочной, патентной, аналитической, технической и рекламной информации, представляемой в печатных и электронных средствах массовой информации.

Формирование механизма публичного управления инвестиционным потенциалом требует высокого уровня развития территориальной науки, без которой нельзя создать теоретических основ экономически эффективной инвестиционной системы. Акцент здесь должен быть сделан на соответствующем, с научной

точки зрения, анализе работы всех предприятий и предпринимательских структур, функционирующих на территории субъекта Федерации в целях формирования полноценной информационной базы для государственной поддержки тех из них, кто осуществляет эффективную инновационную деятельность и имеет свою инвестиционную программу.

В рамках реализации инвестиционных проектов, получивших государственную поддержку, должен осуществляться мониторинг, целью которого становится получение информации для расчетов фактической эффективности и окупаемости поддерживаемых проектов. Это важно в силу того, что вложенные в экономику конкретного региона инвестиции повышают его производственно-хозяйственный потенциал и деловую активность; способствуют увеличению доходов от собираемых налогов; обеспечивают рост занятости населения на основе создания новых рабочих мест; позволяют поддерживать на высоком уровне состояние социальной сферы, снижая социальную напряженность. При осуществлении мониторинга следует ориентироваться на следующие показатели: срок окупаемости инвестиций; бюджетный эффект от реализации проекта; фактически получаемый чистый доход участниками инвестиционного процесса; число новых рабочих мест; продолжительность реализации инвестиционного проекта.

Составными частями инвестиционной политики территориальной социально-экономической системы должны стать инвестиционные программы каждого предприятия, отрасли, района и города, что обосновывает необходимость усиления функциональной значимости в публичном управлении территориальных систем мониторинга, прогнозирования и планирования, а также повышения качества их информационного и аналитического обеспечения, включая открытость информации о социально значимых результатах реализации инвестиционных проектов. В исходные положения такой инвестиционной политики следует закладывать четкую стратегическую направленность, которая, в свою очередь, станет основой функционирования механизма публичного управления инвестиционным потенциалом территориальной социально-экономической системы.

Эффективное функционирование механизма будет определяться следующими составляющими:

наличие соответствующего инструментария в виде системы нормативно-правовых документов стратегического, отраслевого и оперативного характера;

организационное, информационное и методическое обеспечение данного процесса в рамках его государственного регулирования на уровне федеральной власти и стратегического территориального инвестиционного управления;

мера согласованности инвестиционной и инновационной политики в их взаимосвязи с промышленной, экономической, социальной, аграрной, бюджетно-финансовой, кадровой и внешнеэкономической политикой, реализуемой на данной территории.

Таким образом, механизм управления инвестиционным потенциалом конкретной территории призван обеспечивать согласование инвестиционной и инновационной политики и их взаимосвязь с другими видами политики, реализуемыми на данной территории (бюджетно-финансовой, промышленной,

аграрной, внешнеэкономической, кадровой и пр.). При этом важно учитывать влияние экономической и социальной политики государства на разработку и реализацию территориальной инвестиционной политики.

Библиографический список

1. *Лафта Дж.К.* Менеджмент. М., 2004.
2. *Коротков Э.М.* Концепция менеджмента. М., 1997.
3. *Мишин В.М.* Исследование систем управления: учебник для вузов. М., 2003.

A.Ya. Geller
Background and the Development of an Open Auction in Electronic Form as a Tool for Public Procurement

The background and nature of changes to the procedure of an open auction in electronic form for public use are investigated.

Key words and word-combinations: public procurement, auction, digital signature.

Исследуются предпосылки и характер изменений, вносимых в процедуру открытого аукциона в электронной форме для государственных нужд.

Ключевые слова и словосочетания: государственный заказ, аукцион, электронная цифровая подпись.

УДК 658.71
ББК 65.41

А.Я. Геллер

**ПРЕДПОСЫЛКИ И ПУТИ
РАЗВИТИЯ
ОТКРЫТОГО АУКЦИОНА
В ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЕ
КАК ИНСТРУМЕНТА
ЗАКУПОК
ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
НУЖД**

Принятие в 2005 г. Федерального закона «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [1] положило начало одной из наиболее радикальных реформ второй половины 2000-х годов, затронувшей массу экономических агентов на стороне государства и частного сектора. Сегодня проходит очередной этап реформирования государственного заказа – активное внедрение открытого аукциона в электронной форме.

Направление развития электронного аукциона для государственных нужд было задано Президентом РФ. 22 октября 2010 г. в блоге главы государства появилась видеозапись с Третьего съезда социальных работни-

ков и социальных педагогов, где Д. Медведев подверг критике предусмотренные Законом № 94-ФЗ инструменты закупок, позволяющие определять победителя исключительно по критерию цены контракта. Президент РФ акцентировал необходимость помимо ценового вводить иные критерии.

Действительно, в госзаказе встречаются, например, такие виды недобросовестной конкуренции, как демпинг, то есть чрезмерное занижение цены товара с целью нейтрализации конкурентов или создания у потребителя обманчивого впечатления предоставления ему возможности покупки на необычайно выгодных условиях. Правильная оценка экономии средств в государственном заказе связана не только и не столько с разницей между начальной (максимальной) и конечной ценой закупки. Экономическая эффективность – это разница между запланированными тратами, предусмотренными в бюджете на текущий год и учтенными соответствующим финансовым ведомством, и фактическими понесенными расходами на закупку продукции. Таким образом, если бюджетная организация закупает, например, томограф, по цене, которая, по мнению контрольных органов, превышает среднерыночную, то в этом случае проблема кроется не столько в процедуре размещения заказа и проведения закупки, сколько в планировании и бюджетировании [2].

Фактически определение объема и предельной стоимостикупаемых для государственных нужд товаров, работ, услуг происходит при формировании государственных заказчиками бюджетных заявок на соответствующий (плановый) период в процессе бюджетного планирования. Законом № 94-ФЗ не предусмотрена разработка универсальной методики определения начальной цены государственного контракта, что заставляет Министерство экономического развития РФ неоднократно возвращаться к разъяснениям по этому вопросу. Принципиально значимой представляется позиция Министерства, согласно которой «в соответствии с положениями Закона при проведении конкурса в конкурсной документации устанавливается начальная (максимальная) цена контракта. При установлении начальной (максимальной) цены заказчик должен учитывать все факторы, влияющие на цену: условия и сроки поставки, риски, связанные с возможностью повышения цены, и иные платежи, связанные с оплатой поставляемых товаров (работ, услуг)» [3]. В контексте сказанного очевидно влияние определения начальной цены контракта на составление бюджетных заявок и планирование расходов бюджетными учреждениями.

По мере возрастания социальной значимости государственного заказа усиливается необходимость в создании правил и норм регулирования формирования начальной цены контракта. Такие документы разработаны в субъектах России (например, действует постановление Правительства Москвы «Об утверждении Методики формирования начальной цены государственного контракта на строительную продукцию государственного заказа» [4]). Особое значение государственного оборонного заказа послужило причиной принятия соответствующих актов на федеральном уровне [5].

В настоящее время проходят апробацию Методические рекомендации по порядку расчета начальной (максимальной) цены контракта. В целом они могут быть использованы и до издания соответствующего распорядительного до-

кумента теми заказчиками, которые стремятся к действительному обоснованию предстоящих расходов на приобретение товаров, работ и услуг на базе формирования заявки бюджетных расходов планируемого периода как интегрированной суммы начальной цены контрактов. Однако сегодня фактически невозможно объективно определить, была ли завышена или занижена начальная (максимальная) цена или же она выставлена с учетом реалий и конъюнктуры рынка.

Важность снижения цены при проведении закупок для государственных и муниципальных нужд не может быть проигнорирована или названа второстепенным фактором. Не менее значимым фактором является качество поставляемой продукции. На этапе размещения заказа ему невозможно дать оценку, поскольку эту продукцию поставщику еще только предстоит поставить и ей еще только предстоит пройти процедуру приемки заказчиком. Однако уже можно установить характеристики поставляемой продукции, условия поставки и приемки, штрафные санкции.

На этом этапе наблюдается несовпадение интересов: с одной стороны, есть бюджетная организация, уже получившая деньги на закупку продукции, и вопрос цены для нее не так важен – гораздо важнее приемлемый результат; с другой стороны, есть поставщик, для которого основной вопрос заключается в цене. Определение поставщика только на основании ценового критерия, без анализа конкретных характеристик поставляемой продукции, является неверным шагом. Существующие способы размещения заказа не могут удовлетворить современные потребности государственных заказчиков, что и привело к существенным законодательным изменениям правил проведения открытого аукциона в электронной форме.

В настоящее время действует только один способ закупки – запрос котировок, где победитель отбирается исключительно на основе цены предлагаемого им товара. В последние годы доля запроса котировок в общем объеме размещенных заказов в регионах и на федеральном уровне составляет в среднем 70% [6]. Предполагается, что в ближайшем будущем данный инструмент будет отменен; освободившуюся нишу должен занять новый электронный аукцион, проводимый по правилам главы 3.1 «Размещение заказа путем проведения открытого аукциона в электронной форме» Закона № 94-ФЗ.

Процедура размещения заказа усовершенствована в 2010 г. Заявка участника должна была иметь обязательное обеспечение, что становилось своеобразной гарантией «серьезности намерений» поставщика. Новое требование не позволяет участвовать в процедуре так называемым фирмам-однодневкам, заниматься спекуляциями и демпингом, использовать другие формы недобросовестной конкуренции. Содержание самой заявки разделено на продуктивную и квалификационную части, что обеспечивает заказчику возможность получить представление о предлагаемой поставщиком (подрядчиком) продукции и тем самым повлиять на выбор победителя. Введение усовершенствованной процедуры открытого аукциона в электронной форме во многом было обусловлено фактором внедрения электронного документооборота с применением электронной цифровой подписи (ЭЦП) при проведении закупки.

Однако наряду с преимуществами у нового способа закупки отмечаются и недостатки.

Электронный аукцион, организуемый ранее по ст. 41 Закона № 94-ФЗ, в этом контексте был наиболее безопасным способом размещения заказа для сотрудников заказчика. Он не предполагал разработки документации и участия комиссии в процессе определения победителя. Действия заказчика ограничивались опубликованием извещения, а поставщик (подрядчик, исполнитель) определялся в процессе анонимного, равнодоступного, открытого аукциона в электронной форме, проводимого в режиме он-лайн. У проигравших участников не было оснований для обжалования действий заказчика по допуску к участию в процедуре или определению победителя.

Глава 3.1 Закона № 94-ФЗ, установив процедуры рассмотрения первых и вторых частей заявок, предусматривает подготовку документации, определяющей требования к содержанию заявок, и двух протоколов по итогам рассмотрения заявок. Кроме того, должна быть создана комиссия для рассмотрения заявок. Вероятность ошибок при составлении документации, а также обжалования действий комиссии участниками размещения заказа в измененной процедуре возрастает: это становится причиной штрафных санкций, накладываемых на членов комиссии и заказчика контрольным органом.

Существует ряд проблем, напрямую не связанных с новыми правилами проведения открытого аукциона в электронной форме, а объясняющихся, скорее, сложностями переходного периода, когда и заказчикам и участникам размещения заказа приходится учиться работать по-новому. В частности, обозначились проблемы, связанные с готовностью представителей государственных структур осваивать актуальный технический уровень. Кроме того, в новых условиях необходимо повышать личную ответственность лиц, проводящих работу по размещению извещений, изменений, разъяснений документации (членов аукционных комиссий, сотрудников заказчика).

Процедура проведения открытого аукциона в электронной форме предполагает, что все взаимодействие заказчиков и участников, вплоть до подписания государственного контракта, происходит в электронной форме. Сделка считается заключенной с момента отправки оператору электронной торговой площадки контракта, подписанного электронной цифровой подписью заказчика; тем самым решается проблема расстояний и времени – обмен бумажными версиями договоров может занять несколько недель. Однако и здесь имеются свои проблемы.

Комиссия заказчика участвует в электронном документообороте лишь отчасти, формируя протоколы изначально в бумажном виде, затем переводя их в электронную форму и подписывая электронной цифровой подписью при размещении на электронной площадке. Обмен документами на электронной торговой площадке заканчивается подписанием контракта в электронной форме, который затем еще необходимо зарегистрировать, причем с регистрацией также могут возникнуть сложности.

Хотя сейчас и региональные и муниципальные заказчики имеют возможность размещать заказы на электронных площадках по главе 3.1 Закона № 94-ФЗ, не

все органы, занимающиеся регистрацией контрактов, готовы принимать их в виде электронных документов. Кроме того, органы исполнительной и судебной власти, а также контрольные органы не имеют широкой практики работы с электронными документами, заверенными электронной цифровой подписью.

Проблема выбора стандарта самой электронной цифровой подписи возникла у удостоверяющих центров, которые будут выдавать электронную цифровую подпись заказчикам и участникам размещения заказа, еще до ввода в действие первых трех электронных площадок, определенных распоряжением Правительства РФ «О проведении аукционов в электронной форме» [7]. Основная трудность состояла в том, чтобы одна и та же электронная цифровая подпись могла работать на всех электронных площадках, что вызывает необходимость их соответствия единым требованиям, регламентам применения подписи и информационной безопасности. Немаловажна и стоимость самой подписи, варьирующаяся в пределах от четырех до семи тысяч рублей в зависимости от областей ее действия.

Минэкономразвития России и Федеральное казначейство РФ определили, что электронную цифровую подпись для заказчиков будут бесплатно выдавать отделения Федерального казначейства РФ, о чем говорится в его письме «О выдаче сертификатов электронных цифровых подписей государственным заказчикам для работы на электронных торговых площадках» [8]. К моменту окончания отбора и аудита операторов электронных площадок для заказчиков была подготовлена электронная цифровая подпись нового образца, которая не только позволяет работать с любым оператором, но и размещать информацию о заказах на новом общероссийском официальном сайте, начавшем работать с 1 января 2011 г.

Происходящие в настоящее время уточнения и изменения законодательства об электронной цифровой подписи (в первую очередь, выход нового Федерального закона «Об электронной подписи» [8]) ведут к изменениям в требованиях к подписи и в ее формате, что неизбежно повлечет очередную внеплановую замену всех сертификатов, используемых и заказчиками и участниками размещения заказа.

Развитие и распространение процедуры открытого аукциона в электронной форме отвечает веяниям времени и, несомненно, позитивно: она направлена на повышение ответственности участников размещения заказа, учитывая при выборе поставщика наряду с ценовым и квалификационные критерии. В то же время некоторая виртуальность отношений между заказчиком и участниками размещения заказа на электронных ресурсах в сети Интернет требует определенных гарантий с обеих сторон. Введение электронного документооборота с применением электронной цифровой подписи и обязательного обеспечения заявки участником размещения заказа гарантирует подписание контракта и уменьшает риск недобросовестной конкуренции.

Библиографический список

1. О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд: Федер. закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ (в ред. от 21 апр. 2011 г.) // СЗ РФ. 2005. № 30. Ст. 3105.

2. Методические рекомендации по порядку расчета начальной (максимальной) цены контракта. URL: <http://burzakup.ru/News/NewsFull.aspx?CID=290>
3. Письмо Минэкономразвития РФ от 22 июня 2009 г. № Д05-3115. URL: http://www.businessuchet.ru/pravo/documshow_documid_155313.html
4. Об утверждении Методики формирования начальной цены государственного контракта на строительную продукцию государственного заказа: постановление Правительства Москвы от 25 июля 2006 г. № 563-ПП. URL: <http://profsmeta3dn.ru/publ/17-1-0-177>
5. Об утверждении Правил определения начальной цены государственного контракта при размещении государственного оборонного заказа путем проведения торгов, а также цены государственного контракта в случае размещения государственного оборонного заказа у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика): постановление Правительства РФ от 4 нояб. 2006 г. № 656 (в ред. постановления Правительства РФ от 10 марта 2009 г. № 219) // СЗ РФ. 2006. № 46. Ст. 4803.
6. Система госзакупок: на пути к новому качеству: доклад ГУ-ВШЭ / А.А. Яковлев (руководитель проекта) [и др.]. URL: http://www.hse.ru/news/hse_pubs/15226770.html
7. О проведении аукционов в электронной форме: распоряжение Правительства РФ от 1 июня 2009 г. № 755-р // СЗ РФ. 2009. № 23. Ст. 2852.
8. О выдаче сертификатов электронных цифровых подписей государственным заказчикам для работы на электронных торговых площадках: письмо Казначейства РФ от 8 окт. 2009 г. № 42-7.4-05/10.1-592. URL: <http://irkutsk.roskazna.ru/page/11584>
9. Об электронной подписи: Федер. закон от 6 апр. 2011 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

O.N. Grimashevich
Risks of the Glass Industry
Enterprises

Problems of management of the glass industry enterprises risks are considered. The special attention is paid to the analysis of problems of enterprise risks management system.

Key words and word-combinations: risk, risk management, risk management system.

Рассматриваются проблемы управления рисками предприятий стекольной промышленности. Особое внимание уделяется анализу задач системы управления рисками предприятия.

Ключевые слова и словосочетания: риск, управление рисками, система управления рисками.

УДК 338.45
ББК 65.304.9

О.Н. Гримашевич

РИСКИ ПРЕДПРИЯТИЙ
СТЕКЛЬНОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Тематика управления рисками сегодня приобретает все большую популярность в российской бизнес-среде, так как внедрение технологий комплексного управления рисками, затрагивающими различные аспекты деятельности компании, становится важнейшим конкурентным преимуществом [1, с. 17]. Хорошо зарекомендовавшие себя традиционные методы менеджмента в условиях современной российской экономики, нуждающейся в существенном экономическом росте, оказываются недостаточно действенными. Для

достижения ощутимых результатов менеджмент компаний часто идет на дополнительный риск. В связи с этим возрастает практическая необходимость запуска таких систем управления риском, которые бы позволяли не доводить предприятие до кризисного состояния.

Прежде чем рассуждать о деталях эффективной системы управления рисками, необходимо определить само понятие системы управления рисками промышленного предприятия. На наш взгляд, ее следует понимать как совокупность элементов организационной структуры предприятия, взаимосвязанных функциями управления рисками и обеспечивающих реализацию процедур управления рисками техническим, информационным, кадровым и методическим обеспечением. Управление рисками на промышленном предприятии представляется эффективным лишь в том случае, если оно будет осуществляться в системе менеджмента. При этом важно отметить, что одной из основных тенденций современного риск-менеджмента выступает непрерывное совершенствование процесса управления рисками.

К началу XXI в. управление риском стало более или менее стандартным элементом менеджмента не только крупных, но и средних, а также мелких фирм. На современном предприятии риск-менеджмент необходим как для отдельного подразделения, так и для всего комплекса в целом. Потребность в комплексном, скоординированном управлении риском объективна: все виды рисков в определенной мере взаимосвязаны, и потеря по одному виду рисков не исключает, а чаще ведет к увеличению вероятности потерь по другим направлениям.

Вопросы отраслевой специфики в процессе разработки моделей и процедур управления рисками для предприятий конкретных отраслей промышленности в настоящее время рассматриваются недостаточно полно как в теоретическом, так и в практическом аспекте. В то же время отраслевые отличия промышленных предприятий настолько глубоки, что применение общих положений имеющихся методик не может обеспечить полноценного учета специфики отраслевого своеобразия. В частности, для предприятий стекольной промышленности требуются особые подходы в разработке и применении мероприятий по управлению рисками и их снижению.

Исследовательский интерес к стекольной промышленности в данном случае обусловлен не в последнюю очередь тем, что она является одной из значимых отраслей промышленной специализации Приволжского региона. Так, только на территории Саратовской области расположены два крупных предприятия стекольной отрасли – ОАО «Саратовский институт стекла» и ОАО «Сартовстройстекло».

Приступая к формированию системы управления рисками, предприятию в первую очередь важно определить риски и их совокупности, которые могут существенно повлиять на его конкурентоспособность, нанося ему существенные потери или даже парализуя его функционирование. Чтобы определить эти принципиально значимые для комплексного анализа проблемы элементы, нами была составлена анкета и произведен экспертный опрос (в личной беседе, а также посредством телефонной и Интернет-связи). В качестве экспертов выступили руководители и специалисты ведущих предприятий стекольной промыш-

ленности: ОАО «Саратовстройстекло», Asahi Glass Company (AGC Борский стекольный завод, AGC Flat Glass Клин), ОАО «Салаватстекло».

Анализ предложенной классификации рисков произведен с использованием коэффициентов весомости, полученных с помощью экспертных методов оценки. Экспертам было предложено ответить на вопрос «Целесообразно ли учитывать ту или иную группу риска?», а также проранжировать сложные и простые производственные риски по степени важности. Критерием оценки выступала значимость (весомость) риска, то есть экспертам предлагалось определить, какие из перечисленных рисков являются наиболее и наименее значимыми для стабильной работы предприятия.

Первый ранг присваивался наиболее значимой группе рисков, наиболее значимым конкретным рискам в отдельности. Значимость групп рисков и конкретных рисков убывает по мере возрастания ранга. Последний ранг присваивается рискам, которые имеют наименьшее значение в деятельности предприятия. С учетом мнений всех экспертов для каждого показателя рассчитываются итоговые суммы рангов.

Считаем необходимым выделять шесть групп рисков предприятий стекольной промышленности: 1) риски, связанные с глобализацией мировой экономики; 2) риски невостребованности произведенной продукции; 3) риски изменения конъюнктуры рынка и усиления конкуренции; 4) риски возникновения непредвиденных затрат и снижения доходов; 5) отраслевые риски предприятий стекольной промышленности; 6) риски потери имущества.

Для оценки степени согласованности мнений экспертов относительно присвоенных рискам рангов воспользуемся коэффициентом конкордации, который можно рассчитать по следующей формуле [2, с. 125]:

$$W = \frac{12 \sum_{i=1}^n \left(\sum_{j=1}^N r_{ij} - \frac{N(n+1)}{2} \right)^2}{N^2(n^3 - n) - N \sum_{j=1}^N L_j},$$

где N – количество экспертов; n – количество оцениваемых объектов; r_{ij} – ранг i -го риска, присвоенный j -м экспертом; L_j – показатель связанных рангов у j -го эксперта.

Величина коэффициента конкордации может изменяться в пределах от 0 до 1. Если $W = 0$, то согласованность (связь между оценками различных экспертов) отсутствует. При $W = 1$ имеет место полная согласованность во мнениях специалистов (таблица).

Мнения экспертов по ранжированию групп рисков предприятий стекольной промышленности практически совпадают, и можно сделать вывод, что большинство предприятий стекольной промышленности наиболее значимой группой риска считают риски, связанные с глобализацией мировой экономики. Этим же объясняется отнесение экспертами на одно из первых мест риска, связанного с общемировым финансовым кризисом, ужесточением условий привлечения финансирования.

Результаты согласованности мнений экспертов

Показатель	Значение коэффициента конкордации
Все группы рисков	0,74
Риски, связанные с глобализацией мировой экономики	0,94
Риски не востребоваемости произведенной продукции	0,54
Риски изменения конъюнктуры рынка и усиления конкуренции	0,88
Риски возникновения непредвиденных затрат и снижения доходов	0,65
Отраслевые риски предприятий стекольной промышленности	0,92
Риски потери имущества	0,64

Основным направлением развития международных экономических отношений на рубеже XX и XXI вв. стала глобализация мировой экономики, которая в полной мере, благодаря масштабам производства, проявилась и в стекольной промышленности. По этой причине риски отечественной стекольной промышленности необходимо рассматривать в рамках формирующихся тенденций в развитии мировой стекольной отрасли:

- на мировом рынке стекла усиливается роль крупных интегрированных компаний. Рынок Европы с учетом расширения на восток (за исключением России, Украины и Беларуси), включая Турцию на юге, составляет более 8 млн тонн стекла. Здесь работают 7 основных производителей флоат-стекла: Saint-Gobain, Pilkington, Asahi, Guardian, Sisecam, Euroglas и Sangalli, плюс два других производителя со своими линиями – Interpahe и Scheuten. Европа является самым насыщенным рынком и имеет самую высокую пропорцию продукции с добавленной стоимостью. Всего 4 компании (Pilkington, Saint-Gobain, Asahi и Guardian) производят 61% мирового высококачественного листового стекла;

- обострение конкуренции на национальных рынках стекла сопровождается применением защитных мер во внешней торговле;

- активизируются работы по снижению затрат на производство, когда размещение производства стекла ориентируется на страны, обладающие наиболее дешевыми природными и энергетическими ресурсами, рабочей силой, что обеспечивает минимальные налоговые и транспортные издержки.

Мировые тенденции вызвали появление фактора странового риска, который оказывает существенное негативное влияние на отечественные предприятия стекольной промышленности.

В настоящее время обнаруживаются следующие факторы риска предприятий стекольной промышленности:

- 1) введение квот на импорт листового стекла на традиционных рынках сбыта иностранных государств, а также участвующая практика введения преференций и дискриминационных мер страной-импортером для других участников рынка;

2) ужесточение технических норм и нормативов к стеклу в странах-импортерах, что из-за существенного физического и морального износа оборудования снижает конкурентоспособность отечественного стекла, делая «туманными» перспективы участия российских производителей стекла в этих странах и регионах.

Уровень рискованности предпринимательства для российских предприятий стекольной промышленности повышается и по причине снижения таможенных пошлин. Так, ставка ввозной таможенной пошлины на импортное стекло сейчас составляет 15%, уменьшившись с 1998 г. в 2 раза. Нельзя также забывать о стремлении России к вступлению в ВТО, что приведет к дальнейшему снижению таможенных пошлин вплоть до их полной отмены. Это, несомненно, усилит уровень конкуренции, ухудшит позиции отечественных производителей на рынке стекла и может существенно снизить экономические показатели предприятий.

Один из наиболее опасных факторов риска отечественной стекольной промышленности, косвенно уже ранее нами затронутый, связан с усилением конкуренции со стороны зарубежных производителей. Так, по разным оценкам, доля импорта на российском рынке колеблется от 30 до 45% с прогнозом дальнейшего увеличения в общей структуре потребления стекла.

Отсутствие у отечественных предприятий ресурсов и мощностей, необходимых для покрытия образовавшегося на рынке дефицита, создает объективные предпосылки для активной экспансии на отечественный рынок крупных зарубежных производителей. Уже сейчас на российском рынке отечественные стекольные заводы испытывают постоянно усиливающееся давление со стороны производителей из третьих стран. Особенно активно действуют китайские производители. В 2009 г. выпуск стекла в Китае достиг 20 млн тонн, в настоящее время Китай производит более 42% мирового объема листового стекла, в стране действуют более 150 флот-линий. По расчетам аналитиков «РосБизнесКонсалтинга», суммарная мощность отечественных производителей составляет порядка 190 млн м² стекла (из которых 80% придется на остекление жилья, 20% – на автотранспорт и мебель), в то время как потребность страны в светопрозрачных конструкциях составляет 350 млн м² в год [3].

Потеря доли рынка российскими производителями происходит и по причине изношенности оборудования и его морального старения. Российские заводы по производству флот-стекла не могут все 100% своей продукции выпускать высокого качества, не говоря уже о фурко-линиях (доля закупок продукции, произведенной с помощью вертикального вытягивания, с 1995 по 2009 г. снизилась с 80 до 7,8%). По этой причине основной импорт листового стекла в Россию составляет высококачественное стекло, которого в России не хватает, что усиливает риск вытеснения отечественных производителей стекла с рынка или потери ими части сегмента.

По мнению участников рынка, в российскую стекольную промышленность требуется влить не менее 1,5 млрд долларов США. Для российского инвестора вложения такого масштаба в стекольный бизнес внушительны, и пока он изыскивает возможности, его опережают более расторопные и более богатые зарубежные конкуренты.

Второе по значимости место в рейтинге эксперты присудили группе отраслевых рисков предприятий стекольной промышленности. Эта группа рисков связана с предыдущей и также очень важна для стабильного функционирования предприятия.

Первое место в данной группе занял риск, связанный с высоким износом основных фондов. Участились случаи аварийной остановки оборудования и нарушения ритмичности производственного процесса. И хотя ситуация в этом направлении в последние годы нормализовалась, износ основных средств остается достаточно высоким. Изношенность основных средств производства как фактор риска является следствием нехватки инвестиционных ресурсов. Для предприятий стекольной промышленности этот фактор (ввиду высокой дороговизны используемого оборудования) приобретает особую актуальность. В связи с изношенностью оборудования и его моральным старением предприятия стекольной промышленности нуждаются в капитальном ремонте и модернизации. Зачастую у заводов просто нет на это денег. Сегодня необходимо признать, что фактически обновление производства возможно лишь при помощи привлечения заемных ресурсов в рамках проектного финансирования либо инвестиционного кредитования, что также требует от предприятий значительных временных, финансовых и людских ресурсов.

Не способствуют ускоренной модернизации отрасли и проводимые налоговые реформы. Несмотря на неоднократные заявления правительства о постепенном ослаблении налогового бремени, по факту происходит упразднение льгот, которые существовали при инвестировании предприятиями средств в свое развитие. Хотя справедливости ради нельзя не отметить, что существуют программы поддержки инвестиционных проектов, при помощи которых можно возместить 2/3 процентов, уплачиваемых за используемые заемные ресурсы, но не выше 2/3 ставки рефинансирования. Учитывая размеры инвестиций, необходимых для модернизации производства стекольных заводов, и ограниченность бюджетов подобных программ, вряд ли решившиеся на обновление производства предприятия стекольной промышленности смогут воспользоваться данной поддержкой.

Рискованность предприятий стекольной отрасли возрастает также вследствие такой особенности стекольного производства, как непрерывный характер. В частности, производство листового стекла флоат-способом является непрерывным крупнотоннажным процессом и нарушение непрерывности производственных процессов может привести к значительным потерям.

Эксперты отметили важность такой группы рисков, как «риски изменения конъюнктуры рынка и усиления конкуренции». В этой группе основное значение приобретают риски строительства новых современных стекольных заводов, ввода в строй новых флоат-линий в зоне распространения стекла, потери предприятиями независимости, усиления отечественных конкурентов за счет модернизации или расширения производства.

Для отечественной стекольной промышленности характерен и риск, связанный с применением устаревших технологий. Лидеры – крупные заводы по производству стекла: Asahi Glass Company, ОАО «Салаватстекло», ООО «Пил-

кингтон Гласс», ООО «Гардиан Стекло Рязань» – Guardian, ОАО «Саратовский институт стекла» – осуществляют производство стекла по современной технологии на флоат-линиях. Остальные производители, занимающие по итогам 2009 г. 8% российского рынка, используют устаревший метод вертикального вытягивания.

Востребованность продукции зависит от технологии ее производства. В развитых странах Европы и США в основном используется флоат-процесс, обеспечивающий высокую производительность и качество выпускаемой продукции. Всего в мире действует более 200 заводов по производству флоат-стекла на линиях производительностью от 100 до 1000 тонн листового стекла в сутки. Стекло, произведенное по методу вертикального вытягивания, имеет более высокую себестоимость по сравнению с флоат-стеклом, более низкое качество и, как следствие, ограниченную область применения. Учитывая все ужесточающиеся требования рынка к качеству стекла, можно прогнозировать уход с рынка производителей, работающих по технологии вертикального вытягивания стекла, и соответственно уменьшение совокупной производительности на 350–450 тонн в сутки.

Риск потери независимости предприятиями связан с началом 1990-х годов, с процессами так называемой «корпоративизации», когда самостоятельные прежде субъекты подчинялись различным объединениям, холдингам. Амбициозные планы диверсификации производства требовали денежных вливаний, а повышавшаяся зависимость предприятий от кредиторов часто становилась причиной поглощения. Так, ОАО «Салаватстекло» в своем современном виде было образовано в 1993 г. путем выкупа арендованного имущества в соответствии с программой приватизации государственных и муниципальных предприятий Республики Башкортостан. Сегодня основным владельцем предприятия является ООО «Компания «РИА»» (доля компании 59,45%). Но в случае «Салаватстекло» министерство имущественных отношений Республики Башкортостан продолжает владеть так называемой «золотой акцией» компании. Представители Республики Башкортостан, назначенные в совет директоров, участвуют в общем собрании акционеров с правом «вето» при принятии общим собранием акционеров решений по важным вопросам, что в силу стратегической значимости отрасли несомненно является позитивным моментом.

В июне 2010 г. произошло объединение ОАО «Салаватстекло» и ОАО «Саратовстройстекло». ОАО «Салаватстекло» заключило с акционерами саратовского предприятия договор купли-продажи стоимостью 40 млн долларов. Причиной продажи ОАО «Саратовстройстекло» является кризис на строительном рынке: убытки компании по итогам 2009 г. составили 315,5 млн рублей против 803,1 млн рублей чистой прибыли в 2008 г. [4].

Группы рисков, занявшие первые три места и отмеченные экспертами как самые значимые в деятельности предприятий стекольной промышленности, характеризуются высоким значением коэффициента конкордации. Это показывает, что большинство опрошенных специалистов считают важными одни и те же риски.

Возвращаясь к анализу результатов опроса, видим, что на четвертое место эксперты поставили группу рисков невостребованности произведенной продук-

ции. Коэффициент конкордации по этой группе риска равен 0,54, что свидетельствует о различности в приоритетах опрошенных автором экспертов. Некоторые опрошенные специалисты считают, что наибольший риск связан со снижением потребления стекла на внутреннем рынке, стагнацией в отраслях, к которым относятся основные потребители (в первую очередь речь идет о строительном комплексе). Несомненно, уменьшение темпов строительства новых жилых и нежилых помещений в настоящее время оказывает значительное дестабилизирующее влияние на деятельность предприятий стекольной промышленности на внутреннем рынке. Строительный комплекс занимает 80% в структуре потребления продукции стекольной промышленности.

Для других экспертов на первом месте в этой группе стоят риски, зависящие от персонала предприятия (нехватка квалифицированных кадров; высокий среднестатистический возраст работников предприятия; низкий уровень управления; ошибки в планировании; недостаточное знание технологии производства; низкая производственная дисциплина, слабая мотивация работников).

Отнесение экспертами на последнее место весьма важных, по нашему мнению, групп рисков возникновения непредвиденных затрат и снижения доходов связано с достаточно стабильной в настоящий момент ситуацией в регионе и в стране в целом. Основными здесь являются риски потери имущества в результате усиления давления со стороны рейдеров, потери имущества в результате аварий и стихийных бедствий и риски, связанные с отчуждением имущества в результате неправомερных действий местных органов власти или других собственников.

Проведенный анализ факторов рисков позволяет констатировать, что в настоящее время отечественные предприятия стекольной промышленности, которые благодаря возможностям внешней и внутренней среды могут увеличить свою кратко- и среднесрочную рискозащищенность, все еще находятся под усиливающимся воздействием совокупности страновых, политических, коммерческих, налоговых и производственно-технических рисков.

На наш взгляд, представляется необходимым исследовать весь индивидуальный рискованный спектр, предопределенный спецификой деятельности конкретных предприятий. Достижение этой цели невозможно без более глубокого анализа специфических рискообразующих факторов, свойственных предприятиям стекольной промышленности. Это предполагает дополнительное и более детальное рассмотрение факторов риска, связанных с финансовой устойчивостью рассматриваемых производственно-хозяйственных систем.

Библиографический список

1. Пацук А. Укротители риска // Секрет фирмы. 2008. № 7.
2. Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М., 1985.
3. ИК «Тройка Диалог»: Годовой рост промышленного производства в 1-м полугодии 2010 г. в России составил 10,2%. URL: <http://quote.rbc.ru/research/comments/index.shtml>
4. Съели конкурента. URL: <http://www.expert.ru/news/2010/04/30/salavatsteklo/>
5. На дне: падать нельзя расти. URL: <http://www.dailystroy.ru/hpi/>

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

M.N. Markova

**The Role of Ecological Education
and Upbringing in the Ecological
Thinking Formation**

The necessity for the ecological thinking in the modern society is substantiated. Environmental upbringing and education are analyzed as the components of ecological thinking.

Key words and word-combinations: globalization, ecological thinking, ecological upbringing, ecological education.

Обосновывается потребность современного общества в экологическом мышлении. Экологическое воспитание и образование анализируются как составные части экологического мышления.

Ключевые слова и словосочетания: глобализация, экологическое мышление, экологическое воспитание, экологическое образование.

УДК 1:316:172/179

ББК 60.023:87.75

М.Н. Маркова

РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

В своих отношениях с окружающей средой человек выступает не только как биологическое, но и как социальное существо. Вероятно, именно поэтому анализ экологических проблем и противоречий, характеризующих отношения между человеком и природой, стал одной из насущных задач социальной философии. Границы и масштабы соответствующих исследований расширяются, чему в немалой степени способствуют процессы глобализации.

Ряд специалистов, занятых экологическими проблемами, утверждают, что развитие общества становится несовместимым с сохранением природы, противоречия между ними усиливаются в условиях научно-технического прогресса; возможен вариант полного разрушения окружающей природной среды и в итоге – гибель самого человечества (Дж. Форрестер, Д. Медоус, Р. Хайлбронер, П. и А. Эрлих). Подобная оценочная пози-

ция характеризуется как «экологический пессимизм». Другие ученые (Д. Белл, Г. Кан, А. Тоффлер, Б. де Жувенель, Ж. Фурастье, О. Флетхейм, К. Фримен, Д. Габор) считают, что все глобальные проблемы, в том числе и связанные с экологией, разрешимы с помощью научно-технического прогресса – их принято относить к лагерю «научно-технических оптимистов».

Несомненно, установки людей по отношению к природе изменяются с развитием общества. Онтологическим основанием для новых экологических идеалов выступают происходящие структурные изменения в системе «человек – общество – природа». В свою очередь экологические идеалы как структурные элементы экосознания влияют на ценности техногенного бытия [1, с. 265–269].

Человек активно вмешивается во многие процессы, происходящие в окружающей среде, и антропогенное воздействие на природу усиливается с каждым годом. Требование обязательно учитывать экологические аспекты при принятии экономических решений сегодня становится более чем актуальным. Знания и техника позволили человеку более успешно регулировать природные процессы, «совершить разрыв с природой как со своим «неорганическим телом», противопоставить себя природе» [2, с. 33]. Созданная промышленным обществом искусственная среда превратилась в буферную зону между природой и человеком; она оказывает непрерывное и весьма существенное влияние на экологическое сознание индивида и социума.

Современная экологическая ситуация представляет собой систему взаимосвязанных критических конфликтов, разворачивающихся во всех основных областях взаимодействия общества, человека и природы. Экологическая проблема в ее глобальном масштабе есть плата за технологический взлет человечества.

Оценивая концепции разрешения экологических проблем, следует иметь в виду, что последствия научно-технического прогресса зависят не от науки и техники, а от характера использования их достижений, что, в свою очередь, связано со спецификой той социальной системы, в которой они функционируют. Чтобы предотвратить разрушительное воздействие общества на природу, необходимо не только осознать экологическую ситуацию, но и преобразовать само общество. Рациональное использование природных ресурсов должно осуществляться в интересах всего человеческого общества, а не отдельного человека или социальных групп.

Научные основы взаимодействия человека с биосферой начали разрабатывать с XVIII в. Современные ученые-экологи признают, что движущими механизмами изменения существующей парадигмы мышления являются интеграция, универсализация и интенсификация [3, с. 86]. Интеграция выражается в объединении всех стран, всего человечества для решения экологических проблем; универсализация – в разработке и применении универсальных методов стабилизации экологической ситуации; интенсификация – в повышении экологической активности, внедрении новых экологически щадящих систем человеческой деятельности, реальном снижении экологических рисков.

Природа и человечество в наши дни тесно взаимосвязаны, но развиваются рассогласованно: темпы эволюции общества значительно опережают темпы саморазвития и воспроизводства природы Земли [4, с. 158]. Вот почему экологи-

ческому императиву как в мировоззрении, так и в технологии альтернативы нет. Экологические ориентиры должны лечь в основание деятельностных установок человека [5, с. 274–275]. У людей следует формировать определенные экологические ориентации, стратегически направленные на реальное преобразование социоприродных отношений через экологизацию общественного сознания, установление высокого уровня экологической культуры и экологической предусмотрительности человека. В связи с этим актуальной задачей становится формирование экологического мышления, средством же ее решения представляется развитие экологического образования и воспитания.

Экологическое мышление должно проявляться в умении на практике реализовывать имеющиеся в области экологии специальные знания и навыки. Экологически культурная личность должна уметь устанавливать и правильно анализировать причинно-следственные связи экологических проблем, а также прогнозировать экологические последствия человеческой деятельности. Экологическое поведение личности в быту, в условиях производственной деятельности и отдыха должно стать экологически оправданным и целесообразным.

Целью экологического образования и воспитания представляется формирование человека, способного осознавать последствия своих действий по отношению к окружающей среде и способного жить в относительной (рационально допустимой) гармонии с природой.

Основными задачами экологического образования и воспитания следует определить:

- формирование научных представлений о взаимодействии человечества с миром природы, о закономерностях эволюции природы как глобальной системы;
- воспитание ценностных ориентаций и нравственно-эстетических идеалов экологического характера;

- развитие интеллектуальных способностей к экологической оценке конкретной ситуации; формирование умений и навыков экологической деятельности, понимаемой в категориях целесообразного практического взаимодействия человека с природой.

Экологизация национальной системы образования, предполагающая решение задач экологического воспитания, предусматривает реализацию принципов преемственности, интегративности, междисциплинарности и проблемности.

Экологическая ситуация в стране и мире такова, что современное образование должно не только обеспечивать возможности для раскрытия личностных способностей, но и прививать обучаемым поисковые склонности к овладению знаниями, усвоению их в максимально полном объеме, научить мыслить широко и комплексно, без чего не может быть сформирована экологическая компетентность как необходимое условие преодоления бесхозяйственного, безответственного и бездумно-безалаберного отношения к природной среде [6, с. 42–44].

В настоящее время в экологическом образовании граждан наших стран преобладает информационно-справочный подход, основанный на передаче обучаемым фактически невостребованных ими знаний из области фундаментальной и прикладной экологии. При этом учебные экологические курсы мало связаны с каждодневным опытом педагогов и учащихся; они не дают понятия о том, что

и как можно изменить в повседневной жизни, чтобы уменьшить антропогенную нагрузку на окружающую среду и снизить связанный с этим риск. Образовательные методики, нацеленные на решение экологических проблем как в учебных заведениях, так и в работе с широкой общественностью, отсутствуют.

По нашему мнению, экологическое воспитание должно представлять собой целостную систему, во временном масштабе охватывающую всю жизнь человека. Целью его является формирование у человека мировоззрения, основанного на представлении о своем единстве с природой, о направленности культуры и всей практической деятельности не на эксплуатацию природы и даже не на сохранение ее в первозданном виде, а на развитие, способное содействовать процветанию общества. В этом – реализуется принцип современного антропоцентризма, суть которого в понимании того факта, что дальнейшее развитие человечества может состояться только совместно с дальнейшим развитием природы, ее многообразием и богатством.

Итак, главной целью современного образовательного процесса должна стать деятельность по формированию экологического мышления и распространению экологической культуры, а ее основой – распространение чувства ответственности за сохранение жизнеспособности природной среды и благополучия биосферы, что влечет за собой необходимость привлечения обучаемых к конкретным видам деятельности, связанным с природоохранной работой.

В настоящее время беспредел в нарушении экологических законов можно остановить, только подняв на должную высоту экологическую культуру каждого члена общества, понимаемую как комплекс навыков бытия в контакте с окружающей природной средой и высшая стадия экологизации сознания. Центральная идея экологической культуры – научно обоснованное гармоническое развитие природы и человека; отношение к природе не только, как к материальной, но и как к духовной ценности.

Сегодня характеризующим общество признаком высокой культуры вообще и экологической культуры в частности становится не степень отличия социального от природного, а степень их единства. Таким единством достигается стабильность и природы и социума, образующих в своей совокупности социоприродную систему. Таким образом, экологическое мышление напрямую связано не только с внедрением системного подхода во все области нашей жизни, но и с развитием духовности человечества. От уровня зрелости экологического мышления зависит успешность природопреобразующей и природоохранной деятельности. Через отношение к природе формируется нравственное отношение к социальному окружению – ведь природа – это общий дом всего человечества, и забота о нем предполагает учет интересов как ныне живущих, так и будущих поколений.

Экологически культурная личность при познании природы и общении с ней через свои чувства (восхищение, радость, удивление, умиление, гнев, возмущение, сострадание) переживает свое отношение к ней и стремится сохранить дикую природу, проявляя тем самым любовь к миру природы.

Эколого-нравственная проблема встает сегодня не только как проблема сохранения окружающей среды от загрязнения и других отрицательных вли-

яний хозяйственной деятельности человека на Земле, но и вырастает в проблему предотвращения стихийного воздействия людей на природу, установления сознательно, целенаправленно, планомерно развивающегося взаимодействия с нею. Такое взаимодействие осуществимо при наличии в каждом человеке достаточного уровня экологического и нравственного сознания, эколого-нравственной культуры, становление которых начинается с детства и продолжается всю жизнь.

Формирование экологического мышления является основанием качественного развития экологической культуры, гражданственности и патриотизма: нельзя быть гражданином и патриотом и не заботиться о сохранении качества природной среды – колыбели всего человечества и каждого человека в отдельности.

Развитие нового экологического мышления как центральной подсистемы экологической культуры связано с осознанием бесперспективности и губительности ориентации на господство преобразовательного типа, технократического стиля мышления, основанного на агрессивном отношении к природе, на вере в беспредельность ее ресурсов, на непонимании, что биосфера истощена многовековой ее эксплуатацией, что она нуждается в восстановлении и что человек ответственен за нее ровно так же, как и за самого себя. Экологическое мышление требует отказа от эгоистических потребительских установок, ориентированных на узколичностные либо узкогрупповые интересы, на достижение сиюминутных целей и материальных выгод, когда не принимаются во внимание не только качество природной среды и благополучие будущих поколений, но и элементарная обеспеченность ближнего. Напротив, современное экологическое мышление должно быть демократичным, основываться на общечеловеческих ценностях, направленных на историческую перспективу, а не на сегодняшний корыстный интерес.

Экологические противоречия, достигшие глобального уровня, привели к осознанию того, что будущее развитие общества будет во многом зависеть от уровня экологической культуры и экологической предусмотрительности человека, поэтому посредством экологического воспитания должна сформироваться новая экологическая культура, а с ней и новое отношение людей к окружающей их природной среде.

Библиографический список

1. Устьянцева Г.Г. Экологические идеалы и культура: историко-сравнительный экскурс // Социальные идеалы в стратегиях общественного развития. Саратов, 2005. Ч. 1.
2. Гудожник Г.С. Научно-техническая революция и экологический кризис. М., 1975.
3. Мамашакиров С.М. Роль социально-политических факторов в формировании экологической активности и ответственности: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ташкент, 1997.
4. Белов А.П. Мировоззрение и образ жизни: социально-философские проблемы / под ред. В.Н. Гасилина. Саратов, 2006.
5. Васильева В.Н. Формирование экологического мышления в процессе образования // Инновации и образование: сб. мат-лов конф. СПб., 2003. Сер.: «Symposium», вып. 29.
6. Платонова И.А. Формирование экологической компетентности как фактор социализации личности // Инновации в образовании: опыт и перспективы. Новокуйбышевск, 2009.

**S.A. Kuropatkin
Features of Spiritual Factors
in Labor Stimulation
in Traditions of Western
and Russian Societies**

The spiritual factors in the modern Russian society development are studied. Special attention is paid to the analysis of non-material incentives to work.

Key words and word-combinations: spiritual, material, the spirit of capitalism, passionarity.

Исследуются духовные факторы развития современного российского общества. Особое внимание уделяется рассмотрению нематериальных стимулов трудовой деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: духовное, материальное, дух капитализма, общество, пассионарность.

УДК 130.12:316

ББК 60.028

С.А. Куропаткин

ОСОБЕННОСТИ ДУХОВНЫХ ФАКТОРОВ СТИМУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТРАДИЦИЯХ ЗАПАДНОГО И РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВ

Трудовая деятельность представляет собой феномен, объединяющий в себе субъективное и объективное, духовное и материальное начала. Классические представления экономической и социально-философской науки о труде основаны на размышлениях в первую очередь о материальном базисе того или иного общества. При таком методологическом подходе из поля зрения исследователя выпадают духовные факторы, в лучшем случае им не придается какого-либо самостоятельного значения. Вместе с тем учет влияния духовных факторов на содержание и характер трудовой деятельности может существенным образом скорректировать представления о сущности рассматриваемого феномена.

На различных этапах общественно-экономического развития для активизации трудовой деятельности использовались различные не-материальные факторы и стимулы. Так, в периоды рабовладения и феодализма соответствующие духовные установки укладывались в рамки религиозных отношений и не играли существенной стимулирующей роли; с зарождением капитализма и появлением свободного человека возникают возможности более широкого использования неэкономической мотивации к труду (через реализацию воли к успеху, самореализацию) [1].

Содержание, характер и глубина влияния духовных факторов на социальные процессы

в западном и российском обществах имеют заметные отличия, проявляющиеся, в частности, в трудовой сфере.

Широко известно, что развитие капитализма на Западе, по мнению М. Вебера, связано с возникновением такого объективно-идеального феномена, как проистекающий из протестантизма дух капитализма. Ученый считал, что в процессе развития на Западе сложилась уникальная система духовного производства, которая включает рациональную производственную этику, рациональное поведение человека и рациональный строй жизненного уклада в целом. При этом основой рациональной этики является духовно-нравственная ориентация личности на повседневную активность, понимаемую как служение Богу и миру.

В понимании М. Вебера, капиталистическое предприятие основано на «рациональной организации свободного труда» [2, с. 53]. Стремление к рациональному ведению хозяйства и рентабельности выступает главной и сущностной характеристикой «духа капитализма». Ученым акцентируются не внешние по отношению к индивиду, а внутренние духовные и нравственные мотивы, побуждающие его к занятиям рациональной хозяйственной деятельностью, ориентированные не на удовлетворение непосредственных потребностей, а на саморазвитие. При этом деятельность в целом ориентирована в большей степени не на практические, а на идеальные цели. Она подчинена идее спасения через аскетическое мирское служение Богу.

В эпоху Реформации произошла смена потусторонней аскезы в абсолютно противоположную мирскую аскезу, в которой деятельность рассматривается как «обязанность», возложенная на верующего. В этом и состоит уникальность и историческая значимость протестантизма. Свидетельством успеха в служении Богу стал считаться доход, выраженный в деньгах. Такое измерение, в соответствии с установками протестантизма, лучше всего свидетельствует о рациональности деятельности и служит абстрактной мерой для оценки богоугодности труда. Бедность и нищета в протестантской культуре не только не несут позитивных моральных ценностей, но и не могут быть поводом для сострадания и тем более – благотворительности. Бедный неудачник отвержен Богом, и поэтому от него отворачиваются и люди.

Однако не стоит преувеличивать роль этики протестантизма в капиталистическом понимании реализации труда. Не случайно С. Кара-Мурза, опираясь на специальные исследования, приводит пример того, что во время уборки хлопка на плантациях в США, когда не хватало рабов-негров, плантаторы нанимали для работы белых протестантов. Производительность их труда была вдвое ниже, чем у рабов, поскольку они были не способны освоить сложную организацию коллективного труда, которая была выработана у афроамериканцев [3, с. 26].

Рост производительности труда в условиях российского общества, на наш взгляд, равно как и в западной традиции, детерминирован в первую очередь духовными факторами. В то же время эти факторы в различающихся по своей природе цивилизациях не могут быть тождественными. Так, в российском социуме ключевыми факторами стимулирования труда выступают противоположные протестантским традиционные ценности. Например, православные по своей духовной природе идеалы богочеловечества сущностно представляли перед

личностью в виде коллектива, который требовал от индивида проявления чувства коллективизма и сверхусилий в достижении целей. Из этого выростала коллективистская, а не индивидуалистская трудовая этика. Православие, формировавшее духовный склад русского народа в течение тысячи лет, поддерживало высокий статус и культурную значимость труда. В рамках протестантской этики понятие долга в конечном итоге обусловило неукоснительное соблюдение требований норм деятельности, в том числе и в распределении усилий в строгих пределах отведенного рабочего времени. Православная же этика требует готовности в любой момент отдачи «всего себя и сразу», поскольку сочетает одновременное служение и Богу, и человечеству. Усиленная государственным вмешательством во все сферы жизни общества, она требовала полной отдачи от человека вне зависимости от официально установленных формальных границ, порождая принципиальную ненормированность труда.

По мнению зарубежных исследователей, выработанные веками духовные традиции сегодня ослабевают в связи со стремительным темпом увеличения процессов глобализации. В частности, С. Хантингтон справедливо замечает, что ослабление целостности российского цивилизационного материка ослабило, в свою очередь, стимулы деятельности и значимость национальной идентичности североамериканского субъекта [4, с. 192]. Таким образом, процессы глобализации выступают первоочередной причиной трансформации духовных оснований как российского, так и западного общества.

Для фиксации изменений, затронувших духовные основания трудовой деятельности Запада, обратимся к ныне популярной концепции развития общества, разработанной теоретиками «постиндустриализма».

На современном этапе состояния экономики наблюдается увеличение роли теоретического и прикладного знания, глобальная информатизация, внедрение инновационных методов управления социально-экономическими системами, приоритет производства услуг над производством товаров. Однако в связи с ослаблением духовных традиций, в том числе этики протестантизма, на Западе происходит размывание границ трудовой деятельности, изменение ее пространственно-временных характеристик. Например, рабочий эпохи модерна четко осознавал отличие рабочего дня от свободного времени и, борясь за уменьшение продолжительности затрачиваемого на отчужденный труд времени, не ставил под сомнение само четкое разграничение данных временных сфер своего существования. Нынешнее положение вещей демонстрирует вторжение труда в те временные промежутки, которые раньше представлялись изолированными от трудовой активности.

Инновационная экономика, развитие наукоемких отраслей, глобальная информатизация и другие показатели «постиндустриализма» требуют от экономического субъекта сверхусилий и постоянной мобилизации, что чуждо цивилизационным традициям Запада. Успехи Запада в реализации высокотехнологических и наукоемких производств значительно опередили российскую сторону, в том числе и в отношении внедрения персональных компьютеров и мобильных телефонов в трудовой процесс. Однако западный субъект не был на духовном уровне готов к их использованию. Например, распространение сотовых телефонов вызвало эффект постоянного «нахождения на связи». Как следствие – воз-

никло ощущение ненормированности рабочего дня и относительности свободного времени. Работник западного постмодернистского общества столкнулся с проблемой необходимости своего рода «самопожертвования», полной отдачи процессу труда. В контексте российского общества ситуация воспринимается иначе.

Одним из первых исследователей, обративших внимание на смену духовных факторов трудовой деятельности в «постиндустриальной» России, стал В.Л. Иноземцев. Вслед за Д. Беллом к «постматериальным» ценностям В.Л. Иноземцев относит знание и информацию. Развитие «постэкономического» общества он связывает с изменением характера трудовой деятельности, которая определяется неким творческим актом, причем «...творчество не противостоит труду столь непосредственно, как услуги противостоят продуктам материального производства. В нынешних условиях элементы творчества (creativity) и труда (labour) тесно слиты в продуктивной деятельности (work); разорвать это противоречивое единство фактически невозможно...» [1, с. 137]. Таким образом, российский ученый сформулировал концепцию «постэкономического» общества, акцентировав свое внимание на смене не только материальных, но и духовных факторов стимулирования труда. Появление «постэкономического» общества, по его мнению, в первую очередь становится возможным благодаря обеспечению условий восприятия духовных ценностей и формированию неэкономической мотивации, а также обеспечению членов общества свободой самовыражения личности.

В России, вслед за передовым Западом, в настоящее время насаждаются идеалы «постиндустриализма». Увеличивается доля наукоемких отраслей, повышается престиж интеллектуальных областей трудовой деятельности. В отечественной трудовой практике наиболее заметны процессы информатизации. Однако основной отличительной особенностью российского «постиндустриализма» является исторически сложившаяся морально-этическая и духовная готовность российского субъекта к навязанным стратегиям инновационного развития.

Если в духе западной протестантской этики понятие престижа определяется степенью его доходности, то в условиях российского «постиндустриализма» престиж детерминирован формированием соответствующего имиджа, возможностью самореализации. Так, большинство российских граждан в погоне за престижем стремятся получить высшее образование. Плеяда российских менеджеров «среднего звена» и представителей интеллектуальных элит по уровню своих доходов едва ли может конкурировать с фабричными рабочими. И тем не менее фабричных рабочих они считают «неудачниками», «ущербными», а интеллектуалов и «белых воротничков» – успешными, «богоугодными».

Примечательно, что многочисленные победы российских граждан на международной арене в области высокотехнологических и наукоемких разработок, инновационных программ управления достигаются отнюдь не путем материального стимулирования их труда. Минимальные затраты работодателя (в том числе государства) в области инноваций оправдываются культурной и общечеловеческой значимостью конечного продукта. Низкое материальное стимулирование компенсируется в восприятии работников признанием их служения традиционным морально-этическим идеалам и готовностью к самопожертвованию.

Уникальность сложившейся ситуации заключается в том, что стремление Запада к вестернизации российской действительности и навязыванию западных моделей развития общества, в том числе «постиндустриальной», не встречает привычного сопротивления. Более того, аналоговая («догоняющая») модернизация на практике для России становится более продуктивной, чем для самого Запада.

В проекции на обозначенную тему изложенное позволяет констатировать, что в традициях российского и западного обществ стимулирование трудовой деятельности детерминируется не только материальными, но и духовными факторами, которые, в свою очередь, имеют самостоятельное и непроизводное значение. Основными духовными факторами стимулирования труда на Западе выступают ценности, разработанные этикой протестантизма, в то время как в России – традиционные ценности православия. Тем не менее на современном этапе развития мирового устройства, связанном с увеличением темпов глобализации традиционные духовные факторы стимулирования трудовой деятельности российской цивилизации оказываются наиболее жизнеспособными в контексте навязанной Западом концепции «постиндустриального» развития.

Библиографический список

1. *Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества. М., 1999.
2. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990.
3. *Кара-Мурза С.Г.* Столыпин – отец русской революции. М., 2002.
4. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.

S.T. Dakirova
**Life Prospects of Rural Youth:
the Experience of Sociological
Research**

The idea of reproduction of rural youth of the agrarian-creative type permanently oriented towards self-realization in agriculture is actualized. The project to utilize rural communities' reproduction resources more fully is justified.

Key words and word-combinations: rural way of life, rural youth, reproduction, labor, value orientations.

Актуализирована идея воспроизводства сельской молодежи аграрно-созидательного типа, отличающейся устойчивой ориентацией на самореализацию в сельском хозяйстве. Обоснован проект более полного использования ресурсов воспроизводства сельских сообществ.

Ключевые слова и словосочетания: сельский образ жизни, сельская молодежь, воспроизводство, труд, ценностные ориентации.

УДК 316.34/.35
ББК 60.54

С.Т. Дакирова

ЖИЗНЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Процесс формирования желательного для индивида статуса во многом зависит от работы внутренних регуляторов, самоидентификации и готовности субъекта усваивать те или иные социальные роли. Если же возникают ситуации неустойчивости внешней среды, то неизбежным становится кризис идентичности (Т. Парсонс). Применительно

но к молодежи особенностью социального положения является то, что молодой человек зачастую занимает ту или иную формализованную позицию независимо от своего желания и усилий, а порой и вопреки собственному мировосприятию. Это происходит из-за жесткого диктата окружающих условий, что особенно характерно для сельских реалий нашей страны.

Современные социально-экономические преобразования вызывают изменения в агросфере и в жизни современной сельской молодежи. В связи с этим исследование социально-профессиональных ролей молодежи сельского социума характеризуется особой актуальностью. Среди многих социологических проблем особое внимание исследователей привлекает тема влияния статуса представителей молодежи на социоструктурную стратификацию соответствующей социальной группы.

Состояние российской деревни вызывает тревогу многих исследователей. Подтверждением неблагополучия является снижение численности сельских жителей. Конечно, принятые в последние годы меры по улучшению демографической ситуации и позитивные процессы развития экономики несколько ослабили остроту проблемы, но не намного. Уменьшение численности сельских жителей было бы не так страшно, если бы оно сопровождалась высокими темпами роста производительности труда, улучшением качественных показателей, характеризующих состояние трудовых ресурсов (возраст, образование, здоровье). Но к сожалению, этого не происходит.

В 2010 г. лабораторией социального развития сельских сообществ Института аграрных проблем РАН было проведено социологическое исследование в Духовницком районе Саратовской области (выборка: N = 92). Цель исследования: выявление основных тенденций формирования социально-профессиональных ролей молодежи в сельском социуме. Для сбора информации применялись анкетирование и структурированное интервью. Ставились задачи: изучить процессы профессионального самоопределения молодежи, выделить факторы формирования и разработать модели социально-профессиональных ролей сельской молодежи.

В селах, включенных в выборку, уровень образования молодежи достаточно высок: 31,1% молодых респондентов имеют высшее образование, 32,2% – среднее специальное. По специальности, которую приобрели во время учебы, работают 37,0% молодых респондентов, а 63,0% поменяли свою специальность или никогда не работали по приобретенной профессии. Объяснение данной тенденции кроется в узком наборе возможных мест приложения труда в сельской местности, поэтому многие молодые люди в процессе поиска работы столкнулись с проблемами, связанными с несоответствием образовательной системы и реальной ситуацией на рынке труда. Насколько важна работа для молодого поколения, свидетельствуют данные опроса (табл. 1).

Наибольший вес среди факторов, определяющих жизненные планы сельской молодежи, занимает обеспеченность рабочими местами – 80,4% респондентов отметили безработицу и невозможность трудоустройства. Второе место (29,3%) заняло отсутствие возможности дать детям хорошее образование, на третьем месте (20,7%) расположилась возможность учиться и получать профессии, живя в городе.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос о значении работы для респондента,
% от числа опрошенных**

<i>Какое значение для Вас в жизни имеет работа?</i>	Доля ответивших
Важна сама по себе, независимо от оплаты	20,7
Дело важное, но есть вещи, занимающие меня гораздо больше	8,7
Для меня в основном источник получения средств к существованию	58,7
Неприятная обязанность, если бы мог, вообще не работал	1,1
Возможность общения	17,4
Возможность получения общественной поддержки, одобрения	3,3
Возможность проявить себя, осуществить свои планы	31,9
Соответствие моей специальности	8,7

В наивысшей степени перспективами реализации жизненных планов озабочены респонденты в возрасте от 25 до 30 лет. Между тем именно среди них больше тех, кто хотел бы жить и работать на селе. Исследование показало, что доля планирующих покинуть село достигает своего максимума у молодых людей к 21 году. В дальнейшем наблюдается тенденция к снижению такого стремления. Только треть молодежи к тридцати годам не расстанется с планами перебраться в город. Таким образом, наиболее «опасным» возрастом, характеризующимся выраженным стремлением сельской молодежи переехать в город, является 20–21 год. Как правило, это совпадает с моментом окончания молодыми людьми учебных заведений и началом профессиональной деятельности.

Распределение работающей молодежи в целом соответствует ныне сложившейся структуре рабочих мест, которые распространены в АПК. В фермерском хозяйстве работают 28,3% молодежи, на сельскохозяйственном предприятии – 18%, в бюджетной организации – 21,7%, безработных – 10,9%, заняты в ЛПХ и имеют постоянную работу в городе 5,4% молодых людей, являются фермерами 1,1% опрошенной молодежи (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос о месте работы, % от числа опрошенных

<i>Место работы</i>	Доля ответивших
В сельскохозяйственном предприятии (ТОО, ЗАО, колхозе и т.п.)	18,5
Являюсь фермером (частным предпринимателем)	1,1
В фермерском хозяйстве	28,3
В бюджетной организации	21,7
Занят в домашнем и (или) подсобном хозяйстве	5,4
Имею постоянную работу в городе	5,4
В соседнем селе	8,7
Безработный	10,9

Спектр мотивов, определяющих выбор села в качестве места жизни и работы, носит выраженный личностный характер. В основном это эмоциональная привязанность к деревенской жизни, чувство патриотизма по отношению к своей малой родине. Среди объективных факторов, влияющих на выбор молодежи в пользу села, наибольшее значение имеют следующие: отсутствие материальных возможностей для переезда в город (33,7%); необходимость проявления заботы по отношению к родителям, которые нуждаются в помощи (23,9%); наличие хорошо оплачиваемой работы (21,7%).

В результате исследования выявлена группа молодых людей, которые, несмотря на негативные стороны жизни в селе, не собираются покидать привычное место жительства. Свои смысло-жизненные ориентиры молодые люди однозначно связывают с селом. На их стремление остаться жить и работать в селе влияет прежде всего установка семьи на укорененность, что наглядно видно из следующего нарратива.

Мужчина, 26 лет: *«Я родился и вырос в деревне, в городе только учился. После окончания колледжа вернулся домой помогать отцу. Заочно поступил в аграрный университет. У нас свое личное подсобное хозяйство, правда небольшое, но нам хватает. Сейчас у нас в наличии 60 га земли, свои трактора – гусеничный и колесный, грузовой автомобиль, различный сельскохозяйственный инвентарь – сеялки, плуги и др. На тракторе работаю сам, отец больше водителем. Изредка помогает нам зять, справляемся сами, никакой наемной силы».* Здесь заметен главный действующий фактор – крепкая семья, ориентированная на жизнь в сельской местности.

Условия жизни в этом селе плохие, как и в большинстве сел области. Нет школы, детского сада, не функционирует клуб, нет медпункта, работают лишь два магазина, но это не является отягчающим обстоятельством для его душевного состояния: *«Я люблю читать специальную литературу по технике, выписываю журнал «Сельский механизатор». Писал статью в журнал, вносил рационализаторское предложение по усовершенствованию тракторов. Летом с отцом ездили в город на выставку сельскохозяйственной техники, нам интересны последние достижения».* Конечно же, усилия отца повлияли на развитие сына как личности: *«Сколько себя помню, отец постоянно возился с техникой, всегда что-то модернизировал. Я, будучи маленьким, просил отца купить мне не машинку, а трактор».*

На прочность привязанности к селу испытывается не одно поколение, но остаются лишь те, кто действительно болеет душой за свою малую родину: *«В нашем селе мало осталось молодежи, в основном все устроились далеко за пределами села. Таких, как я, кому не безразлична судьба моего села, наверное, человека 3–4. Да и что уезжать? Что хорошего в городе? Съемная квартира или низкооплачиваемая работа? Я лично не знаю никого из своих друзей, кто бы получал большие деньги. Здесь я сам себе хозяин, никто не стоит над душой, сам себе организовываю режим. Никаких кредитов не берем, связываться боимся, на себя только надеемся».* Важно отметить, что молодой человек не имеет никаких престижных статусов. Он, как и его отец, не фермер, а просто крепкий хозяин, но ему не чужды проблемы села: *«По возможности помогаем односель-*

чанам: зимой снег расчищали на тракторе, этим летом тушили пожары. Нас об этом никто не просит; что в наших силах, то и делаем».

В воспроизводстве человека аграрно-деятельной ориентации важными факторами являются ориентированная на сельский образ жизни крепкая семья и преемственность в продолжении объединяющего семью дела. Вряд ли возможно появление такого типа человека в семьях, неукорененных в сельскую жизнь. Поэтому на селе нужна особая политика для поддержания потенциала крепких хозяев. Следовало бы разработать систему стимулирования «возвращенцев» на село, обеспечения их хорошо оплачиваемой работой.

О наличии предпринимательской инициативы, готовности к риску, открытию своего дела, указали в целом 53,2% молодых людей (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос о реализации жизненных целей,
% от числа опрошенных**

Сфера достижения успехов	Доля выбравших вариант ответа:			
	Уже добился	Пока не добился, но считаю, что это еще по силам	Хотел бы, но вряд ли уже смогу добиться этого	В жизненных планах этого не было
Получить хорошее образование	35,2	36,4	21,6	6,8
Получить престижную работу	25,3	62,1	11,5	1,1
Создать прочную, счастливую семью	47,9	49,4	–	3,5
Создать собственный бизнес	3,6	43,4	4,8	48,2
Стать богатым человеком	7,2	41,0	24,1	27,7
Заниматься любимым делом	30,1	57,8	10,8	1,2
Посмотреть мир	11,1	56,8	14,8	17,3

Образование все больше и больше стало рассматриваться сельской молодежью как ценность. Людями, достигшими благополучия, в начале 1990-х годов образование в качестве критерия, составляющего жизненный успех, ставилось чуть ли не на последнее место. Сегодня необходимость получения высшего образования оценивается очень высоко. Лишь 6,8% опрошенных считают, что необходимости иметь высшее образование в их жизненных планах не было. Родители также преимущественно ориентированы на то, чтобы их дети получили высшее образование (78,3%).

Отношение к образованию является показателем развития культурного уровня молодежи. Достигнутый уровень образования не только отражается на образе мышления и характере поведения человека, но и открывает ему соответствующие возможности социокультурного самоопределения. Опросы показали позитивное влияние фактора образования на отношение к возможности достижения успехов: 35,2% опрошенных не сомневаются, что получили хорошее

образование; 36,4% пока не достигли, но считают, что это им по силам; хотели бы, но вряд ли смогут добиться 21,6%. Почти 68% сельской молодежи уверены, что наличие востребованной профессии даст возможность получить работу в сельском хозяйстве.

Ценностные ориентации человека определяют его мировоззрение, поведение, цель и смысл жизни. Исследования последних лет устойчиво свидетельствуют об ориентации молодежи на индивидуализацию жизни. Доминирующими в системе ценностей становятся материальное благополучие и приоритеты индивидуального характера. Примечательно, что спустя много лет после начала реформ, как указывают специалисты, российское общество все еще «неструктурированное, рыхлое, соблазненное российским вариантом «американской мечты» о том, что любой может стать богатым» [1, с. 439].

Понятие о хорошей жизни сельская молодежь чаще всего связывает со здоровьем членов семьи (70,7%) и прочной семьей (46,7%). На селе ценность собственного здоровья особенно высока, поскольку здоровье – это важнейший фактор для выполнения больших физических нагрузок, неизбежных в сельских условиях, а семейное счастье и прочная семья остаются универсальной ценностью. Личные цели в условиях нестабильной ситуации в АПК зачастую не реализуются.

Сегодня и, вероятно, в близкой перспективе трудовая сфера еще долго останется на уровне экономической адаптации. На первом месте стоят купля-продажа, натуральное хозяйство. Непопулярные ныне рабочие профессии и даже инженерный труд оказались в рамках ограниченного пространства. Причина кроется в низких темпах модернизации производства, особенно заметных в сельском хозяйстве, поэтому многих сельских молодых людей, как устремляющихся в города, так и остающихся в селе, вместо непрерывной профессионализации ждет депрофессионализация, уход в примитивные технологии.

На селе наиболее вероятной и, кстати, наиболее надежной в смысле выживания остается работа на своем подворье, в так называемом личном подсобном хозяйстве. Понятно, что это – не престижный, не популярный вид деятельности. Не случайно личные подсобные хозяйства постепенно уменьшают вклад в валовое производство сельскохозяйственной продукции. Основная причина состоит в том, что старшее поколение сельских жителей постепенно уходит, а его замещения молодым поколением не происходит. Исключение составляют семьи, сделавшие аграрный труд единственным источником благополучия. В таком случае все члены семьи, в том числе дети и молодежь, свое будущее проектируют, ориентируясь на самостоятельное хозяйствование.

В последние два десятилетия происходит особенно заметная трансформация социальной жизни села. При этом подавляющее большинство сельских жителей демонстрируют такое важное социальное качество, как жизнестойкость, выраженное в способности сохранять оптимизм даже в отсутствие ясности о будущем российского села. Значительный удельный вес индивидов, обладающих качествами стойкости, жизненного оптимизма достаточно велик и среди старшего поколения и молодежи, что является серьезным ресурсом модернизации агросферы.

Библиография

1. Федотова В.Г. Хорошее общество. М., 2005.

Ya.A. Nikiforov
N.G. Chernyshevsky's
Sociological Discourse:
Theoretical and Methodological
Conceptualization

The problem of theoretical and methodological substantiation of the analysis of N.G. Chernyshevsky's work from the viewpoint of the discourse approach in sociology is studied.

Key words and word-combinations: N.G. Chernyshevsky, sociological discourse, discourse elements, sociological doctrine.

Исследуется проблема теоретического и методологического обоснования анализа творчества Н.Г. Чернышевского с точки зрения дискурсивного подхода в социологии.

Ключевые слова и словосочетания: Н.Г. Чернышевский, социологический дискурс, элементы дискурса, социологическая доктрина.

УДК 316:1:316
ББК 60.500:60.001

Я.А. Никифоров

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ
ДИСКУРС
Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО:
ТЕОРЕТИКО-
МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ**

В большей части публицистических и художественных работ Н.Г. Чернышевского разворачивается присущий только ему своеобразный способ трактования и объяснения социальной реальности. Произведения великого русского мыслителя XIX в. неоднократно становились предметом внимания различных исследователей как в своем содержательном, так и в методологическом значении. Не ставя перед собой задачи тщательного дискурсивного анализа творчества мыслителя, целесообразно обосновать и ввести в научный оборот понятие «социологический дискурс Н.Г. Чернышевского».

Для решения задач проводимого исследования важно доказать социологичность дискурса русского мыслителя. В этих целях представляется необходимым обобщить базовые концепции дискурса в целом и социологического дискурса в частности, используемые в современном научном обороте.

К модному в настоящее время понятию «дискурс» (фр. discours, англ. discourse, нем. diskurs от лат. discursus – беседа, разговор, речь, процесс языковой деятельности) в ряде гуманитарных наук относят различные теории и процессы. При этом четкого и общепринятого определения, охватывающего все случаи его употребления, не существует.

Семантическая неоднозначность термина прослеживается с момента его использова-

ния в целях языковедческого анализа [1, с. 179]. Так, во французском языке слово «discours» означает динамическую речь. Словарь немецкого языка Якоба и Вильгельма Гримма «Deutsches Wörterbuch» 1860 г. дает следующее толкование данного слова: 1) диалог, беседа; 2) речь, лекция [2, с. 9]. Словарь Т. Левандовского различает дискурс как процесс и как результат. В «Кратком словаре терминов лингвистики текста» Т.М. Николаевой «дискурс» характеризуется как многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных, важнейшими из которых являются следующие: 1) связный текст; 2) устная разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная [3, с. 467–472]. По мнению Н.Н. Мироновой, «к настоящему времени сформировались два основных понятия дискурса: 1) дискурс как текст, актуализируемый в определенных условиях, и 2) дискурс как дискурсивная практика» [2, с. 12].

В собственно лингвистическом значении употребление термина «дискурс» само по себе весьма разнообразно, но в целом здесь просматриваются попытки уточнения и развития традиционных понятий языковых и речевых единиц. Так, по определению В.В. Богданова, две неравнозначные стороны дискурса представляют речь и текст. Дискурс понимается как все, что нами говорится и пишется: «Термины *речь* и *текст* будут видовыми по отношению к объединяющему их родовому термину *дискурс*» [4, с. 5].

Нам представляется целесообразным выделить три основные тенденции употребления термина «дискурс»: 1) собственно лингвистическое, где дискурс мыслится как речь, вписанная в коммуникативную ситуацию – как вид речевой коммуникации, единица общения; 2) дискурс, используемый в публицистике, восходящий к французским структуралистам (прежде всего к М. Фуко); 3) дискурс, используемый в формальной лингвистике, пытающейся ввести элементы дискурсивных понятий в арсенал генеративной грамматики (Т. Райнхарт, Х. Камп).

Следует отметить, что устной речевой продукцией (в частности, формами речи или диспутов) – больше в нормативных, чем в дескриптивных целях – первоначально занималась риторика. Истоки анализа дискурса как явления в современной науке, считается, были заложены З. Хэррисом, который в своей статье [5] ввел понятие дискурс-анализа в качестве метода изучения движения информации в дискурсе. Сегодня в исследовании дискурса выделяются шесть основных направлений: теория речевых актов, интеракциональная социолингвистика, этнография коммуникации, прагматика, конверсационный анализ и вариационный анализ [6].

И.П. Сусов характеризует анализ дискурса как совокупность ряда течений в его исследовании [7, с. 273–274]. В.Е. Чернявская сводит понимание дискурса к двум типам: 1) «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве»; 2) «совокупность тематически соотносенных текстов» [8, с. 14].

Дискурс вполне может трактоваться как текст, состоящий из коммуника-

тивных единиц языка (предложений и их объединений в более крупные единства), находящихся в непрерывной внутренней смысловой связи. В силу этого аналитически он воспринимается как цельное образование.

В коммуникативной ситуации говорящий создает свое речевое произведение, опираясь на общую с адресатом денотативную ситуацию, учитывая свои интенции, эмоции, оценки; связывает высказывания по текстовым законам смысловой и структурной целостности, завершенности, оформляя таким образом некий результат – текст [9, с. 161]. Постепенно дискурс стал пониматься исследователями как «текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [10, с. 136], в котором представлена не только информация о «положении дел в мире» (пропозиция), но и весь набор субъективных, социокультурных, в том числе стереотипных, прецедентных и иных смыслов. По определению Т.А. ван Дейка, «дискурс – это речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура – как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная» [11, с. 8].

Очевидно, что со времени своего возникновения понятие «дискурс» претерпело определенные изменения, и если в начале 1970-х годов оно преимущественно трактовалось только лишь как текст, то современная наука в качестве обязательных атрибутов дискурса теперь видит еще и знания о мире, мнения, установки, цели адресата, необходимые для понимания текста. Широкое распространение получили положения М.М. Бахтина об *адресованности* (без слушающего нет и говорящего, без адресата нет и адресанта) и *хронотопе* (всякое высказывание приобретает смысл только в контексте, в конкретное время и в конкретном месте).

Часто, но не всегда дискурс концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки. Таким образом, он определяется не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания самого дискурса. В этом случае термин «дискурс» описывает способ говорения и обязательно имеет определение *какой* или *чей* дискурс. Тогда исследователей интересует не дискурс вообще, а его конкретные разновидности, чисто языковые отличительные черты, стилистическая специфика того или иного актора – создателя / участника дискурса.

Работающими в различных парадигмах исследователями дискурса высказывались идеи, имеющие непосредственное отношение к конституированию базовых характеристик рассматриваемого явления. Так, Р.О. Якобсон в своей модели выделил такие составляющие дискурса, как *адресант* и *адресат*: сообщение, написанное с помощью *кода*, передается от первого ко второму; с содержанием сообщения, его информацией связан *контекст*; регулятивный аспект коммуникации опосредуется понятием *контакт* [12]. В.И. Карасик

обращает внимание на «совокупность интенций и пропозициональных установок» [13, с. 229].

В общей сложности дискурс может быть представлен в виде образца или схемы с обязательными и факультативными компонентами. Он характеризуется универсальными и специфическими чертами.

Главными универсальными чертами дискурса являются его целостность и связность, что обуславливается восприятием дискурсивного события как комплекса. Основные специфические черты создаются пропозитивной частью и субъективными компонентами. Диктумная, пропозитивная часть дискурса имеет отношение прежде всего к семантике, тогда как модусная, субъективная часть – к прагматике. В типологии пропозиций различают соответственно пропозиции событийные, отражающие внешнюю ситуацию, пропущенную сквозь призму сознания, и образ, готовый к языковому выражению. Модусная часть отражает внутренний мир человека, несет в себе имеющиеся точки зрения, оценки, отношение говорящего, зачастую играя в дискурсе первостепенную роль. Модус – это комплекс субъективных смыслов, эксплицитно или имплицитно выражаемых в высказывании и показывающих психическую обработку информации индивидом.

Частным проявлением дискурса является дискурс социологический.

Система социологического знания включает в себя различные предметные области, стили мышления и идеологии. Многие из них несопоставимы друг с другом. В конгломерате, объединенном общим наименованием «социология», сосуществуют наука и идеология, логика и риторика, высокая абстракция и житейский опыт. Одни «социологии» основаны на умении убеждать и агитировать, другие стремятся доказывать свои истины, третьи ставят единственной целью сбор и обобщение данных. Некоторые социологи склонны к использованию выразительных возможностей языка, другие создают грандиозные функционально-аналитические системы. Однако за стилистическими различиями угадываются очертания вполне определенных интеллектуальных стилей. Другими словами, за каждым типом социологического дискурса стоит тип мыслителя.

Несмотря на видимое многообразие в структуре социологического знания, можно выделить три доминирующих стиля или типа рассуждения: первый представлен классическими социологическими доктринами, предлагающими различное толкование исторического процесса и развития общества как целого; второй тип представляет собой социальные обследования, цель которых заключается в сборе и систематизации сведений о состоянии общественной жизни; третий – социологические исследования, сфокусированные на проверке гипотез [14, с. 13].

Даже не вдаваясь в подробности содержательной сути двух последних типов социологического дискурса, априори ясно, что дискурс Чернышевского относится к первому типу, имеющему принципиально значимые методологические особенности. Они основаны на том, что общей чертой социологических доктрин является их мировоззренческая установка.

В отличие от научного исследования, в фокусе доктрины находятся идеи

высшего порядка. Социологические доктрины пронизаны глубоко личностным началом: они являются не столько результатом систематического наблюдения или проверки предположений, сколько личным даром автора, который в этом случае обретает признание или предъясвляет претензию на миссию пророка. Именно поэтому аутентичное понимание социологических доктрин требует обращения к личной биографии автора, знания перипетий его жизни и индивидуальной борьбы за утверждение своих идей. Отсюда вытекает уникальность социологических доктрин, связанная с именем их основателя. Социологическую доктрину можно только принять вместе с ее тематикой и риторикой. В нее можно поверить, но нельзя освоить как средство объяснения изучаемого фрагмента действительности – ведь в буквальном смысле «доктрина» означает не столько «учение», сколько «поучение».

Следующая характерная черта социологических доктрин – стремление к улучшению социальной ситуации. Часто развертывание доктринальных идей сопряжено с требованием переустройства «плохого» мира по заданному «хорошему» образцу. Исключения составляют теории созерцательного плана либо с выраженной реакционно-консервативной направленностью.

Пророческий пафос доктринальной социологии сближает ее с религиозной деятельностью, что сказывается и на содержании, и на стиле изложения и пропаганды социологических доктрин.

Социологические учения приняли относительно завершенную форму в духовной атмосфере просветительской десакрализации мира. Так возникла социологическая задача создания «Нового мира», основанного на рациональном активизме – энергичном вмешательстве активного разума в существующий порядок вещей. Замысел знания сместился с «вечных истин», до которых разум может возвыситься лишь путем созерцания, очищения от грязи заблуждений и аффектов, на активную силу интеллекта, формирующую мир по точно рассчитанному проекту. Социальность как рационально обоснованный проект жизнеустройства заменила благолепие «Града земного».

Концептуализация социологического дискурса применительно к творчеству Н.Г. Чернышевского базируется на том, что дискурсивный массив пронизан глубоко личностным началом автора. Следует иметь в виду, что мыслитель утверждал стремление к улучшению социальной ситуации на базе рационализации мироустройства. При этом социологический дискурс Н.Г. Чернышевского должен анализироваться как наполненный мировоззренческими установками дискурс социальных доктрин, или учений.

Библиографический список

1. Баранов А.Н. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. М., 1996. Т. 1.
2. Миронова Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики. М., 1997.
3. Николаева Т.М. Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика. М., 1978. Вып. VIII.
4. Богданов В.В. Текст и текстовое общение СПб., 1993.
5. Harris Z. Discourse analysis // Language. 1952. Vol. 28, № 1.
6. Комина Н.А. Анализ дискурса в интеракциональной социолингвистике // Лингвистический вестник. 1999. Вып. 1.

7. *Сусов И.П.* История языкознания. М., 2006.
8. *Чернявская В.Е.* Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. трудов. СПб., 2001.
9. *Формановская Н.И.* Размышления о единицах // Русский язык за рубежом. 2006. № 1.
10. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений. (Оценка. Событие. Факт). М., 1988.
11. *Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
12. *Якобсон Р.О.* Речевая коммуникация: язык в отношении к другим системам коммуникации // Избранные работы: сб. науч. трудов. М., 1985.
13. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
14. *Батыгин Г.С.* Лекции по методологии социологических исследований: учебник для студ. гуманитарных вузов и аспирантов. М., 2002.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

P.A. Astafichev
Monograph Review:
Ishkov K.A. The Implementation of the Constitutional Principle of Power Division in Subjects of the Russian Federation / ed. by P.P. Sergun. – Saratov: GOU VPO “The Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation”, 2010. – 244 p.

УДК 342.55(470+571)
ББК 67.400.7(2Рос)

П.А. Астафичев

**РЕЦЕНЗИЯ
НА МОНОГРАФИЮ:
Ишков К.А. Реализация
конституционного принципа
разделения властей
в субъектах Российской
Федерации / под ред.
П.П. Сергуна. – Саратов:
ГОУ ВПО «Российская
правовая академия
Министерства юстиции
Российской Федерации»,
2010. – 244 с.**

До последнего времени принцип разделения властей в субъектах Федерации не был предметом особого научного интереса. Свое внимание специалисты в области конституционного права обращали главным образом на разграничение полномочий и ответственности между федеральными органами государственной власти. Региональная же система «сдержек и противовесов» исследовалась фрагментарно, преимущественно по аналогии с федеральным уровнем

публичной власти. Это объясняется многими причинами: незавершенностью становления системы органов государственной власти субъектов Федерации, изменчивостью федеральной правовой политики, различиями фактического статуса субъектов Федерации, сравнительно непродолжительным периодом их самостоятельности по учреждению собственной модели разделения властей.

Новые условия функционирования Российского государства поставили перед юридической наукой ряд важных задач, связанных с необходимостью теоретической разработки указанных проблем. Будучи конституционно-правовыми по своей природе, они привлекают все большее внимание отечественных ученых, нуждаются в глубоком и всестороннем исследовании. Указанные обстоятельства свидетельствуют о несомненной актуальности темы монографии, представленной на рецензирование.

Феномен разделения властей исследован К.А. Ишековым в различных его проявлениях: как политико-правовая теория, как конституционный принцип, как совокупность конституционно-правовых норм и институтов. Особое внимание автором уделено правореализационным аспектам принципа разделения властей, которые нашли свое отражение в учреждении системы региональных органов власти, призванных быть независимыми.

Использование системно-структурного, диалектического и исторического методов научного познания позволило определить закономерности возникновения и развития идеи разделения властей, выявить этапы формирования этой научной доктрины.

По убеждению автора, точка отсчета первого периода соотносится с моментом создания государств и связывается с идеей ограничения публичной власти различными способами. Однако на этом этапе предпосылки разделения властей только складываются, политико-правовая теория еще не имеет четких очертаний. Рассматриваемый период заканчивается формированием концепции Дж. Локка. Второй период характеризуется трансформацией отдельных идей об ограничении публичной власти и распределении властных полномочий в классическую теорию разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви. Данный период непосредственно связан с именем выдающегося французского просветителя Ш. Монтескье. Третий период, начавшийся с эпохи принятия первых конституций (конец XVIII – начало XIX века), длится по настоящее время. Его характерная черта – практическое внедрение теории разделения властей в область правовых отношений конкретных государств в качестве основного конституционного принципа. Этот процесс не является завершенным и, по всей видимости, не завершится до тех пор, пока мировое сообщество будет стремиться к построению правового государства.

В работе отмечена связь принципа разделения властей с рядом основ конституционного строя России – принципами правового государства, демократизма, верховенства прав и свобод человека и гражданина, суверенитета, федерализма, политического многообразия. Справедливо утверждение К.А. Ишекова, что нарушение или деформация одного из перечисленных принципов неот-

вратимо сказывается на специфике реализации разделения властей как в Российской Федерации, так и в отдельных ее субъектах.

Представленная монография отличается новизной подходов к решению ряда ключевых задач практического осуществления принципа разделения властей на уровне субъектов Федерации. Особенно важной и заслуживающей поддержки представляется идея автора о том, что значимой характеристикой принципа разделения властей является «организационная и финансовая обособленность органов», реализующих соответствующие властные полномочия. Этот методологически верный подход позволил сформулировать критерии самостоятельности региональных государственных органов и входящих в их состав должностных лиц, к числу которых относятся способ приобретения полномочий, неприкосновенность, недопустимость замещения должностным лицом иных государственных и муниципальных должностей, определенность срока действий полномочий и установленный законом порядок их прекращения. При этом К.А. Ишеков не абсолютизирует критерий самостоятельности и обособленности государственных органов, справедливо подчеркивая, что принцип разделения властей взаимосвязан с положением о единстве государственной власти. В результате автору, на наш взгляд, удалось выявить важнейшее диалектическое противоречие, обосновать его потенциальную роль в процессе развития механизма функционирования региональных государственных органов, особенно в русле действия Конституции РФ 1993 г. и правоприменительной практики Конституционного Суда России.

Заслуживает обсуждения предложенная К.А. Ишековым периодизация развития современной системы разделения властей в субъектах РФ. По мнению автора, первому этапу становления системы разделения властей в субъектах (начало – середина 1990-х годов) были присущи следующие характерные тенденции: существенное федеральное воздействие на систему организации и деятельности органов государственной власти в субъектах, не имевших статуса национально-государственного образования; значительная самостоятельность республик в вопросах учреждения органов власти и реализации разделения властей; перевес полномочий в системе «сдержек и противовесов» в пользу представительной власти субъектов РФ; частичное возложение на государственные органы функций, не свойственных той ветви власти, к которой они относились; слабое развитие и неоднородное применение института конституционного контроля и конституционно-правовой ответственности региональных органов государственной власти. Второй период, длящийся с конца 1990-х годов по декабрь 2004 г., связан с наибольшим развитием и оформлением системы разделения властей. На этом этапе субъекты РФ обладали максимальным объемом полномочий в области учреждения собственных органов власти и организации их взаимодействия. Характерно, что самостоятельность субъектов РФ в этой сфере реализовывалась на фоне унификации законодательства. Как верно отмечено, с декабря 2004 г. система разделения властей в субъектах РФ подверглась кардинальным преобразованиям. Некоторые элементы автономии субъектов РФ в вопросах реализации разделения властей сохранились, но многие позиции самостоятельности были утрачены.

Важно подчеркнуть, что выводы, сформулированные в монографии, подкреплены результатами сравнительного анализа российской и зарубежной практики разделения и взаимодействия властей в субъектах федеративных государств. Резонно мнение автора о том, что в России способ правовой регламентации разделения властей близок централизованным федеративным государствам, в которых на общенациональном уровне определяются не только общие принципы, но и отражаются допустимые варианты их реализации. Вместе с тем нормативно-правовое отражение принципов организации конституционных (уставных) судов (преимущественно в законодательстве субъектов РФ) свидетельствует об исключении из общего правила.

Многие суждения К.А. Ишекова, касающиеся теоретических, институциональных и регулятивных аспектов реализации принципа разделения властей в субъектах Российской Федерации, имеют несомненную практическую ценность. В числе наиболее значимых рекомендаций можно назвать следующие авторские предложения: отразить специфику законодательной деятельности не только в регламентах парламентов, но и в законах о региональном правотворчестве или в законах о нормативных правовых актах субъектов РФ; на конституционном (уставном) уровне уточнить круг вопросов, по которым предоставляется ежегодный отчет высшего органа исполнительной власти региона о результатах его деятельности; дополнить действующий Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», включив в него главу об общих принципах организации судебной власти в субъектах РФ и изменив название Закона – «Об общих принципах организации органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

В рецензируемой монографии автору удалось определить место и роль ветвей государственной власти субъектов Российской Федерации в системе публичной власти, уточнить содержание общих принципов организации и деятельности региональных государственных органов, рассмотреть особенности взаимодействия властей в отдельных субъектах России. Монография К.А. Ишекова «Реализация конституционного принципа разделения властей в субъектах Российской Федерации» своевременна и актуальна. В ней на высоком теоретико-методологическом уровне проанализированы сложные, политически значимые формы организации государственной власти в регионах России.

Рецензируемое издание будет полезно научным и вузовским работникам, государственным служащим, депутатам представительных органов власти, аспирантам, адъюнктам, всем тем, кто интересуется конституционным правом и размышляет о проблемах организации власти в субъектах РФ. Монография представляет собой серьезный труд, вносящий существенный вклад в науку конституционного права.

L.K. Baranova, V.M. Dolgov,
A.G. Chernyshov
In Memory of S.I. Barzilov

УДК 3:929(Барзилов)
ББК 6/8г

**Л.К. Баранова, В.М. Долгов,
А.Г. Чернышов**

**ПАМЯТИ
С.И. БАРЗИЛОВА**

Девятнадцатого июля 2011 г. исполнилось бы 65 лет Сергею Ивановичу Барзилову, одному из самых активных саратовских обществоведов 90-х годов минувшего столетия.

Последние три года своей жизни он работал в Поволжской академии государственной службы, участвуя в организации социологических и политологических научно-образовательных структур в вузе. Но масштаб его научной и общественной деятельности выходил за границы академии, Саратова и Саратовской области.

Сергей Иванович Барзилов – автор более десяти индивидуальных и коллективных монографий по актуальным вопросам развития российского общества, множества статей в журналах, газетах, научных сборниках [1–6]. Его произведения публиковались в Москве и других городах России. Он был одним из самых заметных и авторитетных участников общероссийских конгрессов политологов и социологов, крупных, в том числе и международных, научных конференций.

Редко о ком из российских обществоведов девяностых годов, даже много публиковавшихся, можно сказать: у него была идейная позиция. У Сергея Ивановича такая позиция была, он ее четко выражал и обосновывал. В ней соединялись патриотизм и демократия в неразрывной совокупности прав и свобод, предназначенных для всего российского народа. Как демократ он критически оценивал марксистско-ленинскую идеологию, ратовал за демократическое устройство

общества и власти, а как патриот – выступал против насаждения новой западной концепции развития на основе либерализма. В ряде его публикаций высказывается мысль о разработке для России такой стратегии, которая соединила бы национальные интересы, общечеловеческие свободы и достижения современной цивилизации.

Политическая позиция С.И. Барзилова была непростой, но цельной и твердой. Она сформировалась в противоречивом развитии нашего общества на рубеже 1980-1990-х годов. В некотором смысле в ученом можно видеть «дитя перестройки», но не западного, а почвеннического, национального содержания.

Как проявление удивительной трудоспособности и подвижничества С.И. Барзилова можно расценивать тот факт, что масштабным научным творчеством он занимался одновременно с кипучей управленческой и общественной деятельностью. С.И. Барзилов – один из немногих вузовских преподавателей, вошедших в политику, чтобы своей образованностью и культурой влиять на процесс демократического переустройства страны. Ему удалось устоять под напором бюрократии, «грязных» технологий, моральной нечистоплотности, царивших в чиновничьей среде на переходе эпох.

В октябре 1991 г. С.И. Барзилов был избран председателем Совета народных депутатов Октябрьского района г. Саратова. В октябре 1993 г. его пригласили на работу в администрацию области, где около трех лет он занимался преимущественно информационно-аналитической сферой, близкой его научным интересам. Здесь он приобщился к практическим вопросам региональной политики, принимал участие в разработке многих управленческих решений, документов, в написании политических текстов. Довольно длительное время он являлся консультантом-советником губернатора Саратовской области Д.Ф. Аяцкова по вопросам политики, идеологии, социальных отношений.

Сергей Иванович тесно сотрудничал со многими областными газетами; публиковал статьи по идеологическим, национальным, региональным проблемам, вопросам партийного строительства, взаимодействия властей разного уровня. В большинстве статей, бесспорно, проявился его публицистический дар: они вызвали полемику, интерес читателей, но порой и резкую критику, бурное несогласие со стороны политиков и журналистов с иными идейными позициями. Барзилов писал все более острые статьи в защиту русской нации, православной культуры, народных традиций. Именно в этом ключе им в соавторстве были созданы две книги – «Философия убийства. Социальное насилие и русский национальный характер» и «Святители земли русской» [7; 8].

Сергей Иванович, безусловно, был Личностью, но становление личности не было быстрым и простым. В советское время С.И. Барзилов успел три года отслужить в армии, поработать слесарем в кузнечном цехе оборонного завода. В 23 года он стал студентом исторического факультета Саратовского госуниверситета, в 28 лет – аспирантом, в 30 лет – ассистентом на университетской кафедре научного коммунизма, в 35 лет – старшим преподавателем и только в 36 получил в университете должность доцента. Сегодня таким трудным жизненным и научным путем не ходят. В 1987 г. С.И. Барзилов был приглашен в политехни-

ческий институт на заведование кафедрой научного коммунизма. Пройдя соответствующий конкурс, три года он руководил кафедрой, одновременно работая над докторской диссертацией. На наш взгляд, именно в это время в нем и сформировался столь востребованный сегодня в нашем обществе тип гражданина – патриот-демократ.

Обстановка перестроечных лет возбуждала смятение в восприятии жизни страны у всякого думающего человека. Беспомощность государства в решении масштабных проблем советского общества, низкая ответственность власти, стагнация в социальной жизни, шумные разговоры об обновлении социализма – все это, как ни парадоксально, рождало оптимизм в размышлениях о перспективах жизни. Одновременно с этим происходивший на глазах развал экономики, ничем не объяснимые уступки Западу, крушение всех прежних представлений и авторитетов настораживало, беспокоило мыслящих людей. Для С.И. Барзилова подобное состояние существенно усиливалось тем, что он в это время научно исследовал и оценивал процессы, происходившие в советском обществе.

Диссертация с характерным названием «Взаимодействие социальной и политической систем современного общества» [9] была защищена ученым в Ростовском государственном университете осенью 1992 г. Эта работа по проблеме политического развития в условиях развернувшегося кризиса советской системы оказалась не просто остроактуальной, но и стала одной из первых в России. Красноречив даже такой факт – диссертация защищалась на степень доктора социологических наук, но в «философском» совете, поскольку «социологические» советы еще только организовывались. Примечательна научная принадлежность диссертации: она имеет четко выраженный политологический характер, хотя защищалась по специальности «социальная философия» на степень доктора социологии. Во всем этом есть определенное предзнаменование – последующие десять лет в науке Сергей Иванович предстанет и как политолог, и как социолог, и как философ, то есть как обществовед с большой теоретической подготовкой и разнообразными научными интересами.

Диссертация С.И. Барзилова – это следует выделить особо – содержала логичную совокупность теоретического анализа и политических суждений о судьбе советской политической системы, о перспективах будущего развития страны. В ней рассматривались сложные проблемы теории социализма и поднимались острые вопросы ее реализации в нашей стране. В центре исследовательского внимания находились характер советской политической системы, особенности социальной организации советского общества, функциональность коммунистической партии, «построенной по военному образцу».

Административно-командная система в целом представляется на страницах диссертации как бесспорно милитаристская, что, по мнению ученого, изначально делало ее противоречивой, обреченной на кризисность. Благородная социалистическая модель и милитаристский, часто насильственный характер ее реализации – такое соединение, как считал С.И. Барзилов, лежало в основе будущего кризиса, который и состоялся в конце 1980-х годов.

В диссертации много научной полемики, в которой автором используются теории, идеи, труды Бердяева и Бухарина, Бжезинского и Восленского, Маркса

и Ленина, Троцкого, ряда других теоретиков и практиков политики. Столкновение и оценка различных взглядов на социализм, демократию, современное общество, политические механизмы государственного управления обеспечили оригинальность научного исследования Сергея Ивановича.

В заключении диссертации автор не только дал резкую оценку советской общественно-политической реальности, но и сформулировал острокритические суждения в отношении той действительности, которая формировалась в новой России. Он утверждал, что сохраняется генетическая связь и социальное родство с советской системой, а качества, соответствующие современному демократическому обществу, по сути не приобретаются.

Ученый с горечью констатировал, что российское общество «...не имеет своих собственных представлений о своей судьбе, о своем будущем. Похоже, что его судьбой становится настоящее других народов, которое через некоторое время станет для них прошлым». Эти слова, сказанные двадцать лет тому назад, сегодня по-прежнему актуальны, но еще более горьки.

Подчеркнем, что подобный по глубине и масштабности социальный прогноз доступен лишь истинным политическим мыслителям. С.И. Барзилов безо всяких натяжек являлся именно таким ученым. Последующие его творческие достижения подтверждают нашу оценку этого человека.

Сергей Иванович эффективно работал в социологической и политической науках, проявил себя в сфере политической публицистики, успешно занимался управленческой деятельностью в государственных структурах и, конечно, не расставался с вузовским преподаванием.

В работе над диссертацией он накопил большой интеллектуальный ресурс, который и позволил определить свою идейную позицию в условиях острой политической борьбы. Именно фактор серьезных научных знаний, а также активная жизненная позиция превратили Барзилова в участника многих политических событий и дискуссий девяностых годов, причем в участника, всегда имеющего собственное мнение и предлагающего свой вариант действий. Стремление к независимости, проявлявшееся в нем со студенческих лет, превратилось в характерную черту его личности, обуславливавшую поведение в обществе.

Одной из первых в Саратове острокритических в отношении старой и новой систем власти книг оказалась коллективная монография «Империя фарисеев. Социология и политология диктатуры», которая вышла в 1994 г. [10]. Инициатором ее создания и автором значительной части текста был С.И. Барзилов. Как отмечено в аннотации книги, авторы пытались «определить основы ленинизма как разновидности тоталитарной идеологии, дать характеристику системы диктатуры пролетариата с точки зрения ее экономики, социологии и политической организации». Книга содержала немало жестких, разоблачительных сюжетов, совокупность которых создавала новое представление о политическом прошлом нашего общества. Она произвела сильное впечатление на ученых и вообще в интеллигентной среде, прозвучала в общероссийском масштабе и принесла С.И. Барзилову широкую известность.

Определенным продолжением «Империи фарисеев» стала книга «Особенности развития политико-экономических процессов в российской провинции»

[11]. У нее три автора – С. Барзилов, А. Новиков и А. Чернышов, но Барзилов, безусловно, главный.

С этого времени Сергей Иванович системно занимается исследованием политического развития российских регионов, что было очень актуально для периода формирования новой системы управления страной, призванной удовлетворять принципам федерализма, но и не утратить позитивные возможности унитаризма. В этом политическом поиске эффективного государства место регионов в нем было и чрезвычайно ответственным, и вместе с тем плохо структурированным.

Как специалист в проблемах политического регионализма С.И. Барзилов востребован научным и общественно-политическим сообществом. Его приглашают к сотрудничеству журналы, фонды, общественные объединения. Так, он становится постоянным автором крупного теоретического и политического журнала «Свободная мысль»; в соавторстве с А.Г. Чернышовым за период с 1996 по 2002 г. публикует на его страницах девять больших статей, объединенных проблематикой региональной политики и роли элит в развитии современного российского общества [12–20]. Конкретные наблюдения авторов черпались в разных регионах России, но по преимуществу ими осмысливались события и процессы в Поволжье и, в частности, в Саратовской области. Различные аспекты региональной политики С.И. Барзилов анализировал в эти же годы во многих других публикациях и выступлениях.

В феврале 1998 г. состоялся Первый Всероссийский конгресс политологов – очень солидное научное мероприятие. Характерно, что из шести докладов пленарного заседания лишь один представлял провинцию – это был доклад С.И. Барзилова «Политическое структурирование российских регионов и его отражение в провинциальной ментальности».

Своеобразным обобщением, подведением итогов исследовательской деятельности С.И. Барзилова стала книга «Безумство власти. Провинциальная Россия: двадцать лет реформ», изданная в 2005 г. уже после смерти автора [21]. Она написана так же остро и откровенно, как и предыдущие работы творческого дуэта С.И. Барзилова и А.Г. Чернышова.

«Безумство» вскрывает основные проблемы развития российского общества, характеризует состояние политической системы и взаимодействие власти с различными группами населения. Авторы исследовали реальные процессы, захватившие российские республики и области в период с 1985 по 2005 г. Специальное внимание уделяется оценкам национального и элитарного воздействия на судьбу реформируемой российской провинции. В этом анализе авторы книги показали себя не только серьезными теоретиками и аналитиками политического процесса, но и истинными патриотами своего Отечества.

С.И. Барзилов внес существенный вклад в становление нового российского обществознания – важной составляющей вузовского образования. Речь идет прежде всего о социологии и политологии, их развитии в саратовских вузах. Барзилов активно участвовал в этом процессе на базе трех вузов: Саратовского государственного технического университета, Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского и Поволжской академии государст-

венной службы имени П.А. Столыпина. Ученый состоял в диссертационных советах по политической и социологической наукам, руководил проведением 32 кандидатских и трех докторских диссертационных исследований, участвовал в экспертизе диссертационных исследований. У него было немало учеников и последователей. В 1996–1998 гг. он руководил международной исследовательской программой МОНФ «Проблемы поволжского регионализма», а в 1998–2000 гг. – всероссийской программой МОНФ «Власть в современном этноконфессиональном пространстве». В 2003 г. Сергей Иванович заслуженно получил звание «Почетный работник высшего профессионального образования». Придя в Поволжскую академию государственной службы, С.И. Барзилов активно использовал свой опыт и научный авторитет в интересах развития обществоведческого сектора вуза, стал первым заведующим кафедрой социологии и социальной политики, способствовал организации и открытию диссертационных советов.

С.И. Барзилов не был кабинетным ученым, не стал и чиновником-бюрократом. Он многого добился, но многое и не успел, как и большинство людей, живших не только для себя, но и для общества. Память о нем мы храним, его достижениями гордимся, труды и мысли используем в работе и повседневной жизни.

Библиографический список

1. Барзилов С.И. Концептуализация региональной идеологии власти // Наука, культура, высшее образование на пороге XXI века. Ульяновск, 1998. Вып. IV.
2. Барзилов С.И., Барябина Е.Н. Социально-экономические и политические основания структуризации Поволжского региона // Перспективы и проблемы становления Поволжского регионализма. М., 1999.
3. Барзилов С.И. Губернаторская власть как институт и субъект регионального политического пространства // Регион как субъект политики и общественных отношений. М., 2000.
4. Барзилов С.И., Барябина Е.Н. Особенности политической ментальности провинциального социума // Регион как субъект политики и общественных отношений. М., 2000.
5. Барзилов С.И., Чернышев А.Г. Антропоцентристское измерение российского исторического пространства // История в XXI: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. М., 2001.
6. Барзилов С.И., Чернышев А.Г. Политическая структура современной российской провинции. М., 1997.
7. Барзилов С.И., Новиков А.П., Федосеев Е.Ю. Философия убийства. Социальное насилие и русский национальный характер. Саратов, 1997.
8. Новиков А.П., Барзилов С.И. Святители земли русской: Биографические очерки саратовских архиереев. 1799–1832. Саратов, 2000.
9. Барзилов С.И. Взаимодействие социальной и политической систем современного общества: дис. ... д-ра социол. наук. Ростов н/Д, 1992.
10. Барзилов С. Власть, не ограниченная законами // Империя фарисеев. Социология и психология диктатуры. Саратов, 1994.
11. Барзилов С., Новиков А., Чернышев А. Особенности развития политико-экономических кризисов в российской провинции. Саратов; М., 1997.
12. Барзилов С., Чернышев А. Провинция: элита, номенклатура, интеллигенция // Свободная мысль. 1996. № 1.
13. Барзилов С., Чернышев А. Регион как политическое пространство // Свободная мысль. 1997. № 2.

14. Барзилов С., Чернышев А. Новые номенклатурные кланы // Свободная мысль. 1999. № 5.
15. Барзилов С. Тупики провинциального авторитаризма // Свободная мысль-XXI. 2000. № 3.
16. Барзилов С., Чернышев А. Диктатура лавочников // Свободная мысль-XXI. 2001. № 6.
17. Барзилов С., Чернышев А. Самоидентификация российской интеллигенции // Свободная мысль-XXI. 2001. № 12.
18. Барзилов С., Чернышев А. Маневры местной элиты // Свободная мысль-XXI. 2001. № 3.
19. Барзилов С., Чернышев А. Провинция: плоды реформ // Свободная мысль-XXI. 2001. № 3.
20. Барзилов С., Чернышев А. Три круга провинции // Свободная мысль-XXI. 2001. № 12.
21. Барзилов С.И., Чернышев А.Г. Безумство власти. Провинциальная Россия: двадцать лет реформ. М., 2005.

We Present the Economics Chair
of the Volga Region Academy
for Civil Service
named after P.A. Stolypin

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ
КАФЕДРУ ЭКОНОМИКИ
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ
ИМЕНИ П.А. СТОЛЫПИНА**

Кафедра экономики была образована в 1995 г. В настоящее время на ней работают 20 преподавателей. Преподаватели, имеющие ученые степени и звания составляют 85%; при этом преподавателей, имеющих ученую степень и ученое звание доктора экономических наук, профессоров – три человека, кандидатов экономических наук, доцентов – 15 человек. Возглавляет кафедру доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Валентина Владимировна Герасимова.

Подготовка студентов среднего профессионального, первого и второго высшего образования преподавателями кафедры экономики осуществляется:

– по специальностям «Правоведение», «Экономика и бухгалтерский учет (общая коммерческая деятельность по обеспечению функционирования рынка)», «Менеджмент (общая коммерческая деятельность по обеспечению функционирования рынка)», «Политология», «Юриспруденция», «Бухгалтер-

ский учет, анализ и аудит», «Экономика и управление на предприятии отрасли (операции с недвижимым имуществом)», «Государственное и муниципальное управление», «Менеджмент организации», «Маркетинг», «Таможенное дело», «Управление персоналом», «Регионоведение», «Связи с общественностью», «Документоведение и документационное обеспечение управления», «Антикризисное управление», «Налоги и налогообложение», «Прикладная информатика (в управлении)», «Организация работы с молодежью» на очном и заочном отделениях;

– по направлениям подготовки «Экономика», «Юриспруденция», «Менеджмент», «Конфликтология»;

– на факультете повышения квалификации (профессиональная подготовка и переподготовка, повышение квалификации служащих федеральных и региональных государственных органов, органов местного самоуправления).

В рамках дисциплин специализаций преподавателями кафедры регулярно проводятся выездные занятия совместно с организациями-работодателями – Центром занятости Волжского района (дисциплина «Государственное регулирование доходов и занятости»), Саратовской губернской торгово-промышленной палатой (дисциплины «Организация, техника и управление ВЭД на предприятиях и в регионе»), Софит-Экспо (дисциплины «Экономика и управление ЖКХ», «Государственное регулирование доходов и занятости»). Кафедра экономики является выпускающей для специализации «Управление социально-экономическими процессами» в рамках специальности «Государственное и муниципальное управление»; специальности «Таможенное дело» и направлению подготовки «Экономика».

Преподавание экономических дисциплин осуществляется с учетом профессиональной направленности факультетов Поволжской академии государственной службы. Оно ориентировано на развитие компетенций специалистов в области государственной и муниципальной службы, таможенного дела, экономики.

Осуществляя послевузовское образование по различным направлениям повышения квалификации и переподготовки, дополнительного высшего профессионального образования, кафедра экономики в течение 15 лет ведет подготовку аспирантов по специальности 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством. Многие молодые преподаватели, работающие в академии, окончили аспирантуру по данной специальности и успешно продолжают научно-исследовательскую деятельность. В рамках аспирантуры подготовлено более половины кандидатов экономических наук, являющихся штатными преподавателями кафедр факультетов государственного и муниципального управления, экономики и управления.

Члены кафедры экономики осуществляют преподавание дисциплин в рамках магистерских программ «Государственное и муниципальное управление», «Государственные и муниципальные финансы», «Региональная экономика». Реализация магистерских программ позволит в большей мере изучать и исследовать проблемы регионального и муниципального управления, экономики региона, бюджетно-финансовой отчетности муниципальных образований.

Кафедра экономики активно участвует в разработке учебных программ по проблемам оценки муниципальных инвестиционных проектов и муниципальной инвестиционной политики, государственной экономической политики, реализуемых Институтом дополнительного профессионального образования. Преподаватели ведут консультирование по проблемам бизнес-планирования, развития предпринимательства и малого бизнеса, разработки и реализации экономической политики на уровне муниципальных образований.

Объектом управленческой деятельности выпускников ПАГС являются городские и сельские территории муниципальных образований, в связи с чем в рамках специализации «Государственное и муниципальное управление», магистерских программ большое внимание уделяется освоению и приобретению профессиональных компетенций в области экономики и управлении социальной сферой, прежде всего экономике и управлению в сфере ЖКХ. Большое внимание уделяется изучению и решению проблем экономики и управления муниципальными образованиями, в особенности сельскими. В рамках авторских учебных программ по экономике села, аграрной политике, экономической и продовольственной безопасности преподаватели кафедры разрабатывают эксклюзивные курсы.

В решении стоящих перед ней учебных, научных и иных профессиональных задач кафедра тесно сотрудничает с Правительством Саратовской области, министерствами экономического развития и торговли, строительства и ЖКХ. Специалисты кафедры участвовали в разработке проекта стратегического плана развития Саратовской области, проектов «Свободная экономическая зона “Содружество”», «Стратегии перспективного развития дорожного комплекса Саратовской области в составе международных транспортных коридоров до 2010 года», методических рекомендаций по подготовке программы социально-экономического развития муниципального образования.

Соответствуя требованиям времени, кафедра имеет плодотворный опыт и взаимодействия с вузами за рубежом. В течение многих лет осуществляется совместная учебная и научно-исследовательская деятельность преподавателей кафедры экономики ПАГС и зарубежных партнерских вузов. Специалистами были разработаны курсы по экономике государственного сектора, экономике для менеджеров; проведены совместные научные исследования по оценке земельных ресурсов муниципальных образований и вовлечению их в экономический оборот с целью эффективного использования и налогообложения. Преподаватели кафедры экономики активно участвуют в грантовой и совместной издательской деятельности. Результаты научных теоретических и эмпирических исследований опубликованы в научных журналах, сборниках, монографических и учебно-методических работах.

Научно-исследовательская работа преподавателями кафедры осуществляется в рамках приоритетных научных направлений, отражающих профессиональную направленность вуза: «Проблемы и противоречия развития муниципального сектора экономики в России», «Стратегическое управление социально-экономическим развитием региона», «Частно-государственное партнерство бизнеса, власти, государственного сектора экономики».

На кафедре функционируют студенческие научные кружки «Резервы регионального экономического роста» и «Основы предпринимательства», являющиеся серьезной базой формирования научного потенциала молодежи. Участники кружка уже в студенческие годы определяют тенденции своего научного интереса, что во многих случаях формирует их дальнейшую профессиональную направленность. Имеется достаточное количество примеров, когда бывшие члены кружка продолжили научную работу и завершили ее защитой кандидатской диссертации.

Результаты научных исследований используются в учебном процессе, обеспечивая инновационные подходы в преподавании экономических дисциплин. Преподаватели используют все имеющиеся возможности для постоянного повышения уровня подготовки профессиональных кадров, они нацелены на развитие и успешную деятельность в структуре Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина.

*В.В. Герасимова,
заведующий кафедрой экономики,
доктор экономических наук, профессор*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агабабян Арсен Зармикевич – аспирант кафедры гражданского процесса, трудового и экологического права Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: arsen-ussr@mail.ru

Андреева Екатерина Александровна – аспирант кафедры педагогики Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: kateandrev@gmail.com

Андриянова Елена Андреевна – доктор социологических наук, заведующий кафедрой философии, гуманитарных наук и психологии Саратовского государственного медицинского университета имени В.И. Разумовского
e-mail: AndriyanovaEA@gmail.ru

Аранович Инна Юрьевна – ассистент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии Саратовского государственного медицинского университета имени В.И. Разумовского
e-mail: Varanovich-1988@yandex.ru

Архипова Марина Валентиновна – аспирант кафедры маркетинга Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: arhipova_marina@bk.ru

Астафичев Павел Александрович – доктор юридических наук, профессор, директор юридического института, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права ФГОУ ВПО «Государственный университет – учебно-научно-производственный комплекс» (г. Орел)
e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Баранова Людмила Константиновна – кандидат социологических наук, доцент кафедры политических наук Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: LBar@list.ru

Барышная Наталия Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления филиала Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина в г. Балакове
e-mail: nirpags@balakovo.info

Беляова Анна – кандидат наук, инженер, доцент кафедры общественного управления Высшей школы экономики и менеджмента общественного управления (г. Братислава, Словацкая Республика)
e-mail: anna.belajova@vsemvs.sk

Богданова Елена Петровна – заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Ижевского юридического института (филиала) Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации
e-mail: kafgpd2@mail.ru

Ворошилова Светлана Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права Саратовской государственной академии права
e-mail: SVVoroshilova@gmail.ru

Гайнутдинова Александра Ивановна – аспирант кафедры гражданского права и процесса Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права
e-mail: sa_sha814@rambler.ru

Гамалова Марта – кандидат наук, инженер, доцент кафедры общественного управления Высшей школы экономики и менеджмента общественного управления (г. Братислава, Словацкая Республика)
e-mail: marta.hamalova@vsemvs.sk

Геллер Александр Яковлевич – заведующий кафедрой конкурентной политики и государственного регулирования экономики Института экономики управления и права (г. Казань)
e-mail: algell@mail.ru

Гримашевич Ольга Николаевна – кандидат экономических наук, профессор кафедры менеджмента Саратовского государственного социально-экономического университета
e-mail: Grimashevich@list.ru

Дакирова Светлана Тлековна – младший научный сотрудник лаборатории социального развития сельских сообществ Института аграрных проблем РАН (г. Саратов)
e-mail: dakirova-ne@mail.ru

Дикунов Сергей Александрович – преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала Института экономики и антикризисного управления (г. Москва) в г. Вольске
e-mail: Dikunov_SA@rambler.ru

Долгов Виктор Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: dolgov_vik@rambler.ru

Запорожцев Александр Григорьевич – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Саратовского юридического института МВД России
e-mail: zaporojtsev-82@mail.ru

Зиновьева Евгения Александровна – ассистент кафедры социальных и гуманитарных наук Балаковского института техники, технологии и управления (филиала) Саратовского государственного технического университета
e-mail: eva_zinov@mail.ru

Камаев Роман Александрович – кандидат экономических наук, начальник Управления оценки и аудита Департамента имущества города Москвы
e-mail: romanalex2000@yandex.ru

Клочкова Татьяна Николаевна – кандидат социологических наук, социолог-специалист научно-исследовательской методической лаборатории Волго-Вятской академии государственной службы (г. Н. Новгород)
e-mail: tak-nn@mail.ru

Ковальчук Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры физвоспитания и спорта, соискатель кафедры экономической социологии Саратовского государственного социально-экономического университета
e-mail: kowalchuk.tatjana@yandex.ru

Ковачова Ивана – Mgr., преподаватель кафедры общественного управления Высшей школы экономики и менеджмента общественного управления в Братиславе (Словацкая Республика)
e-mail: ivana.kovacsova@vsemvs.sk

Козырев Кирилл Андреевич – аспирант кафедры педагогики Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: kirill.kozyrev@gmail.com

Командиров Алексей Александрович – аспирант кафедры конституционного и муниципального права Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: alkomandirov@yandex.ru

Коренева Елена Александровна – старший преподаватель кафедры логопедии и психолингвистики Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: eakoreneva@yandex.ru

Куропаткин Сергей Александрович – аспирант кафедры философии Саратовского государственного технического университета
e-mail: firstbell@mail.ru

Литвинова Юлия Михайловна – ассистент кафедры частного права Поволжского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации (г. Энгельс); соискатель кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной академии права
e-mail: jul-ltv@mail.ru

Лопухин Владимир Юрьевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и экономики труда Саратовского государственного технического университета
e-mail: noo_sfera@mail.ru

Майорошова Милена – инженер, доцент кафедры общественного управления Высшей школы экономики и менеджмента общественного управления (г. Братислава, Словацкая Республика)
e-mail: milena.majorosova@vsemvs.sk

Маркова Марина Николаевна – аспирант кафедры философии Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: pishite_marinke@mail.ru

Милушев Дмитрий Фяридович – преподаватель кафедры теории права Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: milushev_064@mail.ru

Миронова Ольга Сергеевна – преподаватель кафедры бухгалтерского учета, аспирант кафедры маркетинга Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: mironova-olga@mail.ru

Назарова Ирина Владимировна – старший преподаватель кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин филиала Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина в г. Балашове
e-mail: niv7474@mail.ru

Никифоров Ярослав Александрович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии регионов Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: nikiforovy@mail.ru

Пиунова Виктория Валерьевна – аспирант кафедры связей с общественностью Саратовского государственного социально-экономического университета
e-mail: piunova@list.ru

Пузиков Руслан Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина
e-mail: ruslanlaw@mail.ru

Россошанский Александр Андреевич – ассистент кафедры конституционного и муниципального права Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: aross@mail.ru

Садыков Айрат Рафкатович – аспирант кафедры политических наук Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: tatarin5220@mail.ru

Тренева Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры теории и истории социологии Московского педагогического государственного университета

e-mail: ocaoca@yandex.ru

Филип Станислав – PhD, инженер, доцент кафедры менеджмента Высшей школы экономики и менеджмента общественного управления (г. Братислава, Словацкая Республика)

e-mail: stanislav.filip@vsemvs.sk

Черкасова Татьяна Павловна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства Северо-Кавказской академии государственной службы (г. Ростов-на-Дону)

e-mail: nauka@skags.ru

Чернышев Владимир Владимирович – кандидат социологических наук, министр социального развития Саратовской области

e-mail: anvyal@mail.ru

Чернышов Алексей Геннадьевич – доктор политических наук, руководитель Центра стратегических инициатив и прогнозов (г. Москва)

e-mail: 1434_alex@post.ru

Эррера Лариса Михайловна – кандидат психологических наук, доцент кафедры основ экономической теории и социологии Новомосковского института Российского химико-технологического университета имени Д.И. Менделеева (Тульская область, г. Новомосковск)

e-mail: regionculture@mail.ru

Юньков Александр Юрьевич – аспирант кафедры экономических и финансовых дисциплин Московского государственного университета

e-mail: yunga19@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Arsen Zarmikovich Agababyan – post-graduate student of the Civil Process Process, Labor and Environmental Law Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: arsen-ussr@mail.ru

Ekaterina Alexandrovna Andreeva – post-graduate student of the Pedagogies Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: kateandreeva@gmail.com

Elena Andreevna Andriyanova – Doctor of Sociology, Head of the Philosophy, Humanities and Psychology Chair, Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky
e-mail: AndriyanovaEA@gmail.ru

Inna Yurievna Aranovich – assistant lecturer of the Philosophy, Humanities and Psychology Chair, Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky
e-mail: Varanovich-1988 @yandex.ru

Marina Valentinovna Arkhipova – post-graduate student of the Marketing Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: arhipova_marina@bk.ru

Pavel Alexandrovich Astafichev – Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute, Head of the Constitutional and Municipal Law FGOU VPO “The State University – Teaching, Research and Production Complex” (Orel)
e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Lyudmila Konstantinovna Baranova – Candidate of Sociology, docent of the Politics Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: LBar@list.ru

Natalia Alexandrovna Baryshnaya – Candidate of Politics, docent of the Public Administration Chair, Balakovo Branch of the Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: nirpags@balakovo.info

Anna Belyaova – Candidate of Science, Engineer, docent of the Public Administration Chair, Higher School of Economics and Management of Public Administration (Bratislava, the Slovak Republic)
e-mail: anna.belajova@vsemvs.sk

Elena Petrovna Bogdanova – Head of the State Legal Disciplines Chair, Izhevsk Law Institute, branch of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation
e-mail: kafgpd2@mail.ru

Svetlana Vyacheslavovna Voroshilova – Candidate of History, docent of the History of State and Law Chair, Saratov State Academy of Law
e-mail: SVVoroshilova@gmail.ru

Alexandra Ivanovna Gainutdinova – post-graduate student of the Civil Law and Process Chair, Tyumen State Academy of the World Economics, Management and Law
e-mail: sa_sha814@rambler.ru

Marta Gamalova – Candidate of Science, Engineer, docent of the Public Administration Chair, Higher School of Economics and Management of Public Administration (Bratislava, the Slovak Republic)
e-mail: marta.hamalova@vsemvs.sk

Alexander Yakovlevich Geller – Head of the Competition Policy and State Regulation of Economics Chair, Institute of Economics of Management and Law (Kazan)
e-mail: algell@mail.ru

Olga Nikolaevna Grimashevich – Candidate of Economics, Professor of the Management Chair, Saratov State Socio-Economic University
e-mail: Grimashevich@list.ru

Svetlana Tlekovna Dakirova – junior scientific employee of the Laboratory for Social Development of Rural Communities, the Institute of Agrarian Problems of RAS (Saratov)
e-mail: dakirova-ne@mail.ru

Sergey Alexandrovich Dikunov – lecturer of the Humanities and Social-Economic Disciplines Chair, Volsk Branch of the Economics and Crisis Management Institute (Moscow)
e-mail: Dikunov_SA@rambler.ru

Viktor Mikhailovich Dolgov – Doctor of History, Professor of the Politics Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: dolgov_vik@rambler.ru

Alexander Grigorievich Zaporozhtsev – lecturer of the Civil and Legal Disciplines Chair, Saratov Law Institute of the MVD of Russia
e-mail: zaporozhtsev-82@mail.ru

Evgenia Alexandrovna Zinovieva – assistant lecturer of the Social Sciences and Humanities Chair, Balakovo Institute (branch) of Technology, Engineering and Management of the Saratov State Technical University
e-mail: eva_zinov@mail.ru

Roman Alexandrovitch Kamaev – Candidate of Economics, head of the Valuation and Audit Division, the Department of Property of Moscow
e-mail: romanalex2000@yandex.ru

Tatiana Nikolaevna Klochkova – Candidate of Sociology, sociologist-expert of the Scientific Research Methodical Laboratory of the Volga-Vyatka Civil Service Academy (Novgorod)
e-mail: tak-nn@mail.ru

Tatyana Vladimirovna Kovalchuk – senior lecturer of the Physical Education and Sport Chair, Saratov State Socio-Economic University
e-mail: kovalchuk.tatjana@yandex.ru

Ivana Kovachova – Mgr., lecturer of the Public Administration Chair, Higher School of Economics and Management of Public Administration (Bratislava, the Slovak Republic)
e-mail: ivana.kovacsova@vsemvs.sk

Kirill Andreevich Kozyrev – post-graduate student of the Pedagogies Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: kirill.kozyrev@gmail.com

Aleksey Alexandrovich Komandirov – post-graduate student of the Constitutional and Municipal Law Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: alkomandirov@yandex.ru

Elena Alexandrovna Koreneva – senior lecturer of the Logopedics and Psycholinguistics Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: eakoreneva@yandex.ru

Sergey Alexandrovich Kuropatkin – post-graduate student of the Philosophy Chair, Saratov State Technical University
e-mail: firstbell@mail.ru

Yulia Mikhailovna Litvinova – assistant lecturer of the Private Law Chair, Volga Region Cooperation Institute (Branch) of the Russian University of Cooperation (Engels); competitor of the Financial, Banking and Customs Law Chair, Saratov State Law Academy
e-mail: jul-ltv@mail.ru

Vladimir Yurievich Lopukhin – Candidate of Economics, docent of the Economic Theory and Labor Economy Chair, Saratov State Technical University
e-mail: noo_sfera@mail.ru

Milena Mayoroshova – Engineer, docent of the Public Administration Chair, Higher School of Economics and Management of Public Administration (Bratislava, the Slovak Republic)
e-mail: milena.majorosova@vsemvs.sk

Marina Nikolaevna Markova – post-graduate student of the Philosophy Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: pishite_marinke@mail.ru

Dmitry Fyaridovich Milushev – lecturer of the Law and Theory Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: milushev_064@mail.ru

Olga Sergeevna Mironova – lecturer of the Accounting Chair, post-graduate student of the Marketing Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: mironova-olga@mail.ru

Irina Vladimirovna Nazarova – senior lecturer of the Humanities and Natural Sciences Chair, Balashov Branch of the Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: niv7474@mail.ru

Yaroslav Alexandrovich Nikiforov – Candidate of Sociology, docent of the Sociology of Regions Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: nikiforovy@mail.ru

Viktoria Valerievna Piunova – post-graduate student of the Public Relations Chair, Saratov State Socio-Economic University
e-mail: piunova@list.ru

Ruslan Vladimirovich Puzikov – Candidate of Law, docent of the Civil Law and Process Chair, Tambov State University named after G.R. Derzhavin
e-mail: ruslanlaw@mail.ru

Alexander Andreevich Rossoshansky – assistant lecturer of the Constitutional and Municipal Law Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: aross@mail.ru

Airat Rafkatovich Sadykov – post-graduate student of the Politics Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: tatarin5220@mail.ru

Tatiana Vladimirovna Treneva – senior lecturer of the Theory and History of Sociology Chair, Moscow Pedagogical State University
e-mail: ocaoca@yandex.ru

Stanislav Filip – PhD, Engineer, docent of the Management Chair, Higher School of Economics and Management of Public Administration (Bratislava, the Slovak Republic)
e-mail: stanislav.filip@vsemvs.sk

Tatiana Pavlovna Cherkasova – Candidate of Economics, docent of the Economic Theory and Entrepreneurship Chair, North-Caucasus Academy for Civil Service (Rostov-on-Don)
e-mail: nauka@skags.ru

Vladimir Vladimirovich Chernyshev – Candidate of Sociology, the Minister of Social Development of the Saratov Region
e-mail: anvyal@mail.ru

Aleksey Gennadievich Chernyshov – Doctor of Politics, director of the Centre for Strategic Initiatives and Forecasts (Moscow)
e-mail: 1434_alex@post.ru

Larisa Mikhailovna Herrera – Candidate of Psychology, docent of the Bases of Economic Theory and Sociology Chair, Novomoskovsk Institute of the Russian Chemical-Technological University named after D.I. Mendeleev (Tula Region, Novomoskovsk)
e-mail: regionculture@mail.ru

Alexander Yurievich Yunkov – post-graduate student of the Economic and Financial Disciplines Chair, Moscow State University
e-mail: yunga19@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4

Садыков А.Р.	
Роль административной элиты в консолидации местного сообщества	4
Пиунова В.В.	
Управленческая культура муниципальных служащих: постановка исследовательской проблемы	9
Клочкова Т.Н.	
Дополнительное профессиональное образование государственных и муниципальных служащих: проблемы и пути совершенствования	14
Литвинова Ю.М.	
Особенности таможенно-банковского валютного контроля в Таможенном союзе	22
Беляева А., Гамалова М., Филип С., Майорошова М., Ковачова И.	
Консолидация структуры населенных пунктов через муниципализацию: словацкий опыт для России	28

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

36

Барышная Н.А.	
Этносоциальные отношения в регионе: специфика восприятия	36
Камаев Р.А.	
Регионализм: новая социально-экономическая реальность и новая региональная политика	41
Милушев Д.Ф.	
Пределы вмешательства государства в экономику: теоретико-правовой аспект	48
Богданова Е.П.	
Отечественный опыт создания и реализации нормативных правовых актов в области горного дела Российской империи (на примере деятельности А.Ф. Дерябина)	53

Запорожцев А.Г.

Проблемы конституционного права на наследование
в современном российском обществе 59

Ворошилова С.В.

Юридическая природа приданого в XIX веке 64

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

70

Пузиков Р.В.

Доктрина как форма и источник формирования правовой политики 70

Командиров А.А.

Запрет дискриминации в сфере труда: особенности закрепления принципа
в Конституции Российской Федерации, конституциях и уставах ее субъектов 76

Россошанский А.А.

Особенности осуществления конституционного принципа равенства
перед судом в системе арбитражного правосудия 80

Гайнутдинова А.И.

Современное направление правового регулирования
инвестиционных отношений в российском законодательстве 84

Агабабян А.З.

Институт кассации в российском гражданском судопроизводстве:
состояние и перспективы развития 90

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

95

Лопухин В.Ю.

Пути повышения мотивации демографического поведения
в условиях неблагоприятного влияния факторов внешней среды 95

Чернышев В.В.

Влияние социальных пособий в связи с рождением и воспитанием детей
на уровень жизни сельских семей
(по материалам выборочного социологического исследования) 100

Андрянова Е.А., Аранович И.Ю.

Родовой сертификат как актуальный инструмент охраны
материнства и детства в Российской Федерации 105

Ковальчук Т.В.

Здоровье и репродуктивное поведение вузовской молодежи:
результаты социологического исследования 111

Зиновьева Е.А.

Проблема дифференциации факторов равноправия
в образовательном пространстве 116

Назарова И.В.

Организация самостоятельной работы в вузе
в целях профессионально-творческого саморазвития студентов 121

Козырев К.А.

Исследовательская деятельность как средство самоутверждения учащихся 127

Андреева Е.А.	Современные модели тьюторства в России, странах Европейского Союза и Ближнего Востока (сравнительный анализ)	131
Эррера Л.М.	Особенности социально-воспитательной работы с неформальной молодежью в вузе	137
Коренева Е.А.	Технология подготовки будущих педагогов к работе по раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста	144

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ 151

Миронова О.С.	Проблемы совершенствования пенсионной системы России	151
Дикунов С.А.	Социальные проблемы трансформации занятости в России	157
Тренева Т.В.	Организационная и корпоративная идентичность работника в контексте теории референтных групп	162
Юньков А.Ю.	Подготовка кадров для отрасли физической культуры и спорта в условиях реформирования образовательной системы	168
Черкасова Т.П.	Потенциал и ограничения реализации инвестиционно-инновационной модели роста в России	172
Архипова М.В.	Содержание механизма публичного управления инвестиционным потенциалом территориальной социально-экономической системы	181
Геллер А.Я.	Предпосылки и пути развития открытого аукциона в электронной форме как инструмента закупок для государственных нужд	186
Гримашевич О.Н.	Риски предприятий стекольной промышленности	191

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ 199

Маркова М.Н.	Роль экологического воспитания и образования в формировании экологического мышления	199
Куропаткин С.А.	Особенности духовных факторов стимулирования трудовой деятельности в традициях западного и российского обществ	204
Дакирова С.Т.	Жизненные перспективы сельской молодежи: опыт социологического исследования	208

Никифоров Я.А.

Социологический дискурс Н.Г. Чернышевского:
теоретико-методологическая концептуализация214

**РЕЦЕНЗИИ.
ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ
220**

Астафичев П.А.

Рецензия на монографию:

Ишеков К.А. Реализация конституционного принципа разделения властей
в субъектах Российской Федерации / под ред. П.П. Сергуна. – Саратов:
ГОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции
Российской Федерации», 2010. – 244 с. 220

Баранова Л.К., Долгов В.М., Чернышов А.Г.

Памяти С.И. Барзилова 224

Представляем кафедру экономики Поволжской академии

государственной службы имени П.А. Столыпина 230

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
234**

CONTENTS

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

4

Sadykov A.R. The Role of Administrative Elite in the Local Community Consolidation	4
Piunova V.V. Managerial Culture of Municipal Employees: Setting the Research Problem	9
Klochkova T.N. Additional Vocational Education of Civil Servants: Problems and Lines of Development	14
Litvinova Yu.M. Features of the Customs-Banking Currency Control within the Customs Union	22
Belyaova A., Gamalova M., Filip S., Mayoroshova M., Kovachova I. The Consolidation of the Settlements Structure through Municipalisation: Slovak Experience for Russia	28

RUSSIAN STATE AND CIVIL SOCIETY: HISTORICAL EXPERIENCE AND CONTEMPORARY CONDITION

36

Baryshnaya N.A. Ethnic-Social Relations in a Region: Perception Specificity	36
Kamaev R.A. Regionalism: the New Social and Economic Reality and the New Regional Policy	41
Milushev D.F. Limits of the Government Interference in the Economy: Theoretical and Legal Aspect	48
Bogdanova E.P. Domestic Practices of Creation and Implementation of Regulatory Legal Acts in Mining of the Russian Empire (by the Example of A.F. Deryabin's Activity)	53
Zaporozhtsev A.G. The Problems of the Constitutional Right to Inheritance in Contemporary Russian Society	59
Voroshilova S.V. The Legal Nature of the Dowry in the XIX Century	64

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

70

Puzikov R.V. The Doctrine as a Form and Source of Legal Policy Formation	70
--	----

Komandirov A.A.	
The Prohibition against Discrimination in Employment: Features of Enshrining the Principle in the RF Constitution and the Constitutions and Charters of Its Subjects	76
Rossoshansky A.A.	
Peculiarities of the Implementation of the Constitutional Principle of Equality in the System of Arbitration Justice	80
Gainutdinova A.I.	
The Modern Trend of Legal Regulation of Investment Relations in the Russian Legislation	84
Agababyan A.Z.	
The Institution of Cassation in the Russian Civil Proceedings: the Condition and Development Prospects	90

SOCIAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

95

Lopukhin V.Yu.	
Ways to Increase Motivation of Demographic Behavior in Conditions of Adverse Influence of Environmental Factors	95
Chernyshev V.V.	
The Influence of Social Benefits for Child Birth and Education on Rural Families' Living Standards (Based on the Material of Selective Sociological Study).....	100
Andriyanova E.A., Aranovich I.Yu.	
Birth Certificate in the Context of Motherhood and Childhood Protection	105
Kovalchuk T.V.	
Health and Reproductive Behavior of Higher School Youth: Results of Sociological Research	111
Zinoveva E.A.	
The Problem of Differentiating Factors of Equality in Educational Space	116
Nazarova I.V.	
Organization of Self-Study in a Higher Education Institution as a Means of Professional and Creative Self-Development of Students	121
Kozyrev K.A.	
Research Activities as a Means of Self-Affirmation of Students	127
Andreeva E.A.	
Modern Tutoring Models in Russia, Countries of European Union and Gulf Region (Comparative Studies)	131
Herrera L.M.	
Features of Socio-Educational Work with Informal Youth in Higher Schools	137
Koreneva E.A.	
The Technology of Training Future Teachers to work on Early Intellectual Development of Preschool Children	144

SOCIAL-ECONOMIC MODERNIZATION OF RUSSIA

151

Mironova O.S.	
Problems of Improving the Pension System of Russia	151
Dikunov S.A.	
Social Problems of Employment Transformation in Russia	157

Trenea T.V.	Organizational and Corporate Identity in the Context of Referent Groups Theory	162
Yunkov A.Yu.	Staff Preparation for the Branch of Physical Training and Sports in Conditions of Reforming the Educational System	168
Cherkasova T.P.	The Potential and Constraints of the Investment-Innovation Growth Model Implementation in Russia	172
Arkhipova M.V.	Contents of the Mechanism of Territorial Socio-Economic System Investment Potential Public Administration	181
Geller A.Ya.	Background and the Development of an Open Auction in Electronic Form as a Tool for Public Procurement	186
Grimashevich O.N.	Risks of the Glass Industry Enterprises	191

**PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY:
APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS**

199

Markova M.N.	The Role of Ecological Education and Upbringing in the Ecological Thinking Formation	199
Kuropatkin S.A.	Features of Spiritual Factors in Labor Stimulation in Traditions of Western and Russian Societies	204
Dakirova S.T.	Life Prospects of Rural Youth: the Experience of Sociological Research	208
Nikiforov Ya.A.	N.G. Chernyshevsky's Sociological Discourse: Theoretical and Methodological Conceptualization	214

REVIEWS. SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE

220

Astafichev P.A.	Monograph Review: <i>Ishkov K.A.</i> The Implementation of the Constitutional Principle of Power Division in Subjects of the Russian Federation / ed. by P.P. Sergun. – Saratov: GOU VPO "The Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation", 2010. – 244 p.	220
Baranova L.K., Dolgov V.M., Chernyshov A.G.	In Memory of S.I. Barzilov	224
We Present the Economics Chair of the Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin	230

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

239

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

Научный журнал

№ 2 (27)

Редакторы *Т.П. Иванова, Л.Н. Головченко, Е.В. Феклистова*
Компьютерная верстка *Л.А. Михайловой*

Тем. план 2011 г., п. № 710

Подписано к печати 17.06.2011 г. Формат 70x100 $1/_{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.
Усл. печ. л. 20,32. Уч.-изд. л. 21,0. Тираж 500. Заказ 331.

ФГОУ ВПО «Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина».
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник ПАГС»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителях, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р.7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;

б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);

в) пристатейный библиографический список;

г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами ПАГС или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала
«Вестник Поволжской академии государственной службы»
Сергеев Сергей Геннадьевич
(8452) 33 92 29

vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник ПАГС»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>